Harry Potter

and the Chamber of Secrets

J.K.ROWLING

BLOOMSBURY

Гарри Поттер и камера секретов

Джоан Кэтлин Роулинг

Аннотация
Дж. К. Роулинг. ГАРРИ ПОТТЕР И КАМЕРА СЕКРЕТОВ
Глава первая. ХУДШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
Глава вторая. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ДОББИ
Глава третья. НОРА
Глава четвёртая. ВО «ФЛОРИШ И БЛОТТС»
Глава пятая. ДРАКУЧАЯ ИВА
Глава шестая. ГИЛДЕРОЙ ЛОКАРТ
Глава седьмая. ГРЯЗНОКРОВКИ И ТИХИЙ ШЁПОТ
Глава восьмая. СМЕРТЕНИНЫ
Глава девятая. ПИСЬМЕНА НА СТЕНЕ
Глава десятая. НЕНОРМАЛЬНЫЙ БЛАДЖЕР
Глава одиннадцатая. ДУЭЛЬНЫЙ КЛУБ
Глава двенадцатая. МЕТАМОРС
Глава тринадцатая. ЖУТКО СЕКРЕТНЫЙ ДНЕВНИК
Глава четырнадцатая. КОРНЕЛИУС ФАДЖ
Глава пятнадцатая. АРАГОГ
Глава шестнадцатая. КАМЕРА СЕКРЕТОВ
Глава семнадцатая. НАСЛЕДНИК СЛИЗЕРИНА
Глава восемнадцатая. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ДОББИ

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

Аннотация

Гарри Поттер переходит на второй курс Школы чародейства и волшебства Хогвартс. Эльф Добби предупреждает Гарри об опасности, которая поджидает его там, и просит больше не возвращаться в школу. Юный волшебник не следует совету эльфа и становится свидетелем таинственных событий, разворачивающихся в Хогвартсе. Вскоре Гарри и его друзья узнают о существовании Тайной Комнаты и сталкиваются с новыми приключениями, пытаясь победить темные силы.

Дж. К. Роулинг
ГАРРИ
ПОТТЕР И КАМЕРА СЕКРЕТОВ

Шону Ф.П. Харрису,
Лихому гонщику и верному другу.

Глава первая
ХУДШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Уже который раз в доме № 4 по Бирючинному проезду за завтраком разразился скандал. Мистер Вернон Дёрсли проснулся ранним утром от громкого уханья, доносившегося из комнаты племянника, Гарри.

— Третий раз за неделю! — прорычал он с другого конца стола. — Не можешь сладить с совой, так я от неё избавлюсь!

— Ей *скучно,* — в очередной раз попытался объяснить Гарри. — Она привыкла к свободе. Если б можно было выпускать её по ночам…

— Я что, на дурака похож? — гаркнул дядя Вернон, и кусок яичницы, прилипший к его пышным усам, покачнулся. — Я ведь знаю, что будет, если выпустить эту сову.

Он и его жена, Петуния, мрачно переглянулись. Гарри попробовал возразить, но тут сын Дёрсли, Дадли, громко рыгнул, заглушив все его слова.

— Хочу ещё бекона.

— Возьми со сковородки, золотце, — отозвалась тётя Петуния, глядя на тучного сына затуманен-

ным от нежности взором. — Нам надо тебя как следует подкормить, пока есть такая возможность… Не доверяю я что-то этой школьной еде…

— Глупости, Петуния, я ни разу не голодал, когда учился в «Смелтингсе», — с жаром заспорил дядя Вернон. — Наверняка и Дадли ест там вволю, верно, сынок?

Дадли, настолько толстый, что его зад не умещался на стуле, ухмыльнулся и повернулся к Гарри.

— Передай сковородку.

— Ты забыл волшебное слово, — с раздражением напомнил Гарри.

Воздействие этой простой фразы на остальное семейство было невероятным: Дадли охнул и свалился со стула с грохотом, от которого содрогнулась вся кухня (с таким грохотом, что вся кухня содрогнулась); миссис Дёрсли вскрикнула и прижала ладони ко рту; мистер Дёрсли вскочил на ноги, и на его висках отчётливо проступили вены.

— Я имел в виду «пожалуйста»! — поспешно пояснил Гарри. — Я не имел в виду…

— ЧТО Я ТЕБЕ ГОВОРИЛ, — загремел дядя, разбрызгивая слюну по столу, — НАСЧЁТ ЭТОГО… СЛОВА НА БУКВУ «В» В НАШЕЙ СЕМЬЕ?

— Но я…

— КАК ТЫ СМЕЕШЬ УГРОЖАТЬ ДАДЛИ! — взревел дядя Вернон, хватив кулаком по столу.

— Я же просто…

— Я ПРЕДУПРЕЖДАЛ! В СВОЁМ ДОМЕ Я НЕ ПОТЕРПЛЮ НИКАКИХ УПОМИНАНИЙ О ТВОЕЙ НЕНОРМАЛЬНОСТИ!

Гарри перевёл взгляд с побагровевшего дяди на бледное лицо тёти, силившейся поднять Дадли на ноги.

— Хорошо, — сдался Гарри, — *хорошо*…

Дядя Вернон сел, пыхтя, как разъярённый носорог и злобно косясь на Гарри.

С тех пор, как Гарри вернулся домой на летние каникулы, дядя Вернон обращался с ним, как с бомбой замедленного действия, потому что Гарри Поттер и впрямь *не был* нормальным мальчиком. На самом деле, он был настолько ненормальным, насколько это было возможно.

Гарри Поттер был колдуном, только что завершившим первый год обучения в Школе Колдовских и Ведьминских Искусств «Хогвартс». И, если Дёрсли и не обрадовались вернувшемуся на каникулы племяннику, это было ничто по сравнению с чувствами самого Гарри.

Его мучила тоска по школе — всё равно, что

постоянная острая боль в животе. Он скучал по замку с его потайными ходами и призраками; по занятиям (кроме разве что зелий с учителем, Снейпом); по почте, которую приносили совы; по праздничным банкетам в Большом Зале; по своей кровати с пологом в спальне в одной из башен; по чаепитиям с лесником, Хагридом, в его хижине на опушке Запретного Леса; а больше всего — по квиддичу, самому популярному виду спорта в магомире (шесть высоких шестов с кольцами, четыре летающих мяча, четырнадцать игроков на мётлах).

Все учебники Гарри, его волшебную палочку, мантии, котёл и скоростную метлу «Нимбус-2000» дядя Вернон отнял и запер в чулане под лестницей, едва племянник вернулся домой. Разве Дёрсли заботило, что Гарри могут исключить из сборной дома по квиддичу, потому что он не тренировался целое лето? Что им за дело, если Гарри отправится в школу с невыполненным домашним заданием? Дёрсли были самыми настоящими магглами (людьми без малейших способностей к магии), и, по их мнению, колдун в семье — величайший позор. Дядя Вернон даже сову Гарри, Хедвиг, запер в клетке на висячий замок, чтобы племянник не смог отправлять

письма кому-либо в магомире.

Гарри внешне не имел ничего общего со своими родственниками. Дядя Вернон был упитан, почти без шеи и с пышными чёрными усами; тётя Петуния — сухопарой, с лошадиным лицом; Дадли — светловолосым, розовощёким и свиноподобным. Гарри же был маленьким и худощавым, с ярко-зелёными глазами и чёрными как смоль, вечно растрёпанными волосами. Он носил очки с круглыми стёклами, а на лбу у него был тонкий шрам в виде молнии.

Именно благодаря этому шраму Гарри был так необычен даже среди колдунов. Он был единственным намёком на загадочное прошлое мальчика, на события, в результате которых одиннадцать лет назад он оказался на пороге дома Дёрсли.

Когда Гарри был год, он неведомо как пережил проклятие величайшего чёрного мага всех времён, лорда Волдеморта, чьё имя большинство ведьм и чародеев до сих пор боялись произносить. Родители Гарри погибли от рук Волдеморта, но Гарри спасся, отделавшись лишь шрамом, — и по какой-то причине Волдеморт лишился своей силы в тот самый момент, когда попытался убить его.

Поэтому Гарри воспитывали сестра его погибшей матери и её муж. С ними он провёл десять лет, не понимая, почему с ним то и дело происходили странные вещи; всё это время он верил россказням Дёрсли, что шрам он получил в автокатастрофе, в которой погибли его родители.

А затем, ровно год назад, Гарри пришло письмо из Хогвартса, и вся правда вскрылась. Гарри поступил в школу колдовства, где он и его шрам были знамениты… но учебный год кончился, наступили летние каникулы, и теперь он снова в доме Дёрсли, где с ним обращаются как с паршивой собакой, вывалявшейся в зловонной грязи.

Дёрсли даже не вспомнили, что вообще-то сегодня Гарри исполнилось двенадцать лет. Он, разумеется, многого и не ждал; они в жизни не дарили ему нормальных подарков, не говоря уж об именинном пироге, — но чтобы и словом не обмолвиться о празднике…

В этот момент дядя Вернон торжественно прокашлялся и объявил:

— Итак, как мы все помним, сегодня у нас знаменательный день.

Не веря своим ушам, Гарри поднял взгляд.

— Возможно, сегодня я заключу самую крупную сделку в своей жизни, — продолжил дядя

Вернон.

Гарри вновь принялся за тост. *Ну конечно,* с горечью подумал он, *опять дядюшка о своём дурацком званом ужине*. Уже две недели только о нем и речь. К ним на ужин собирался прийти какой-то строительный магнат с женой, и дядя Вернон надеялся получить от него большой заказ (фирма дяди Вернона занималась производством дрелей).

— Думаю, нам стоит ещё раз всё отрепетировать, — торопливо проговорил дядя Вернон. — К восьми все должны быть на своих местах. Петуния, ты будешь…?

— В гостиной, — подхватила тётя Петуния, — я любезно поприветствую гостей, когда они войдут.

— Очень хорошо. Дадли?

— Я открою дверь, — Дадли изобразил притворную, жеманную улыбочку. — Позвольте взять Ваши пальто, мистер и миссис Мейсон?

— Они его сразу *полюбят*! — в восторге воскликнула тётя Петуния.

— Прекрасно, Дадли! — похвалил дядя Вернон. После чего повернулся к Гарри. — А *ты?*

— Я буду сидеть в своей спальне, вести себя тихо и притворяться, что меня там нет, — монотонно

отрапортовал Гарри.

— Именно, — язвительно подтвердил дядя. — Я отведу их в гостиную, представлю тебя, Петуния, и налью им выпить. В восемь-пятнадцать…

— Я приглашаю гостей к столу, — кивнула тётя Петуния.

— А ты, Дадли, скажешь…

— Позвольте проводить вас в столовую, миссис Мейсон? — Дадли протянул толстую руку воображаемой женщине.

— Мой маленький джентльмен! — всхлипнула тётя Петуния.

— А *ты?* — злобно процедил дядя Вернон, обращаясь к Гарри.

— Я буду сидеть в своей спальне, вести себя тихо и притворяться, что меня там нет, — без выражения повторил Гарри.

— Верно. Теперь надо придумать парочку комплиментов. Петуния, есть идеи?

— Вернон рассказывал, как *чудесно* вы играете в гольф, мистер Мейсон… Расскажите же, миссис Мейсон, где вы купили такое роскошное платье?..

— Превосходно… Дадли?

— Как насчёт: «Мистер Мейсон, мы писали в школе эссе на тему «Мой кумир», и *я* написал

про *вас*».

Для тёти Петунии и Гарри это оказалось уже чересчур. Тётя разрыдалась и стиснула сына в объятиях, а Гарри нырнул под стол, чтобы они не заметили, как он трясётся от хохота.

— А ты, парень?

Гарри едва удалось сохранить бесстрастную мину, вылезая из-под стола.

— Я буду сидеть в своей спальне, вести себя тихо и притворяться, что меня там нет, — пробубнил он.

— Это уж точно, — с нажимом произнёс дядя Вернон. — Мейсоны о тебе ничего не знают, и так оно и будет. После ужина ты, Петуния, отведёшь миссис Мейсон обратно в гостиную на чашечку кофе, а я начну разговор о дрелях. Если всё пройдёт гладко, контракт мы подпишем ещё до десятичасовых новостей. И тогда завтра в это же время уже будем подыскивать себе летний дом на Майорке.

Гарри не особо обрадовался этой новости. Вряд ли на Майорке Дёрсли начнут относиться к нему лучше.

— Так … Я поехал в город за нашими с Дадли смокингами. А *ты*, — напустился он на Гарри, — не путайся у тёти под ногами и не мешай ей

убираться.

Гарри вышел на улицу через заднюю дверь. Стояла чудесная солнечная погода. Он пересёк лужайку, плюхнулся на садовую скамейку и вполголоса запел:

— С днём рожденья меня… с днём рожденья меня…

Ни открыток, ни подарков, и вдобавок он проведёт вечер, притворяясь, что его не существует. Он горестно уставился на живую изгородь. Никогда ещё ему не было так одиноко. Больше, чем по всему остальному, обретённому в Хогвартсе, больше даже, чем по квиддичу, Гарри тосковал по своим лучшим друзьям, Рону Уисли и Гермионе Грейнджер. А они, видимо, вовсе по нему не скучали. За все лето он не получил от них ни единого письма, хотя Рон даже собирался пригласить его погостить.

Гарри не раз приходило на ум отпереть заклинанием клетку Хедвиг и послать сову с письмом Рону и Гермионе; но так рисковать не стоило. Несовершеннолетним колдунам не разрешалось пользоваться магией вне школы. Гарри не рассказывал об этом Дёрсли; он знал, что только страх превратиться в навозных жуков не позволял им запереть *его* в чулане под лестницей, вместе с

палочкой и метлой. Первые пару недель Гарри нравилось бормотать себе под нос всякую чепуху и наблюдать, как Дадли улепётывает из комнаты, да так, что только толстые пятки сверкали. Но из-за затянувшегося молчания Рона и Гермионы Гарри почувствовал себя окончательно отрезанным от магомира, и даже дразнить кузена ему приелось, — а теперь друзья забыли о дне его рождения.

Что бы он теперь не отдал за весточку из магомира? От любого колдуна или колдуньи? Казалось, он с радостью встретился бы даже со своим заклятым врагом, Драко Малфоем, просто чтобы убедиться, что всё это не было сном…

Нельзя сказать, что учебный год выдался таким уж безмятежным. В самом конце последнего семестра Гарри столкнулся лицом к лицу ни с кем иным, как с самим лордом Волдемортом. Пусть от Волдеморта и остался лишь намёк на прежнее его могущество, он всё ещё был страшен, всё ещё хитёр, всё ещё полон решимости вернуть былую мощь. Гарри вновь удалось ускользнуть от Волдеморта, но гибель была близка как никогда, и даже сейчас, недели спустя, Гарри всё ещё просыпался по ночамв холодном поту, гадая, где теперь Волдеморт, вспоминая его мертвенно-бледное

лицо, широко раскрытые, безумные глаза…

Гарри резко выпрямился на скамейке. Он всё еще рассеянно рассматривал живую изгородь, — *но и изгородь глядела на него.* В листве появились два гигантских зелёных глаза.

Гарри вскочил на ноги, и тут послышался насмешливый голос.

— А я знаю, какой сегодня день, — пропел Дадли, вразвалочку приближаясь к нему.

Огромные глаза, моргнув, исчезли.

— Что? — переспросил Гарри, пристально глядя туда, где они только что были.

— Я знаю, какой сегодня день, — повторил Дадли, подойдя ближе.

— Браво, — одобрил Гарри. — Ты наконец-то выучил названия дней недели.

— У тебя сегодня *день рождения,* — усмехнулся Дадли. — А где же открытки? Или у тебя даже в той уродской школе нет друзей?

— Как бы мама твоя не услышала, что ты говоришь о моей школе, — холодно отозвался Гарри.

Дадли подтянул брюки, сползавшие с жирного зада.

— Ты чего это на изгородь уставился? — с подозрением поинтересовался он.

— Да вот, решаю, каким бы заклятием её под-

жечь.

Дадли с перепуганным видом отшатнулся.

— Ты н-не посмеешь… папа запретил тебе к-колдовать… он сказал, что вышвырнет тебя из дома… а тебе больше некуда пойти… у тебя даже *друзей* нет, так что забрать некому…

— *Сим-салабим!* — угрожающе забормотал Гарри. — *Ахалай-махалай… фокус-покус…*

— МАААМ! — взвыл Дадли, ринувшись к дому и спотыкаясь о собственные ноги. — МАААМ! Он занимается сама знаешь чем!

Гарри дорого заплатил за эту минуту веселья. Поскольку ни Дадли, ни изгородь не пострадали, тётя Петуния поняла, что колдовства не было, — но Гарри всё же едва увернулся от мыльной сковородки, которой она на него замахнулась. После чего тетя загрузила его работой, пообещав не кормить, пока он всё не закончит.

Пока Дадли слонялся без дела, наблюдая за ним и поедая мороженое, Гарри вымыл окна, отполировал машину, подстриг газон, прополол клумбы, подрезал и полил розы и перекрасил садовую скамейку. Солнце палило, обжигая сзади шею. Гарри знал, что не стоило принимать издёвки Дадли близко к сердцу, но кузен говорил точь-в-точь о том, о чём думал он сам… может, у него и правда

нет друзей в Хогвартсе…

Видели бы они сейчас знаменитого Гарри Поттера, всё больше распаляясь, думал он, удобряя клумбы; спину ломило, по лицу бежал пот.

Была уже половина восьмого, когда его, совершенно измотанного, наконец, позвала тётя Петуния:

— Заходи! И ступай по газетам!

Гарри с радостью прошагал в прохладную, сияющую чистотой кухню. На холодильнике высился пудинг: гора взбитых сливок и засахаренных фиалок. В духовке шкворчал свиной окорок.

— Ешь быстрее! Мейсоны вот-вот придут! — рявкнула тётя Петуния, указывая на тарелку с двумя ломтями хлеба и куском сыра. Она уже переоделась в коктейльное платье цвета лосося.

Гарри вымыл руки и торопливо заглотил свой жалкий ужин. Едва он закончил есть, тётя Петуния выхватила у него тарелку: — Быстро наверх!

Проходя мимо двери в гостиную, Гарри краем глаза заметил дядю Вернона и Дадли — те были в смокингах и галстуках-бабочках. Едва он добрался до верха лестницы, как в дверь позвонили, и у подножия лестницы показалось пышущее яростью лицо дяди Вернона.

— И не забудь, парень — хоть один звук…

Гарри на цыпочках прокрался к спальне, проскользнул в комнату, прикрыл за собой дверь и повернулся к кровати, намереваясь рухнуть на неё без чувств.

Вот только кровать оказалась занята.

Глава вторая
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ДОББИ

Гарри лишь чудом удержался и не вскрикнул. У существа невысокого роста, сидевшего на его кровати, были огромные, как у летучей мыши, уши и зелёные глаза навыкате размером с теннисные мячи. Гарри сразу же догадался, что именно эти глаза следили за ним из кустов этим утром.

Они уставились друг на друга; из прихожей донёсся голос Дадли:

— Позвольте взять Ваши пальто, мистер и миссис Мейсон?

Визитёр, соскользнув с постели, отвесил низкий поклон, так что длинным, тонким носом коснулся ковра. Гарри заметил, что облачён гость был в нечто вроде старой наволочки с прорезями для рук и ног.

— Э-э… здравствуйте, — нервно поздоровался Гарри.

— Гарри Поттер! — пронзительно воскликнул посетитель (внизу наверняка было слышно). — Добби так давно мечтал встретиться с вами, сэр… Такая честь…

— Сп-спасибо, — запинаясь, пробормотал Гарри, пробираясь вдоль стены к письменному столу и опускаясь на стул; рядом в клетке спала Хедвиг. Он хотел поинтересоваться: «Что вы за существо?», но, решив, что это чересчур неучтиво, спросил лишь:

— Кто вы?

— Добби, сэр. Просто Добби. Домовой эльф, — объяснил тот.

— О-о… правда? — промямлил Гарри. — М-м… не хочу показаться невежливым и всё такое, но… у меня сейчас не совсем подходящее время принимать домовых эльфов в своей комнате.

В гостиной раздавался звонкий, фальшивый смех тёти Петунии. Эльф понурил голову.

— Не то чтобы мне неприятно вас видеть, — поспешил утешить его Гарри, — но, эмм… вы пришли по какому-то определённому поводу?

— О да, сэр, — со всей серьёзностью подтвердил Добби. — Добби пришёл сообщить вам, сэр… это трудно объяснить, сэр… Добби не знает, с чего начать…

— Присаживайтесь, — вежливо пригласил Гарри, указывая на постель.

К его ужасу, эльф разразился рыданиями — очень громкими рыданиями.

— *П-присаживайтесь!* — простонал он. — *Никогда…никогда ещё…*

Гарри показалось, что голоса внизу внезапно стихли.

— Простите, — прошептал он, — я не хотел вас обидеть…

— Обидеть Добби! — поперхнулся эльф. — Ни один колдун *никогда* не просил Добби сесть… как *равного*…

Гарри, пытаясь сказать «Чшш!» и одновременно принять сочувствующий вид, проводил Добби к кровати, где тот уселся, икая, смахивая на большую уродливую куклу. Наконец, он взял себя в руки и с обожанием в блестящих от слёз глазах воззрился на Гарри.

— Вам, должно быть, нечасто встречались приличные колдуны, — предположил Гарри, пытаясь приободрить его.

Добби потряс головой. Вдруг, без всякого предупреждения, он вскочил и начал яростно биться головой об оконное стекло с воплями: «*Плохой* Добби! *Плохой* Добби!»

— Не надо… что вы вытворяете? — прошипел Гарри, рванувшись к эльфу и оттащив его обратно на кровать; Хедвиг проснулась с особенно громким криком и теперь неистово молотила

крыльями по прутьям клетки.

— Добби пришлось наказать себя, сэр, — пояснил эльф; глаза у него слегка съехали к переносице. — Добби чуть было не оскорбил свою семью, сэр…

— Семью?

— Колдовскую семью, на которую Добби трудится, сэр… Добби — домовой эльф, он обязан служить одному дому и одной семье всю жизнь…

— А они знают, что вы здесь? — осведомился Гарри.

Добби поёжился.

— О нет, сэр, нет… Добби придётся крайне сурово наказать себя за то, что он пришёл к вам, сэр… Добби придётся прищемить себе уши дверцей духовки. Если они узнают, сэр…

— Но разве они не заметят, если вы прищемите уши дверцей духовки?

— Добби в этом сомневается, сэр. Добби часто наказывает себя, сэр. Они это только поощряют, сэр. Иногда напоминают, что лишнее наказание не повредит…

— А почему вы не уйдёте от них? Почему не сбежите?

— Домовой эльф станет свободным, только если его семья сама отпустит его, сэр. А семья Добби

никогда не освободит его… Добби будет служить своей семье до конца своих дней, сэр…

Гарри неверяще уставился на Добби.

— А я-то думал, что не перенесу здесь ещё четыре недели, — пробормотал он. — По сравнению с этим Дёрсли ведут себя почти что по-человечески. А вам никто не может помочь? Я, например?

Практически сразу же Гарри пожалел, что раскрыл рот. Добби снова залился слезами благодарности.

— Пожалуйста, — лихорадочно зашептал Гарри, — пожалуйста, тише. Если Дёрсли что-нибудь услышат, если они узнают, что вы здесь…

— Гарри Поттер предлагает помощь Добби… Добби слышал о Вашем величии, сэр, но о Вашей доброте Добби не ведал…

Гарри почувствовал, как к щекам прилила краска.

— Не знаю, что вы там слышали о моём величии, но это всё ерунда. Я даже не лучший ученик среди однокурсников; вот Гермиона, она…

Но он сразу умолк, потому что вспоминать о Гермионе было больно.

— Гарри Поттер застенчив и скромен — благоговейно произнёс Добби, сверкая глазами-мячиками. — Гарри Поттер даже не упомянул о своей

победе над Тем-Кого-Нельзя-Называть.

— Волдемортом? — брякнул Гарри.

Добби зажал уши ладонями и простонал:

— Не произносите это имя, сэр! Не произносите имя!

— Простите, — выпалил Гарри. — Я знаю, многие этого не любят. Мой друг Рон…

Он вновь остановился. Вспоминать о Роне тоже было больно.

Добби наклонился к Гарри; его широко открытые глаза напоминали фары.

— Добби слышал, — хрипло начал он, — что Гарри Поттер вновь встретился с Тем-Кого-Нельзя-Называть, всего несколько недель назад… что Гарри Поттер *опять* спасся.

Гарри кивнул, и глаза Добби вновь увлажнились.

— Ах, сэр, — судорожно вздохнул он, промокнув лицо уголком грязной наволочки, в которую был одет. — Гарри Поттер отважен и храбр! Он мужественно встретился уже со столькими опасностями! Но Добби должен уберечь Гарри Поттера, предупредить его, пусть даже Добби и *придётся* прищемить уши дверцей духовки… *Гарри Поттеру нельзя возвращаться в Хогвартс.*

Наступила тишина, нарушаемая лишь до-

носящимся снизу звяканьем ножей и вилок и отдалённым гулом голоса дяди Вернона.

— Чт-что? — запнулся Гарри. — Но мне нужно вернуться, — учебный год начинается первого сентября. Это всё, ради чего мне стоит жить. Вы не представляете, каково мне тут. Я здесь *чужой*. Моё место — в вашем мире, в Хогвартсе.

— Нет, нет, нет, — пропищал Добби, так усердно мотая головой, что его уши заколыхались. — Гарри Поттер должен оставаться в безопасном месте. Он слишком велик, слишком добр, ему нельзя жертвовать собой. Вернувшись в Хогвартс, Гарри Поттер окажется в смертельной опасности.

— Почему? — удивился Гарри.

— Существует заговор, Гарри Поттер. Заговор, из-за которого в Хогвартсе в этом году произойдут ужасные вещи, — прошептал Добби, внезапно задрожав всем телом. — Добби узнал об этом ещё несколько месяцев назад, сэр. Гарри Поттер не имеет права подвергать себя опасности. Он слишком важен, сэр!

— Что за ужасные вещи? — сейчас же спросил Гарри. — Кто их замышляет?

Добби издал странный сдавленный хрип и принялся биться лбом о стену.

— Хорошо! — крикнул Гарри, хватая эльфа за

руку, чтобы остановить его. — Вам нельзя говорить мне. Я понял. Но почему вы предупреждаете *меня*? — внезапно его поразила неприятная догадка. — Постойте… может, здесь замешан Вол… простите… Сами-Знаете-Кто? Можете просто кивнуть или покачать головой, — поспешно прибавил он, поскольку лоб Добби снова оказался в пугающей близости от стены.

Добби медленно помотал головой.

— Не… не *Тот-Кого-Нельзя-Называть*, сэр.

Но эльф расширил глаза, пытаясь, похоже, намекнуть Гарри на что-то. Тот, однако, пришёл в полное замешательство.

— У него ведь нет брата?

Добби потряс головой, ещё сильнее выпучив глаза.

— Ну, тогда я не знаю, кому ещё удастся совершить в Хогвартсе что-то ужасное, — растерялся Гарри. — Я имею в виду, пока там Дамблдор — вы ведь знаете, кто такой Дамблдор?

Добби почтительно кивнул.

— Альбус Дамблдор — величайший директор в истории Хогвартса. Добби знает, сэр. Добби слышал, что силы Дамблдора не уступали могуществуТого-Кого-Нельзя-Называть, когда тот был на вершине власти. Но, сэр, — голос Добби пони-

зился до настойчивого шёпота, — существуют силы, которыми Дамблдор не… силы, которыми ни один честный маг…

И, прежде чем Гарри успел остановить его, Добби соскочил с кровати, схватил настольную лампу Гарри и с душераздирающими воплями принялся колотить ею себя по голове.

Внизу внезапно воцарилось молчание. Пару секунд спустя Гарри, с бешено колотящимся сердцем, услышал, как дядя Вернон прошагал в прихожую, крича на ходу: «Похоже, Дадли опять оставил телевизор включённым, маленький разбойник!»

— Быстро! В шкаф! — прошипел Гарри; он втолкнул Добби внутрь, захлопнул дверцу и бросился на кровать в тот самый миг, как повернулась дверная ручка.

— Какого — *чёрта* — ты — тут — вытворяешь? — процедил дядя Вернон сквозь плотно сжатые зубы, угрожающе приблизив физиономию к самому лицу Гарри. — Ты убил всю соль в моей шутке про японского гольфиста… Ещё один звук, парень, и ты пожалеешь, что родился на свет!

И, тяжело топая, он вышел из комнаты.

Дрожа, Гарри выпустил Добби из шкафа.

— Видите, каково мне здесь приходится? Види-

те, почему мне нужно вернуться в Хогвартс? Это единственное место, где у меня… ну, *мне кажется*, у меня есть друзья.

— Друзья, которые даже *не пишут* Гарри Поттеру? — хитро переспросил Добби.

— Ну, думаю, они просто… погодите-ка, — Гарри сдвинул брови. — Откуда *вы* знаете, что мои друзья мне не пишут?

Добби переминался с ноги на ногу.

— Гарри Поттер не должен сердиться на Добби. Добби хотел как лучше…

— *Вы воровали мои письма?*

— Они все здесь, сэр, — сказал эльф. Проворно отойдя подальше от Гарри, он вытащил из-под своего одеяния толстую пачку конвертов. Гарри различил аккуратно выведенные Гермионой строки, неряшливый почерк Рона и даже каракули, принадлежавшие, видимо, руке хогвартского лесника, Хагрида.

Добби, взволнованно моргая, глядел на Гарри.

— Гарри Поттер не должен сердиться… Добби надеялся, если Гарри Поттер решит, что друзья о нём забыли… то Гарри Поттер, может, и не захочет возвращаться в школу, сэр…

Гарри не слушал. Он попытался вырвать у эльфа письма, но тот отскочил подальше.

— Гарри Поттер получит их, сэр, если даст Добби слово не возвращаться в Хогвартс. Ах, сэр, вы не можете так рисковать! Обещайте, что вы не поедете!

— Нет, — гневно отрезал Гарри. — Дайте сюда мои письма!

— Значит, Гарри Поттер не оставляет Добби выбора, — печально констатировал Добби.

Гарри не успел и пальцем шевельнуть, а Добби уже ринулся к двери и понёсся вниз по лестнице.

У Гарри упало сердце; с пересохшим горлом он выскочил вслед за ним, пытаясь не шуметь. Перемахнув через последние шесть ступеней и по-кошачьи приземлившись на ковёр, он огляделся в поисках Добби. Из столовой донёсся голос дядя Вернона: «...прошу вас, мистер Мейсон, расскажите Петунии ту смешную историю про американских сантехников. Ей не терпится послушать...»

Гарри бегом пересёк прихожую, влетел в кухню и ощутил, как душа уходит в пятки.

Тётин роскошный пудинг, огромная шапка взбитых сливок и засахаренных фиалок, парил под потолком. В углу на буфете сжался Добби.

— Нет, — прохрипел Гарри. — Пожалуйста...

они убьют меня…

— Пусть Гарри Поттер пообещает, что не вернётся в школу…

— Добби… пожалуйста…

— Обещайте, сэр…

— Не могу…

Добби скорбно поглядел на него.

— Тогда Добби придётся пойти на это, сэр, для блага Гарри Поттера.

Пудинг рухнул на пол с грохотом, от которого у Гарри едва не остановилось сердце. Блюдо разбилось вдребезги, и взбитые сливки забрызгали окна и стены. Со звуком, напоминающим щелчок хлыста, Добби растворился в воздухе.

В столовой раздались крики; ворвавшись в кухню, дядя Вернон увидел Гарри, в ужасе застывшего на месте, с ног до головы перемазанного пудингом тёти Петунии.

Поначалу казалось, что дяде Вернону удастся всё замять («Это всего лишь наш племянник — он у нас нездоров — чужие люди его пугают, поэтому мы держали его наверху…»). Он, как перепуганных птенцов, загнал Мейсонов обратно в столовую, пообещав Гарри избить его до полусмерти, чуть только гости уйдут, и вручил ему швабру. Тётя Петуния, порывшись в морозильни-

ке, достала мороженое, а Гарри, всё ещё дрожа, принялся отчищать кухню.

Быть может, дяде Вернону и удалось бы ещё заключить свою сделку — если бы не сова.

Тётя Петуния как раз передавала по кругу коробку освежающих дыхание мятных пастилок, как вдруг огромная сипуха, спикировав в окно столовой, сбросила на голову миссис Мейсон письмо и вылетела прочь. Миссис Мейсон завопила не хуже банши и выбежала из дома, крича что-то насчёт психованных. Мистер Мейсон же задержался ровно настолько, чтобы проинформировать Дёрсли — его жена панически боится птиц всех видов и размеров; а также поинтересоваться, смешно ли им самим от этой идиотской шутки.

Гарри стоял на кухне, сжимая швабру в качестве поддержки; дядя Вернон надвигался на него с сатанинским блеском в крошечных глазках.

— Читай! — с яростью прошипел он, потрясая принесённым совой письмом. — Читай, я сказал!

Гарри взял письмо. Это оказалась отнюдь не поздравительная открытка.

Уважаемый мистер Поттер,

Мы получили уведомление о том, что в 21–12 в месте Вашего проживания были

применены невесомые чары.

Как Вам известно, несовершеннолетним колдунам не дозволяется применение магии вне школы, и дальнейшая колдовская деятельность с Вашей стороны может повлечь за собой исключение из вышеупомянутого учебного заведения (на основании Декрета о разумном ограничении волшебства несовершеннолетними, 1875, параграф С).

Также напоминаем Вам, что применение колдовства с риском быть замеченным немагическим сообществом (магглами) — серьёзное нарушение части 13 Статута Секретности Международной Конфедерации Чародееев.

Счастливых каникул!

Искренне Ваша,
Мафальда Хопкирк
ВЕДОМСТВО ПО НЕПРАВОМЕРНОМУ ПРИМЕНЕНИЮМАГИИ
Министерство Магии

Гарри поднял взгляд и сглотнул.

— А нам ты не говорил, что тебе запрещено колдовать вне школы, — усмехнулся дядя

Вернон; в глазах у него плясал сумасшедший огонёк. — Видимо, забыл… вылетело из головы, я так понимаю…

Он навис над Гарри, как гигантский бульдог, обнажив зубы.

— Что ж, у меня для тебя новость… С этого момента ты будешь посажен под замок… и никогда не вернёшься в свою школу… *никогда*… и не сбежишь; а попробуешь колдовать — тебя исключат!

И он с маниакальным хохотом потащил Гарри наверх.

Дядя Вернон слов на ветер не бросал. Следующим утром он вызвал работника, и тот установил решётку на окно Гарри. Дядя собственноручно вмонтировал кошачью дверцу в дверь спальни, — так трижды в день в комнату попадали мизерные порции еды. Утром и вечером Гарри выпускали в ванную комнату. Всё остальное время он был заперт в спальне на ключ.

* * *

Так прошло три дня, а Дёрсли и не думали сменить гнев на милость; Гарри не видел никакого выхода из положения. Он лежал на кровати, наблюдая в зарешёченное окно, как садится солнце,

и горестно гадал, что с ним будет дальше.

Какой смысл отпирать дверь при помощи магии, если за это его исключат из Хогвартса? Хотя с другой стороны, такой ужасной жизнь в Бирючинном проезде ещё не бывала. Теперь Дёрсли знали, что им не грозит проснуться нетопырями, и он лишился своего единственного оружия. Добби, может, и спас Гарри от грозившей ему в Хогвартсе опасности, но ведь если всё будет продолжаться в том же духе, он в любом случае умрёт с голоду.

Щёлкнула кошачья дверца, и появившаяся рука тёти Петунии втолкнула в комнату миску консервированного супа. Гарри, у которого живот подвело от голода, спрыгнул с кровати и схватил её. Суп был ледяным, но он одним глотком осушил миску наполовину. После чего подошёл к клетке Хедвиг и вывалил овощное месиво в её пустую кормушку. Сова распушила перья и с глубочайшим отвращением взглянула на него.

— Нечего клюв воротить — это всё, что у нас есть, — мрачно напомнил Гарри.

Он поставил пустую миску рядом с кошачьей дверцей и вновь улёгся на кровать; есть хотелось ещё сильнее.

Допустим, он не умрёт в течение оставшихся

четырёх недель, но что произойдёт, если он так и не появится в Хогвартсе? Пошлют ли кого-нибудь узнать, почему он не вернулся? Смогут ли заставить Дёрсли отпустить его?

Комната погружалась в темноту. Обессиленный, с урчащим животом, ломая голову над одними и теми же неразрешимыми вопросами, Гарри забылся беспокойным сном.

Ему снилось, что его выставили на всеобщее обозрение в зоопарке, а к его клетке прикреплена табличка «КОЛДУН НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ». Люди глазеют на него из-за решётки, а он, изголодавшийся и ослабевший, лежит на охапке соломы. В толпе он различил лицо Добби и стал звать его на помощь, но эльф, крикнув в ответ лишь: «Гарри Поттеру здесь ничто не грозит, сэр!», исчез. Затем появились Дёрсли, и Дадли принялся с грохотом дёргать прутья решётки, потешаясь над ним.

— Прекрати, — пробормотал Гарри; грохот эхом отдавался в больной голове. — Оставь меня в покое… перестань… я спать хочу…

Он приоткрыл глаза. Сквозь прутья решётки струился лунный свет. Кто-то и в самом деле, выпучив глаза, таращился на него: кто-то с веснушчатым лицом, рыжими волосами и длинным

носом.

Через окно на Гарри смотрел Рон Уисли.

Глава третья
НОРА

— *Рон,* — выдохнул Гарри, на цыпочках подойдя к окну и распахнув его, чтобы им было слышно друг друга. — Рон, как ты...? Что за...?

Гарри раскрыл рот — так его потрясло увиденное. Рон смотрел на него, высунувшись из окна задней дверцы старого бирюзового, припаркованного *в воздухе* автомобиля. На переднем сиденье, усмехаясь, сидели Гарри, сидели Фред и Джордж, старшие братья-близнецы Рона.

— Ты живой, Гарри? — поинтересовался Джордж.

— Что происходит? — осведомился Рон. — Почему ты не отвечал на мои письма? Я тебя чуть ли не двенадцать раз приглашал в гости, а тут отец приходит домой и говорит, что ты получил официальное предупреждение за колдовство под самым носом у магглов...

— Это был не я, — и откуда он узнал?

— Он работает в Министерстве, — просветил его Рон. — Ты же знаешь, нам нельзя применять магию вне школы...

— Кто бы говорил, — заметил Гарри, уставившись на парящую в воздухе машину.

— Это не в счёт, — запротестовал Рон. — Машину мы только взяли на время. Она папина, это не мы накладывали чары. Но колдовать на глазах у магглов, с которыми живёшь…

— Сказал же, это не я, долго объяснять, — слушай, ты не мог бы рассказать в Хогвартсе, что Дёрсли заперли меня здесь и не собираются выпускать, а сам я ничего сделать не могу, — в Министерстве решат, что это второе нарушение закона за три дня, так что…

— Кончай болтать, — прервал Рон. — Мы приехали за тобой.

— Но вам тоже нельзя колдовать…

— А нам и не придётся, — усмехнулся Рон, кивая в сторону передних сидений. — Ты забываешь, кого я с собой привёз.

— Обмотай прутья, — попросил Фред, бросая Гарри конец верёвки.

— Если Дёрсли проснутся, я — труп, — подытожил Гарри, крепко обвязывая решётку, а Фред завёл мотор.

— Так, теперь успокойся, — скомандовал Фред, — и лучше отойди.

Гарри отступил назад, к клетке Хедвиг, — та,

похоже, осознала важность момента и вела себя необычайно тихо. Двигатель ревел всё громче и громче, и неожиданно решётка с треском оторвалась от стены, а машина стрелой рванулась ввысь. Подбежав к окну, Гарри увидел, как решётка болтается в паре футов от земли. Пыхтя, Рон втащил её в машину. Гарри настороженно прислушался, но в спальне Дёрсли было тихо.

Когда решетка, наконец, оказалась на заднем сиденье, Фред сдал назад, стараясь максимально подобраться поближе к окну Гарри.

— Залезай, — велел Рон.

— Но все мои школьные вещи… палочка, метла…

— Где?

— Заперты в чулане под лестницей, а мне не выйти из комнаты…

— Без проблем, — отозвался Джордж с переднего пассажирского сиденья. — Дорогу, Гарри.

Фред и Джордж ловко, по-кошачьи, пролезли через окно в комнату. Джордж извлёк из кармана обыкновенную шпильку для волос и принялся ковырять ею замок; с ними не пропадёшь, подумалось Гарри.

— Большинство колдунов считают, что учиться таким маггловым хитростям — пустая трата

времени, — рассказывал Фред, — но нам кажется, освоить их стоит, хоть с ними и приходится повозиться.

С негромким щелчком дверь открылась.

— Так — мы притащим твой сундук, а ты собирай здесь, что тебе нужно, и передавай Рону, — шёпотом проинструктировал Джордж.

— Осторожно, последняя ступенька скрипит, — предупредил Гарри; близнецы скрылись за дверью и растворились в темноте.

Гарри заметался по комнате, хватая вещи и подавая их Рону. Затем помог близнецам поднять сундук наверх. В это время раздался кашель дяди Вернона.

Наконец они, тяжело дыша, добрались до спальни и поднесли сундук к раскрытому окну. Фред залез в обратно в машину, и они с Роном принялись тянуть сундук на себя, а Гарри и Джордж толкали его из комнаты. Понемногу их груз продвигался вперёд.

Дядя Вернон снова закашлял.

— Ещё чуть-чуть, — пропыхтел Фред. — Ещё толкните…

Гарри и Джордж налегли на сундук, и тот скользнул по подоконнику на заднее сиденье.

— Отлично, вперёд, — прошептал Джордж.

Но, едва Гарри забрался на подоконник, позади внезапно раздался возмущённый крик, за которым мгновенно последовал громовой вопль дяди Вернона:

— ЧЁРТОВА СОВА!

— Я забыл Хедвиг!

Гарри опрометью бросился назад, — в это время на лестничной площадке зажёгся свет; он схватил клетку, ринулся к окну и отдал её Рону. Он вскарабкался обратно на комод, и тут дядя Вернон ударил кулаком в незапертую дверь, — та с грохотом распахнулась.

На долю секунды дядя Вернон застыл в дверном проёме; после чего взревел, словно разъярённый бык и набросился на Гарри, вцепившись в его лодыжку.

Рон, Фред и Джордж ухватили Гарри за руки и принялись тащить его в машину.

— Петуния! — прогремел дядя Вернон. — Он убегает! ОН УБЕГАЕТ!

Но Уисли с силой дёрнули Гарри на себя, и нога выскользнула из ручищи дяди Вернона — Гарри оказался в машине — захлопнул за собой дверцу…

— Жми на газ, Фред! — заорал Рон, и машина внезапно взмыла к луне.

Гарри не верилось, что наконец-то вырвался на свободу. Он опустил окно, — ночной ветерок взъерошил волосы, — и посмотрел вниз, на стремительно удаляющиеся крыши домов Бирючинного проезда. Онемевшие от потрясения Дёрсли, высунувшись из окна, глядели ему вслед.

— Увидимся следующим летом! — крикнул Гарри.

Уисли расхохотались, и Гарри откинулся на спинку сиденья, улыбаясь во весь рот.

— Выпусти Хедвиг, — попросил он Рона. — Пусть летит за нами. Она уже давно не может размять крылья.

Джордж протянул Рону шпильку, и вскоре довольная Хедвиг выпорхнула из окна и неслышно, как призрак, заскользила рядом.

— Ну, рассказывай, — нетерпеливо потребовал Рон. — Что у тебя случилось?

Гарри поведал им о Добби, о его предупреждении и о крушении фиолетового пудинга. Наступило долгое, потрясённое молчание.

— Странно как-то, — наконец протянул Фред.

— Да, подозрительно, — согласился Джордж. — Так он даже не рассказал тебе, кто строит эти козни?

— Сомневаюсь, что он мог, — ответил Гарри. — Я же говорю, стоило ему сказать что-нибудь не то, и он начинал биться головой о стену.

Он заметил, как Фред и Джордж переглянулись.

— Думаете, он соврал? — предположил Гарри.

— Ну, — начал Фред, — скажем так, — домовые эльфы, они обладают своей, довольно мощной магией, но обычно не могут пользоваться ею без разрешения хозяина. Наверное, старину Добби к тебе подослали, чтобы не дать вернуться в Хогвартс. Кто-то пошутить решил. Может, в школе у кого-то на тебя зуб?

— Да, — моментально ответили Гарри и Рон хором.

— Драко Малфой, — пояснил Гарри. — Он меня ненавидит.

— Драко Малфой? — переспросил Джордж, разворачиваясь к ним. — Это, случайно, не сын Люциуса Малфоя?

— Скорее всего, это же редкая фамилия, — согласился Гарри. — А что?

— Я слышал, как отец о нём говорил, — ответил Джордж. — Он в своё время был сподвижником Сам-Знаешь-Кого.

— А когда Сам-Знаешь-Кого не стало, — доба-

вил Фред, выворачивая шею, — Малфой приполз обратно и заявил, что работал на него не по своей воле. Брехня — отец уверен, что он был одним из ближайших сторонников Сам-Знаешь-Кого.

Гарри уже приходилось слышать такие отзывы о семье Малфоев, так что это известие ничуть его не удивило. По сравнению с Драко Малфоем Дадли Дёрсли был дружелюбным, чутким и ранимым мальчиком.

— Не знаю, есть ли у Малфоев домовой эльф… — задумался Гарри.

— Чей бы он ни был, это явно древний колдовской род, причём богатый, — продолжал Фред.

— Ага, мама часто жалеет, что у нас нет домового эльфа — бельё гладить, — поддержал Джордж. — Но довольствоваться приходится паршивым старым гулем на чердаке и оравой гномов в саду. Домовые эльфы, они больше по всяким поместьям, замкам; откуда им взяться в нашем доме…

Гарри притих. Судя по тому, что у Драко Малфоя всегда было всё самое лучшее, его семья просто купалась в золоте; он так и видел, как Малфой расхаживает по просторному старинному особняку. К тому же, это вполне в духе Малфоя — заслать к нему слугу, чтобы помешать вернуться в Хо-

гвартс. Как можно было принять Добби всерьёз?

— А вообще, я рад, что мы, наконец, тебя забрали, — отметил Рон. — Я уже начал всерьёз волноваться, почему ты не отвечаешь на письма. Сначала я думал, виноват Странник…

— Странник?

— Наш филин. Из него уже песок сыплется. Не сосчитать, сколько раз он падал, пока нёс почту. Я хотел взять на время Гермеса…

— *Кого?*

— Это сова, мама с папой подарили его Перси, когда его назначили префектом, — отозвался Фред.

— Но Перси не позволил, — продолжал Рон. — Сказал, Гермес ему самому нужен.

— Перси вообще этим летом ведёт себя очень странно, — нахмурился Джордж. — И ведь он, *точно*, постоянно шлёт кому-то письма, подолгу запирается в комнате… Не полирует же он значок префекта всё это время… Ты ушёл слишком далеко на запад, Фред, — прибавил он, указывая на компас на приборной панели. Фред резко крутанул руль.

— Так что, ваш отец знает, что вы позаимствовали у него машину? — спросил Гарри, догадываясь, каким будет ответ.

— Н-ну… нет, — промямлил Рон, — у него сегодня ночная смена. Надеюсь, мы успеем поставить машину в гараж прежде, чем мама что-то заметит.

— Кстати, а чем ваш отец занимается в Министерстве?

— Работает в самом скучном ведомстве, — вздохнул Рон, — в Ведомстве по Неправомочной Эксплуатации Предметов Магглового Быта.

— *Чего?*

— Всё, что касается тех вещей, что изготовлены маггламами, но кем-то заколдованы — ну, знаешь, если они снова попадают в магловые дома или магазины. Взять, например, случай в прошлом году, — одна пожилая колдунья скончалась, и её чайный сервиз продали в антикварный магазин. Маггловка купила его, отнесла домой и попыталась напоить друзей чаем. Это был какой-то кошмар, папа неделями работал сверхурочно.

— А что случилось-то?

— Чайник взбесился и начал разбрызгивать вокруг себя кипяток, а один мужчина попал в больницу — ему сахарные щипцы защемили нос. Отец чуть с ума не сошёл, — у него в ведомстве только он сам да пожилой чародей Перкинс, — так им пришлось накладывать чары забвения и

всё такое прочее, чтобы замять дело…

— Но ваш папа… и эта машина…

Фред рассмеялся.

— Да, отец помешан на всём, что связано с магглами; у нас сарай доверху забит разным маггловым хламом. Он разбирает вещи на части, накладывает на них заклятия и снова собирает. Приди он с обыском в *наш* дом, ему пришлось бы арестовать самого себя. Маму это приводит в бешенство.

— Вот и шоссе, — сообщил Джордж, глядя вниз сквозь ветровое стекло. — Через десять минут будем на месте… Как раз вовремя, солнце встаёт…

На востоке вдоль линии горизонта забрезжил слабый розоватый свет.

Фред начал снижаться, и Гарри разглядел внизу пестрые поля и небольшие рощи.

— Уже близко деревня, — объявил Джордж. — Оттери-Сент-Кечпоул.

Машина опускалась всё ниже и ниже. За деревьями уже виднелся край алого солнца.

— Садимся! — воскликнул Фред, и машина, чуть подпрыгнув, коснулась колёсами земли. Они приземлились возле обветшалого гаража, в небольшом дворике, — и Гарри впервые в жизни увидел дом Рона.

Выглядел дом так, словно когда-то здесь был просторный каменный хлев, к которому постепенно пристраивались новые и новые комнаты, пока, наконец, не стал многоэтажным и таким скрюченным, что казалось, словно он держался лишь с помощью магии (впрочем, напомнил себе Гарри, так оно, вероятно, и было). Над красной крышей возвышались четыре или пять печных труб. Покосившаяся, воткнутая в землю рядом с калиткой табличка гласила «нора». Возле входной двери валялись куча резиновых сапог и ржавый котёл. По двору бродили несколько упитанных пёстрых кур и что-то клевали.

— Не дворец, конечно, — признал Рон.

— Тут *здорово*! — с восторгом возразил Гарри, вспомнив Бирючинный проезд.

Они вышли из машины.

— Значит, так: сейчас мы очень тихо поднимаемся наверх, — начал Фред, — и подождём, пока мама не позовёт нас завтракать. Тогда ты, Рон, побежишь вниз с воплями: «Смотри, мама, кто ночью объявился!», — она сразу обрадуется Гарри, и ей совершенно не обязательно знать, что мы куда-то летали на машине.

— Ладно, — согласился Рон. — Идём, Гарри, я на ходу засы…

Рон позеленел, задержав взгляд на доме. Остальные резко развернулись.

Миссис Уисли шагала через двор, разгоняя кур, и было поразительно, насколько эта невысокая, пухлая женщина с добродушным лицом сейчас напоминала саблезубого тигра.

— *Ой-ёй*, — вырвалось у Фреда.

— Да что ж такое, — пробормотал Джордж.

Миссис Уисли остановилась перед ними, уперев руки в бока и переводя взгляд с одного виноватого лица на другое. На ней был расшитый цветами фартук, из кармана которого торчала волшебная палочка.

— *Ну что*, — произнесла она.

— Доброе утро, мама, — поздоровался Джордж, как ему казалось, бойким, беспечным тоном.

— Вы хоть представляете себе, сколько я нервов истрепала? — проговорила миссис Уисли страшным зловещим шёпотом.

— Прости, мам, но, понимаешь, нам надо было…

Все трое сыновей миссис Уисли были выше неё, но волна её гнева накрыла их с головой.

— *Пустые постели! Никакой записки! Машина пропала! Могли разбиться… я чуть с ума не сошла от беспокойства, а вам и дела нет… нико-*

гда, за всю свою жизнь… вы погодите, пока отец вернётся домой, у нас никогда не было таких неприятностей с Биллом, Чарли, Перси…

— Правильный Перси, — пробормотал Фред.

— А ТЕБЕ НЕ МЕШАЛО БЫ ИНОГДА БРАТЬ С НЕГО ПРИМЕР! — завопила миссис Уисли, тыча пальцем в грудь Фреду. — Вы могли *погибнуть*, вас могли *увидеть*, из-за вас отец мог потерять *работу*…

Казалось, это длилось уже целую вечность. Миссис Уисли докричалась до хрипоты, и лишь потом повернулась к Гарри, — тот в страхе попятился.

— Гарри, дорогой, как приятно тебя видеть, — приветливо проговорила она. — Заходи, сейчас будем завтракать.

Она направилась к дому, и Гарри, нервно покосившись на Рона (тот ободряюще кивнул), последовал за ней.

Кухня была небольшой и довольно тесной. В центре стоял поцарапанный деревянный стол со стульями, и Гарри, примостившись на краешке одного из них, огляделся. Он никогда прежде не бывал в доме волшебников.

У висевших на противоположной стене часов была лишь одна стрелка и совсем никаких цифр

— их заменяли надписи вроде, «*Время пить чай*»,«*Время кормить кур*» или «*Опаздываешь*». На каминной полке в три ряда были выставлены книги — книги с заголовками вроде «*Наколдуй свой хлеб насущный*»,«*Волшебная выпечка*» и «*Пир за минуту — чудеса!*» И, если слух не подводил Гарри, старый радиоприёмник возле раковины только что провозгласил, что «на очереди «Ведьмин Час» с популярной певицей, ворожеей Селестиной Уорбек».

Миссис Уисли хлопотала у плиты, спешно готовя завтрак, бросая сосиски на сковороду и недобро поглядывая на сыновей. То и дело она бормотала что-нибудь вроде «не знаю, *о чём* вы думали» и «*в жизни* бы не поверила».

— *Тебя*, дорогой, я ни в коем случае не виню, — заверила она Гарри, выложив ему на тарелку восемь или девять сосисок. — Мы с Артуром тоже за тебя тревожились. Как раз вчера договорились, что приедем за тобой сами, если до пятницы Рону не придёт от тебя письмо. Но чтобы вот так, — продолжила она, прибавив к сосискам глазунью из трёх яиц, — лететь через полстраны на нелегальной машине — кто угодно мог заметить…

Она небрежно махнула палочкой в сторону грязной посуды в раковине, — та начала мыться

самостоятельно, негромко позвякивая.

— Мам, было *облачно*! — выпалил Фред.

— Когда я ем, я глух и нем! — прикрикнула миссис Уисли.

— Они морили его голодом! — поддержал Джордж.

— Тебя это тоже касается! — не успокаивалась миссис Уисли, но выражение её лица чуточку смягчилось; она начала резать и мазать маслом хлеб для Гарри.

В это время семейные препирательства прервало обстоятельство в виде маленькой, рыжеволосой фигурки в длинной ночной рубашке, — появившись на кухне, она слабо пискнула и выбежала вон.

— Джинни, — вполголоса объяснил Гарри Рон. — Моя сестра. Она о тебе всё лето говорила.

— Ага, учти, Гарри, она жаждет твоего автографа, — с усмешкой предупредил Фред, но, заметив выражение лица матери, он умолк, склонившись над тарелкой. Никто больше не обмолвился и словом, пока все четыре тарелки не опустели, — что произошло на удивление быстро.

— *Чёрт*, как же я устал, — зевнул Фред, отложив нож и вилку. — Пойду-ка вздремну…

— Не пойдёшь, — оборвала его миссис Уисли. —

Никто, кроме тебя, не виноват, что ты не спал всю ночь. Нужно обезгномить сад, они совершенно вышли из-под контроля…

— Но мам…

— И вы двое, — прибавила она, обращаясь к Рону и Джорджу. — А ты, дорогой, иди поспи, — посоветовала она Гарри. — Ты ведь не просил их лететь за тобой на этой несчастной машине…

Но сна у Гарри не было ни в одном глазу, так что он поспешно отказался:

— Я лучше помогу Рону обезгномить сад. Никогда не видел, как это делается.

— Очень мило с твоей стороны, дорогой, но это же скучная работа, — возразила миссис Уисли. — Так, посмотрим, что об этом говорится у Локарта…

Она вытащила из стопки на каминной полке тяжёлый том. Джордж застонал.

— Мам, уж что-что, а обезгномить сад мы сумеем…

Гарри взглянул на обложку книги миссис Уисли. Золотыми, витиеватыми буквами было написано заглавие: «*Домашние вредители. Справочник Гилдероя Локарта*». На передний план была помещена фотография привлекательного колдуна со светлыми, волнистыми волосами и

ярко-голубыми глазами. Как это обычно и бывает с волшебными фотографиями, изображение двигалось; колдун, который, как полагал Гарри, и был Гилдерой Локарт, то и дело задорно подмигивал. Миссис Уисли просияла, глядя на фотографию.

— О, он великолепен, — восхищённо сказала она. — Знает всё об этих вредителях, это точно, — чудесная книга…

— Мама его *обожает*, — чрезвычайно внятным шёпотом сообщил Фред.

— Не глупи, Фред, — отрезала миссис Уисли, но щёки её слегка порозовели. — Хорошо, раз вы считаете, что знаете всё лучше Локарта, идите и приступайте, и не дай бог в саду останется хоть один гном, — я проверю.

Зевая и ворча, Уисли поплелись на выход; Гарри шёл следом. Сад был обширным и, мнению Гарри, именно таким, каким и должен быть сад. Дёрсли он, конечно, не понравился бы, — сорняки, газон давно не стрижен, — но дом был окружён узловатыми деревьями, клумбы пестрели растениями, каких Гарри в жизни не видел, — не говоря уж о большом пруде, заросшем тиной и полном лягушек.

— У магглов, кстати, тоже есть садовые гномы, — сообщил Гарри Рону, шагая по лужайке.

— Ага, видал я этих гномов, — отозвался Рон, согнувшись пополам и сунув голову в куст пионов, — похожи на толстых Санта-Клаусов с удочками…

Послышалась яростная возня, пион затрясся, и Рон выпрямился.

— Вот *это* — гном, — мрачно констатировал он.

— Асстань от меня! Асстань от меня! — верещал гном.

С Санта-Клаусом он явно не имел ничего общего. Гном был крошечным, кожистым, с крупной, шишковидной, лысой головой — вылитая картошка. Рон держал его на расстоянии вытянутой руки, поскольку гном пытался пнуть его мозолистой ступнёй; он перехватил гнома за лодыжки и перевернул вниз головой.

— Вот что тебе надо делать, — начал инструктаж Рон. Он поднял гнома над головой («Асстань от меня!») и принялся широкими кругами раскручивать его, словно лассо. Заметив потрясение на лице Гарри, Рон пояснил:

— Для них это *не вредно*, просто нужно, чтобы у них закружилась голова, — так они не смогут найти дорогу обратно в норы.

Он разжал руки, — гном унёсся на двадцать

футов вдаль и с глухим стуком приземлился в поле за живой изгородью.

— Слабак, — оценил Фред. — Спорим, мой долетит до вон того пня.

Гарри очень скоро перестал жалеть гномов. Первого пойманного гнома он решил просто перебросить через изгородь, но тот, почуяв слабину, впился острыми, как лезвие бритвы, зубами в палец Гарри, и стряхнуть его оказалось не так-то просто, пока не…

— Ух ты, Гарри — футов пятьдесят, не меньше…

Скоро воздух кишел разлетающимися гномами.

— Видишь, умом они не блещут, — заметил Джордж, схватив сразу пятерых или шестерых. — Стоит им услышать, что мы решили обезгномить сад, тут же лезут наружу поглазеть. Нет бы сидеть тихо.

Вскоре гномы, столпившиеся в поле, неровной вереницей поплелись прочь, ссутулив плечики.

— Они ещё вернутся, — уверенно сказал Рон, наблюдая, как гномы исчезают в кустах на другой стороне поля. — Им у нас нравится… Папа к ним слишком добр, считает их смешными…

В это самое время хлопнула входная дверь.

— Вернулся! — воскликнул Джордж. — Папа пришёл!

Они промчались через сад и поспешили обратно на кухню.

Мистер Уисли полулежал на стуле с закрытыми глазами, сняв очки. Он был худощавым мужчиной, уже с залысинами, но оставшиеся у него волосы были огненно-рыжими, как и у всех его детей. На нём была длинная, вылинявшая, поношенная зелёная мантия.

— Ну и ночь, — пробормотал он, нащупывая на столе чайник, пока они усаживались вокруг него. — Девять рейдов. Девять! Да ещё и старик Мундунгус Флетчер попытался навести на меня порчу, едва я повернулся к нему спиной…

Мистер Уисли основательно отхлебнул большой глоток чая и вздохнул.

— Нашёл что-нибудь? — с жаром поинтересовался Фред.

— Только пару тающих ключей и кусачий чайник, — зевнул мистер Уисли. — Обнаружилась, правда, кое-какая мерзость, но не по нашему отделу. Мортлейка забрали, допросить по поводу каких-то весьма подозрительных хорьков, но, хвала небесам, это дела Комитета по экспериментальным чарам…

— Да кому нужны тающие ключи? — недоумевал Джордж.

— Просто издеваются над магглами, — вздохнул мистер Уисли. — Продадут им ключ, который уменьшается, пока не растворится вовсе, а когда он понадобится, те ничего не найдут…Конечно, очень трудно доказать чью-то вину, — ни один маггл не признает, что его ключи испаряются раз за разом, он будет повторять, что просто теряет их. Бедняжки, они придумают что угодно, лишь бы не замечать магии, даже когда она творится прямо перед ними… Но что только наши люди не заколдовывают, вы даже не представляете…

— МАШИНЫ, НАПРИМЕР?

Появилась миссис Уисли, держа длинную кочергу на манер шпаги. Мистер Уисли мгновенно открыл глаза и виновато воззрился на жену.

— М-машины, Молли?

— Да, Артур, машины, — повторила миссис Уисли, сверкая глазами. — Вообрази колдуна, который купил старую ржавую машину, заявив жене, что всего лишь разберёт её на части, дабы понять её устройство, — в то время как *на самом деле* зачаровывает её так, чтобы она могла *летать*.

Мистер Уисли заморгал.

— Понимаешь, дорогая, я думаю, ты согласишься, что этот колдун действовал вполне законным путём, пусть даже… ммм… вероятно, ему бы стоило, эмм, сказать жене правду… В законе существует лазейка… если он *не собирался* летать на этой машине, тот факт, что она *могла* летать, не означает…

— Артур Уисли, это ты позаботился о лазейке, когда писал этот закон! — выкрикнула миссис Уисли. — Только так ты мог и дальше возиться со всем этим маггловым хламом в своём сарае! И, к твоему сведению, Гарри прибыл сегодня утром в машине, на которой ты не собирался летать!

— Гарри? — непонимающе переспросил мистер Уисли. — Какой Гарри?

Он огляделся и, заметив Гарри, так и подскочил на стуле.

— Батюшки мои, это же Гарри Поттер! Очень рад знакомству, Рон нам столько о тебе рассказывал…

— *Сегодня ночью твои сыновья слетали на этой машине до дома Гарри и обратно!* — проорала миссис Уисли. — Что ты на это скажешь, а?!

— Вы, правда, слетали? — в абсолютном восторге спросил мистер Уисли. — И как всё прошло? То… то есть, — запнулся он, поскольку из глаз

миссис Уисли посыпались искры, — это... это было очень безответственно, мальчики... крайне безответственно...

— Они сами разберутся, — пробормотал Рон на ухо Гарри; миссис Уисли уже начала раздуваться как озёрная лягушка. — Пошли, покажу тебе свою комнату.

Они смылись из кухни и прошли по узкому коридору к шаткой лестнице, зигзагами уносившейся далеко вверх. Дверь на четвёртом этаже была открыта настежь. Гарри едва успел заметить за ней два ясных карих глаза, как дверь с грохотом захлопнулась.

— Джинни, — пояснил Рон. — Не представляешь, до чего это на неё не похоже. Обычно её не угомонить.

Они преодолели ещё два пролёта и, наконец, добрались до двери, покрытой уже облупившейся краской; табличка на двери гласила: «комната рональда».

Гарри переступил через порог, едва не задевая головой косой потолок, и заморгал. Ощущение было такое, словно он попал в печь: почти всё в комнате Рона было безумного оранжевого цвета: плед на кровати, стены, даже потолок. Тут Гарри сообразил, что Рон покрыл чуть ли не

каждый дюйм потёртых обоев плакатами, изображающими одних и тех же семерых колдунов и ведьм, — все в ярко-оранжевых мантиях, с мётлами, энергично машут руками.

— Твоя квиддичная команда? — догадался Гарри.

— Палящие Пушки, — кивнул Рон, указывая на оранжевое покрывало, украшенное эмблемой в виде гигантского двойного чёрного «П» и летящего пушечного ядра. — Девятые в Лиге.

Учебники Рона громоздились в углу неаккуратной стопкой, рядом с кучей комиксов, — все они, похоже, принадлежали серии: «*Приключения Мартина Миггса, чокнутого маггла*». Палочка Рона валялась на полном лягушачьей икры, аквариуме, стоявшем на подоконнике, возле толстой серой крысы, Корыстика. Тот дремал на солнышке.

Гарри перешагнул через колоду самотасующихся игральных карт на полу и выглянул в крошечное окно. Далеко внизу, в поле, он разглядел ораву гномов, один за другим шныряющих обратно через живую изгородь семейства Уисли. Затем он обернулся к Рону, — тот напряжённо следил за ним, будто ожидая вердикта.

— Тесновата, — затараторил он. — Не то, что

твоя спальня у магглов. И вдобавок я живу прямо под чердаком, а там гуль, он постоянно колотит по трубам и причитает…

Но Гарри, широко улыбнувшись, ответил:

— Это лучший дом, в котором я бывал!

Уши Рона порозовели.

Глава четвёртая
ВО «ФЛОРИШ И БЛОТТС»

Жизнь в «Норе» кардинально отличалась от быта Бирючинного проезда. Дёрсли любили, чтобы всё было в идеальном порядке; дом Уисли же был полон странностей и неожиданностей. Гарри чуть не рухнул, когда впервые заглянул в зеркало над каминной полкой на кухне, а оно завопило: «*А ну заправил рубашку, неряха!*». Гуль на чердаке голосил и с грохотом ронял куски труб, едва ему начинало казаться, что в доме чересчур тихо; небольшие взрывы в спальне Фреда и Джорджа считались в порядке вещей. Однако Гарри в доме Уисли больше всего поразило не говорящее зеркало или буйный гуль, — а то, что здесь его, похоже, все любили.

Миссис Уисли заботилась о состоянии его носков и каждый раз за столом старалась впихнуть в него дополнительные четыре порции. Мистер Уисли любил за ужином усаживать Гарри рядом с собой и забрасывать его вопросами о жизни магглов, прося объяснить, как работают вещи вроде штепселей и почтовой службы.

— *Поразительно!* — восклицал он всякий раз, когда Гарри заканчивал монолог об использовании, скажем, телефона. — Нет, в самом деле, *хитро́*. Как много способов обойтись без магии придумали магглы.

Гарри получил послание из Хогвартса одним солнечным утром, примерно через неделю после прибытия в «Нору». Они с Роном спустились позавтракать и обнаружили, что мистер и миссис Уисли и Джинни уже за столом. При виде Гарри Джинни нечаянно смахнула на пол тарелку из-под каши, упавшую с оглушительным звоном. У неё вообще обнаружилась склонность опрокидывать вещи, когда бы Гарри ни появлялся. Она нырнула за миской и вылезла из-под стола с пунцовым, словно закатное солнце, лицом. Притворившись, что ничего не заметил, Гарри сел за стол и взял тост, протянутый ему миссис Уисли.

— Письма из школы, — объявил мистер Уисли, передав Гарри и Рону одинаковые конверты из желтоватого пергамента, подписанные зелёными чернилами. — Дамблдор уже знает, что ты здесь, Гарри, — вот ведь человек, ничто от него не скроется. И вы двое, возьмите, — прибавил он, обращаясь к Фреду и Джорджу — всё ещё в пижамах, близнецы только что вошли.

На пару минут, пока все читали письма, наступила тишина. Послание Гарри предписывало ему, как обычно, первого сентября сесть на «Хогвартс-Экспресс», отходящий с вокзала Кингс-Кросс. Также к письму прилагался список литературы, необходимой на следующий год:

Второкурсникам понадобятся:
Миранда Госхок«*Стандартная книга заклинаний (Второй год)*»
Гилдерой Локарт«*Банкеты с Банши*»
Гилдерой Локарт«*Вечера с Вампирами*»
Гилдерой Локарт«*Каникулы с Каргой*»
Гилдерой Локарт«*Отдых с Оборотнями*»
Гилдерой Локарт«*Турне с Троллями*»
Гилдерой Локарт«*Гулянка с Гулями*»
Гилдерой Локарт«*Йога с Йети*»

Фред, пробежавшись глазами по собственному списку, заглянул в письмо Гарри.

— И вам нужны все книги Локарта! — констатировал он. — Похоже, в преподаватели по защите от тёмных искусств нам достался его фанат — наверняка, ведьма.

Тут Фред встретился взглядом с матерью и поспешно занялся апельсиновым джемом.

— Набор-то недешёвый, — заметил Джордж, покосившись на родителей. — Книги Локарта дорого обойдутся…

— Мы справимся, — пообещала миссис Уисли, но вид у неё был встревоженный. — Думаю, Джинни вполне можно подобрать какие-нибудь уценённые вещи.

— Ты в этом году поступаешь в Хогвартс? — обратился Гарри к Джинни.

Она кивнула, покраснев до корней пламенно-рыжих волос и заехав локтём в масленку. К счастью, никто, кроме Гарри, этого не видел, поскольку в этот момент в кухню вошёл Перси, старший брат Рона. Он уже оделся, — к жилету был приколот значок префекта.

— Всем доброе утро, — бодро поздоровался Перси. — Отличная погода.

Он уселся на единственный незанятый стул и тут же подскочил как ужаленный, вытаскивая из-под себя вылинявшую метёлку для пыли из серых перьев — точнее, Гарри так думал, пока не заметил, что метёлка дышит.

— Странник! — воскликнул Рон, забирая у Перси обмякшего филина и извлекая из-под его крыла конверт. — *И года не прошло* — он принёс ответ Гермионы. Я написал ей, что мы собираемся

вызволять тебя от Дёрсли.

Он попытался усадить Странника на насест у задней двери, но филин тут же свалился ему на руки; так что Рону пришлось положить его возле раковины, пробормотав «убожество». Затем он вскрыл конверт с письмом Гермионы и вслух прочёл:

Дорогой Рон (и Гарри, если ты там),

Надеюсь, всё прошло гладко, Гарри в порядке, а ты, Рон, не совершил ничего противозаконного, спасая его, потому что тогда у вас обоих могли бы быть неприятности. Я сильно волнуюсь, так что, если с Гарри всё нормально, не мог бы ты ответить мне, как только получишь это письмо, — но, думаю, тебе стоит послать другую сову, — вряд ли эта выдержит очередное путешествие.

Конечно, я очень занята уроками, («Это *как*? — в ужасе вставил Рон. — Каникулы же!») *— а в следующую среду мы собираемся в Лондон, купить новые учебники. Почему бы нам не встретиться на Диагон-аллее?*

Скорее дайте мне знать, как идут дела.

С любовью, Гермиона.

— А что, нам это удобно, тогда и мы сможем купить вам всё для школы, — согласилась миссис Уисли, убирая со стола посуду. — А чем вы сегодня займётесь?

Гарри, Рон, Фред и Джордж собирались подняться на поляну, принадлежавшую семье Уисли. Поляна была окружена деревьями, скрывавшими её от глаз жителей деревни внизу, — так что, там они могли практиковаться в квиддиче, при условии, что не станут летать слишком высоко.

Конечно, настоящими квиддичными мячами они играть не могли, — было бы сложно что-то объяснить, вырвись те на свободу и окажись в деревне; вместо мячей они пасовали друг другу яблоки. Они по очереди брали принадлежавший Гарри «Нимбус-2000», — это, без сомнения, была лучшая метла в их компании; старый «Метеор» Рона то и дело обгоняли пролетавшие мимо бабочки.

Пять минут спустя они уже шагали вверх по холму с мётлами на плечах. Звали с собой и Перси, но тот заявил, что занят. Пока что Гарри

встречался с Перси лишь за столом; всё остальное время тот проводил в своей комнате.

— Знать бы, что он там задумал, — сдвинул брови Фред. — На себя не похож. За день до того, как мы тебя привезли, ему пришли результаты экзаменов; двенадцать С.О.В., а он почти и не хвастался.

— Стандарты Обучения Волшебству — пояснил Джордж, заметив на лице Гарри непонимание. — У Билла тоже было двенадцать. Того и гляди, получим второго старосту в семье. Не думаю, что вынесу такой позор.

Билл был старшим сыном в семье Уисли. Он и другой брат, Чарли, уже закончили Хогвартс. Гарри с ними никогда не встречался, но знал, что Чарли изучал драконов в Румынии, а Билл работал в Египте на колдовской банк, «Гринготтс».

— Не знаю, на какие деньги родители собираются покупать все наши школьные вещи, — сменил тему Джордж после недолгой паузы. — Пять комплектов книг Локарта! А Джинни нужны мантии, палочка и всё остальное…

Гарри, смутившись, промолчал. В подземном гринготтском сейфе в Лондоне хранилось приличное состояние, оставленное ему родителями. Конечно, богат он был только в волшебном мире;

в маггловых магазинах нельзя расплачиваться галеонами, серпиями и ворехами. Он никогда не рассказывал Дёрсли о своих деньгах, — вряд ли их неприязнь ко всему магическому распространялась на груду золота.

* * *

В среду миссис Уисли разбудила их рано. Быстро умяв полдюжины сэндвичей с беконом каждый, они натянули куртки; в это время миссис Уисли сняла с каминной полки цветочный горшок и заглянула внутрь.

— Почти ничего не осталось, Артур, — вздохнула она. — Придётся сегодня купить ещё… ну что ж, гости вперёд! После тебя, Гарри!

И она протянула ему горшок.

Гарри в замешательстве уставился на остальных.

— Ч-что я должен делать? — растерялся он.

— Он же никогда не путешествовал с помощью вьюжного пороха, — вдруг вспомнил Рон. — Прости, Гарри, совсем забыл.

— Никогда? — удивился мистер Уисли. — А как ты в прошлом году добрался до Диагон-аллеи?

— На метро…

— Да ты что? — восхитился мистер Уисли. — А

эскапаторы там были? Но как именно…

— *Не сейчас,* Артур, — перебила его миссис Уисли. — Вьюжной порох намного быстрее, милый, но, господи, если ты никогда им не пользовался…

— Да всё с ним будет нормально, — пообещал Фред. — Гарри, сначала следи за нами.

Он взял из горшка щепотку мерцающего пороха и, подойдя к камину, бросил его в огонь.

Пламя взревело, приняло изумрудно-зелёный цвет и поднялось выше Фреда, — тот шагнул прямо в камин, крикнул: «Диагон-аллея!» и исчез.

— Говорить нужно очень чётко, — инструктировала Гарри миссис Уисли, а Джордж между тем уже запустил руку в горшок. — И не пропусти нужный очаг…

— Что не пропусти? — нервно переспросил Гарри; пламя между тем с рёвом поглотило Джорджа.

— Ну, понимаешь, колдовских каминов множество, но если говорить внятно…

— Он справится, Молли, не суетись, — успокоил её мистер Уисли, тоже зачерпнув вьюжного пороха.

— Но, дорогой, если он потеряется, что мы скажем его дяде и тёте?

— Им всё равно, — заверил её Гарри. — Представляю, как оторвётся Дадли, узнав, что я потерялся в дымоходе, не волнуйтесь…

— Ну… хорошо… тогда иди после Артура, — решилась миссис Уисли. — Так, когда войдёшь в камин, скажи, куда тебе нужно…

— И прижми локти, — посоветовал Рон.

— И закрой глаза, — добавила миссис Уисли, — сажа…

— И не дёргайся, — велел Рон. — Иначе вывалишься из чужого камина…

— Но не паникуй и не выходи слишком рано; подожди, пока не увидишь Фреда и Джорджа.

Стараясь удержать всё это в голове, Гарри взял немного вьюжного пороха и приблизился к камину. Набрав в грудь побольше воздуха, он высыпал порох в огонь и забрался в очаг; пламя показалось ему тёплым ветерком; он открыл рот и немедленно наглотался горячей золы.

— Диагон-ал-аллея, — закашлялся он.

Его словно затянуло в гигантскую воронку и закружило с бешеной скоростью; в ушах оглушительно гудело; он пытался держать глаза открытыми, но от вихря зелёного пламени его начало мутить; что-то с силой ударило по локтю, и он вытянул руки по швам, всё ещё вращаясь

вокруг своей оси; теперь ощущение было такое, словно по лицу его хлестали ледяные ладони; прищурившись, он различил расплывчатую череду каминов и непрерывно сменяющихся комнат впереди; сэндвичи с беконом вертелись в желудке; он снова зажмурился, мечтая, чтобы это кончилось, и вдруг…

Он впечатался лицом в холодный каменный пол и ощутил, как стекло в очках треснуло.

Голова до сих пор кружилась, всё тело болело; перепачканный сажей, он кое-как поднялся на ноги, прижимая к глазам сломанные очки. Он был здесь один, но понятия не имел, где *именно*. Судя по всему, он стоял в каменном камине просторного, тускло освещённого колдовского магазина, — но вряд ли здесь можно было купить что-нибудь из хогвартского списка.

Поблизости на стеклянной витрине хранились лежащая на подушке иссохшая рука, запятнанная кровью колода карт и вытаращенный стеклянный глаз. Со стен злобно пялились устрашающего вида маски, на прилавке был разложен полный набор человеческих костей, а с потолка свисали ржавые инструменты с острыми шипами. Что ещё неприятней, — тёмная, узкая улочка, виднеющаяся в запылённое окно, определённо была не

Диагон-аллеей.

Чем скорее он отсюда уберётся, тем лучше. Ушибленный нос по-прежнему саднило; Гарри, стараясь не шуметь, начал торопливо пробираться к двери, — но не успел он пройти полпути, как за витриной появились двое, — причём с одним из них Гарри — растерянному, измазанному сажей, в сломанных очках, — в своём нынешнем состоянии меньше всего хотелось встретиться: Драко Малфой.

Гарри завертел головой и по левую от себя руку приметил огромный чёрный шкаф; он бросился внутрь и неплотно прикрыл дверцы, оставив небольшую щель. Пару секунд спустя звякнул дверной звонок, и вошёл Малфой.

Мужчина, следовавший за Драко, явно был его отцом, — то же бледное лицо с заострённым подбородком, холодные серые глаза. Он пересёк магазин, лениво рассматривая товары, и позвонил в лежавший на прилавке колокольчик; после чего повернулся к сыну и приказал:

— Ничего не трогай, Драко.

Малфой, убрав руку от стеклянного глаза, пробурчал:

— Я думал, ты выберешь мне подарок.

— Я обещал, что куплю тебе скоростную мет-

лу, — напомнил ему отец, барабаня пальцами по прилавку.

— И что толку, если меня не примут в сборную колледжа? — угрюмо возразил Малфой. — Гарри Поттеру в прошлом году достался «Нимбус-2000». Да ещё и по специальному разрешению от Дамблдора, чтобы он мог играть за Гриффиндор. А ничего этого он не заслужил; всё потому, что он, видите ли, *знаменитость*… знаменитость благодаря идиотскому шраму на лбу… — Малфой склонился над полкой с черепами.

— …все считают его таким умником, расчудесный *Поттер* с этими *шрамом* и *метлой*…

— Ты повторяешь это уже в десятый раз, — отрезал Малфой, взглядом заставив сына замолчать. — И хочу напомнить тебе, что это — не — благоразумно — не любить Гарри Поттера, в то время как большинство наших считают его героем, из-за которого не стало Тёмного Лорда… а, мистер Боргин.

За прилавком, приглаживая сальные волосы, показался сутулый продавец.

— Мистер Малфой, как приятно снова вас видеть, — проговорил Боргин; голос у него был такой же масленый, как и волосы. — Очень рад — и юный господин Малфой здесь! — превосходно.

Чем могу быть полезен? Должен продемонстрировать вам сегодняшние поступления, и по вполне разумным ценам…

— Сегодня я не покупаю, мистер Боргин, а продаю, — прервал его Малфой.

— Продаёте? — улыбка сползла с лица Боргина.

— Вы, разумеется, слышали, что Министерство провело ещё несколько рейдов, — пояснил Малфой, извлекая из внутреннего кармана свиток пергамента и вручая Боргину. — У меня дома имеются кое-какие… м-м… вещи, из-за которых я могу оказаться в неловком положении, если министерские нанесут мне визит…

Мистер Боргин водрузил на нос пенсне и просмотрел список.

— Но разве в Министерстве осмелятся беспокоить вас?

Малфой криво усмехнулся.

— Меня они пока что не посещали. Фамилия «Малфой» ещё внушает определённое уважение, — хотя, министерские работники становятся как никогда назойливыми. Ходят слухи, что готовится новый Акт о защите магглов, — без сомнения, дело рук этого блохастого болвана, магглолюбца Артура Уисли…

Гарри бросило в жар от злости.

— ...и, как видите, наличие некоторых ядов может *вызвать*...

— Понимаю, сэр, — кивнул Боргин. — Дайте подумать...

— Можно мне *вот это?* — перебил его Драко, указывая на лежащую на подушке иссохшую руку.

— А, Рука Славы! — воскликнул Боргин, забыв о списке и поспешив к Драко. — Вставьте свечу, и она будет светить только тому, кто её держит! Лучшая подруга воров и грабителей! У вашего сына хороший вкус, сэр.

— Надеюсь, мой сын потянет на большее, нежели вор или грабитель, Боргин, — холодно отрезал Малфой.

— О, не хотел вас обидеть, сэр, ни в коем случае... — торопливо заверил Боргин.

— Хотя, если он не возьмётся за учёбу, — совсем уже ледяным тоном продолжал Малфой, — то, вероятно, лишь на это и сгодится...

— Это не моя вина, — запротестовал Драко. — У всех учителей есть любимчики, хотя бы эта Гермиона Грейнджер...

— Я бы на твоём месте стыдился, что какая-то девица из маггловой семьи обходит тебя в каждом экзамене, — оборвал его отец.

— Ха! — вполголоса произнёс Гарри, с удовольствием отметив на лице Драко смущение и досаду.

— Всюду одно и то же, — вкрадчивым тоном подхватил Боргин. — Колдовская кровь теперь ничего не стоит …

— Только не для меня, — процедил Малфой, раздувая ноздри.

— Разумеется, и для меня, сэр, — согласился Боргин, низко кланяясь.

— В таком случае, вернёмся к списку, — резко предложил Малфой. — Сегодня я несколько тороплюсь, Боргин, у меня есть неотложные дела в другом месте…

Они стали торговаться. Начиная нервничать, Гарри наблюдал, как Драко приближается к его укрытию, рассматривая выставленные на продажу артефакты. Он замешкался, изучая длинный моток верёвки с виселицы и затем — с ухмылкой читая табличку, прикреплённую к роскошному ожерелью из опалов: «*Осторожно: не трогать. Проклято — умертвило девятнадцать владельцев-магглов*».

Драко отвернулся и оказался прямо перед шкафом. Он шагнул к нему… протянул руку, собираясь открыть дверцу…

— Решено, — донёсся от прилавка голос Малфоя. — Идём, Драко…

Малфой-младший отошёл, и Гарри рукавом вытер лоб.

— Удачного дня, мистер Боргин. Завтра жду вас у себя в поместье, там вы получите ваш товар.

Едва за Малфоями закрылась дверь, Боргин растерял все свои манеры.

— И вам того же, *мистер* Малфой, — если слухи правдивы, вы не продали мне и половины того, что прячете в своём *поместье*…

Недовольно бормоча, Боргин скрылся в подсобке. Гарри минуту помедлил — на случай, если тот вернётся, — и затем бесшумно выскользнул из шкафа, на цыпочках пронёсся мимо витрин и шмыгнул за дверь.

Поддерживая очки на носу, Гарри огляделся. Он оказался в обшарпанном переулке, который, судя по всему, состоял исключительно из магазинов, торгующих предметами чёрной магии. Тот, из которого он только что вышел, «Боргин и Потрошивер», был самым крупным из них, но витрина напротив была заполнена высушенными головами, а в лавке через два дома стояла огромная клетка, кишащая гигантскими чёрными пауками. Двое колдунов крайне сомнительного вида

наблюдали за ним из дверного проёма, негромко переговариваясь. Чувствуя себя не в своей тарелке, Гарри направился вперёд, то и дело поправляя очки и, несмотря ни на что, надеясь выбраться отсюда.

Судя по ветхому деревянному указателю, висевшему над лавкой, торгующей отравленными свечами, он находился на Скверн-аллее. Впрочем, от этого было мало толку, — Гарри никогда не слышал о таком месте. Он пришёл к выводу, что, набрав полный рот пепла в камине Уисли, говорил недостаточно внятно. В состоянии, близком к панике, он лихорадочно соображал, что делать дальше.

— Ты не заблудился, дорогуша? — раздалось у него над ухом; он подскочил от неожиданности.

Перед ним стояла старая ведьма, держа в руках поднос, — содержимое его ужасающе походило на человеческие ногти. Она плотоядно уставилась на него, обнажив гнилые зубы. Гарри попятился.

— Я в порядке, спасибо, — замотал он головой. — Я просто…

— ГАРРИ! И чево ты тут околачиваешься?

Сердце Гарри так и подпрыгнуло в груди. Ведьма сделала то же, — ногти каскадом посыпались с подноса; она выругалась; к ним приближа-

лась массивная фигура Хагрида, хогвартского лесника, — над колючей бородой поблёскивали чёрные, как жуки, глаза.

— Хагрид! — с облегчением выдохнул Гарри. — Я потерялся… вьюжной порох…

Хагрид схватил Гарри за шиворот и отволок подальше от ведьмы, выбив при этом поднос у неё из рук. Истошные вопли старухи сопровождали их всю дорогу, пока они шли по извилистой улочке. Впереди забрезжил яркий солнечный свет, и Гарри разглядел вдали знакомое здание из белоснежного мрамора — банк «Гринготтс». Хагрид вывел его прямо на Диагон-аллею.

— Ну у тебя и видок! — проворчал Хагрид, так энергично отряхивая Гарри от сажи, что чуть не отправил его в бочку с драконьим навозом, выставленную перед «Аптекой». — Шататься по Скверн-аллее, Гарри, прям не передать, до чего это сомнительное место, — ежели б тебя там хоть кто заметил…

— *Это* я уже понял, — заверил его Гарри, увернувшись от огромной ладони Хагрида. — Говорю тебе, я заблудился… кстати, а что же ты тогда там делал?

— *Я* искал средство от плотоядных слизней, — пробурчал Хагрид. — Жрут школьную капусту. А

ты тут один?

— Я сейчас в гостях у Уисли, но мы разошлись, — объяснил Гарри. — Надо поскорее найти их…

Они устремились вперёд.

— А чегой-то ты на письма мои не отвечал? — поинтересовался Хагрид у семенившего рядом Гарри (на каждый гигантский шаг лесника ему приходилось делать три). Гарри коротко рассказал о Добби и Дёрсли.

— Поганые магглы, — рыкнул Хагрид. — Кабы я знал…

— Гарри! Гарри! Сюда!

Гарри поднял взгляд и увидел на ведущей в «Гринготтс» мраморной лестнице Гермиону Грейнджер. Она бросилась к ним, — густые каштановые волосы развевались на ветру.

— Что у тебя с очками? Привет, Хагрид, — как же *здорово* снова вас видеть, — ты тоже в «Гринготтс», Гарри?

— Да, только сначала найду всех Уисли, — подтвердил Гарри.

— Ну, долго ждать не придётся, — усмехнулся Хагрид.

Гарри с Гермионой обернулись, — по запруженной народом улице к ним спешили Рон, Фред, Джордж, Перси и мистер Уисли.

— Гарри, — выдохнул мистер Уисли. — Мы *надеялись*, что ты проскочил не дальше одного очага… — он промокнул блестевшую от пота лысину. — Молли просто в ужасе, она сейчас подойдёт…

— А куда ты попал? — полюбопытствовал Рон.

— На Скверн-аллею, — мрачно ответил Хагрид.

— *Обалдеть!* — хором высказались Фред и Джордж.

— Нас туда никогда не пускали, — с завистью сообщил Рон.

— Ишь чего захотели, — буркнул Хагрид.

Миссис Уисли галопом неслась к ним, — в одной руке у неё болталась сумка, другой она волокла за собой Джинни.

— Гарри, — ох, милый, — ты же мог оказаться где угодно…

Тяжело отдуваясь, она вытащила из сумки щётку и принялась счищать сажу с его одежды, которую не успел стряхнуть Хагрид. Мистер Уисли взял у Гарри очки, постучал по ним палочкой и вернул в первозданном виде.

— Ну, мне пора, — попрощался Хагрид, — миссис Уисли до сих пор цеплялась за его руку («Скверн-аллея! А если бы ты его не нашёл, Хагрид!»). — Свидимся в Хогвартсе!

И он зашагал прочь, возвышаясь над прохожими.

— Знаете, кого я встретил в «Боргине и Потрошивере»? — обратился Гарри к Рону и Гермионе, поднимаясь по гринготтским ступеням. — Малфоя и его отца.

— Люциус Малфой купил что-нибудь? — живо поинтересовался мистер Уисли.

— Нет, он продавал…

— Так он нервничает, — с мрачным удовлетворением констатировал мистер Уисли. — О, как бы мне хотелось поймать его на чём-нибудь…

— Будь осторожен, Артур, — предостерегла миссис Уисли; гоблин у дверей поклонился им. — Эта семья опасна. Не берись за то, что тебе не по плечу.

— Так, по-твоему, мне с Малфоем не справиться? — вознегодовал мистер Уисли, но тут же забыл обо всём при виде родителей Гермионы, — те, явно волнуясь, стояли возле тянущейся через весь мраморный зал стойки, дожидаясь, когда Гермиона представит их.

— Да вы же *магглы*! — с восторгом воскликнул мистер Уисли. — Наше знакомство нужно отметить! Что это у вас? А-а, вы обмениваете маггловые деньги. Молли, смотри! — он в востор-

ге указал на десятифунтовые банкноты в руке мистера Грейнджера.

— Подождите нас здесь, — попросил Рон Гермиону; Гарри и семья Уисли последовали за другим гоблином.

Клиентов доставляли к сейфам на управляемых гоблинами тележках, по миниатюрным рельсам несущихся по лабиринту подземных туннелей. Гарри понравилось головокружительное путешествие к хранилищу Уисли, но он почувствовал себя ужасно, много хуже, чем на Скверн-аллее, когда дверца камеры распахнулась. Внутри лежала крошечная горстка серебряных серпиев и всего лишь один золотой галеон. Миссис Уисли пошарила по углам и сгребла всё их семейное состояние в сумку. Окончательно у Гарри упало настроение, когда они добрались и до его ячейки. Он попытался загородить собой содержимое сейфа и спешно набросал в кожаный мешок несколько пригоршней монет.

Выйдя на улицу, каждый направился по своим делам. Перси что-то невнятно пробормотал насчёт нового пера. Фред и Джордж заметили неподалёку своего друга, Ли Джордана. Миссис Уисли с Джинни собирались в магазин уценённых мантий. Мистер Уисли настойчиво

приглашал Грейнджеров в «Дырявый котёл» выпить за знакомство.

— Встречаемся через час у «Флориша и Блоттса», — там купим все учебники, — подытожила миссис Уисли и вместе с Джинни направилась к магазину одежды. — И на Скверн-аллею ни шагу! — крикнула она вслед удаляющимся близнецам.

Гарри, Рон и Гермиона побрели по извилистой, вымощенной булыжником улице. Золотые, серебряные и бронзовые монеты весело бренчали у Гарри в кармане, и ему их не терпелось потратить, — так что он купил три рожка клубничного мороженого с арахисовым маслом, которое они с удовольствием слопали, прогуливаясь по аллее и разглядывая удивительные витрины магазинов. Рон с вожделением глазел на полный комплект спортивных мантий «Палящих Пушек», выставленный в магазине «Качественные квиддичные товары», пока Гермиона не потащила их покупать пергамент и чернила в следующей лавочке. В магазине колдовских розыгрышей «Прикола и Острота» они встретили Фреда, Джорджа и Ли Джордана, — те запасались «холодными петардами влажного запуска от д-ра Филибустера»; а в крошечной лавке старьёвщика, полной

сломанных палочек, перекошенных латунных весов и старых мантий в пятнах от зелий, они наткнулись на Перси, — тот был всецело поглощён отменно нудной книжицей под названием «*Префекты, обрётшие власть*».

— «*Исследование карьер бывших префектов Хогвартса*», — вслух зачёл Рон с обложки. — У*влекательное*, однако, чтиво…

— Сгинь, — отрезал Перси.

— Ну да, Перси у нас такой амбициозный, у него уже всё спланировано… собирается стать Министром Магии… — вполголоса объяснил Рон Гарри и Гермионе, предоставив Перси самому себе.

Часом позже они направились к «Флоришу и Блоттсу». И, как оказалось, далеко не они одни. Подойдя ближе, друзья, к своему удивлению, обнаружили у дверей огромную толпу, рвущуюся внутрь. Причину ажиотажа объясняла вывеска, растянутая поперёк верхних окон:

> Гилдерой Локарт
> *будет подписывать экземпляры своей автобиографии*
> «*Я Само Волшебство*»
> *сегодня с 12.30 до 4.30*

— Мы сможем его увидеть! — запищала Герми-

она. — В смысле, он же автор почти всех наших новых учебников!

Толпа, похоже, состояла преимущественно из ведьм возраста миссис Уисли. В дверях стоял взмыленный чародей, повторяя:

— Леди, прошу, успокойтесь… да не толкайтесь же… осторожнее, книги…

Гарри, Рон и Гермиона просочились внутрь. К столу, за которым Гилдерою Локарту предстояло подписывать книги, тянулась длинная очередь. Они схватили себе по «*Стандартной книге заклинаний (Второй год)*» и прошмыгнули к началу очереди, где их ждали остальные Уисли и родители Гермионы.

— О, вот вы где, отлично, — проговорила миссис Уисли. Она запыхалась и постоянно поправляла причёску. — Он появится через минуту…

Гилдерой Локарт неспешно вышел, являя себя всеобщим взорам, и уселся за стол, окружённый его гигантскими портретами, — все изображения непрестанно подмигивали и сверкали белозубыми улыбками. Настоящий Локарт был облачён в мантию лазурного цвета, идеально подходящую к его глазам; на вьющихся волосах красовалась остроконечная шляпа, игриво заломленная набекрень.

Поблизости с раздражённым видом крутился приземистый фотограф, — огромная чёрная камера извергала фиолетовый дым после каждой ослепительной вспышки.

— Отойди, — рявкнул он на Рона, отступив назад в поисках более удачного ракурса. — Это для «*Ежедневного пророка*»…

— Большое дело, — проворчал Рон, потирая отдавленную ступню.

Гилдерой Локарт услышал его и поднял взгляд. Увидел Рона и затем — Гарри. Уставился на него. После чего вскочил на ноги и буквально завопил:

— Да *неужели это* Гарри Поттер!

Люди расступились, взволнованно перешёптываясь; Локарт нырнул вперёд и, схватив Гарри за руку, вытащил его на всеобщее обозрение. Толпа разразилась аплодисментами. Гарри чуть не сгорел от стыда, а Локарт уже пожимал ему руку для очередного снимка; фотограф лихорадочно щёлкал камерой, — семья Уисли скрылась в клубах густого дыма.

— Улыбнись, Гарри, — попросил Локарт, сверкая белоснежными зубами. — Вместе мы с тобой стоим первой полосы.

К тому времени, как он отпустил его, пальцы

Гарри окончательно онемели. Он попытался юркнуть обратно к Уисли, но Локарт обхватил его за плечи и прижал к себе.

— Леди и джентльмены, — провозгласил он, жестом требуя тишины. — Какой необычайный момент! Прекрасная возможность для меня сделать небольшое объявление, которое я так долго откладывал!

Входя сюда, юный Гарри рассчитывал только купить мою автобиографию, — которую я с радостью подарю ему…

Снова раздались овации.

— …но он и *представить не мог,* — продолжал Локарт, слегка встряхнув Гарри, отчего очки съехали тому на кончик носа, — что ему достанется нечто большее, гораздо большее, чем моя книга «*Я Само Волшебство*». Он и его однокурсники вскоре получат совершенно реального волшебного меня. Да, господа, я с огромным удовольствием и гордостью заявляю, что в сентябре займу пост преподавателя защиты от тёмных искусств в Хогвартсе!

Толпа восторженно зааплодировала, а Гарри вручили полное собрание сочинений Локарта. Слегка пошатываясь под тяжестью книг, он выбрался из толпы и протиснулся к стене, — там

стояла Джинни со своим новым котлом.

— Это тебе, — пробубнил Гарри, сваливая книги в котёл. — Я себе сам куплю…

— Тебе, надо полагать, это понравилось, верно, Поттер? — поинтересовался голос, который Гарри узнал без труда. Он выпрямился и оказался лицом к лицу с Драко Малфоем с его неизменной ехидной ухмылкой.

— *Знаменитый* Гарри Поттер, — съязвил Малфой. — Не может зайти в *книжный магазин,* не попав на первую полосу.

— Отстань от него, он этого не хотел! — выпалила Джинни. Впервые она заговорила в присутствии Гарри и теперь буравила Малфоя гневным взглядом.

— Поттер, ты завёл себе *подружку*! — протянул Малфой. Джинни отчаянно покраснела; Рон и Гермиона в это время пробрались к ним, держа в охапке книги Локарта.

— А-а, это ты, — хмыкнул Рон, глядя на Малфоя как на некую гадость, прилипшую к подмётке обуви. — Наверняка не ожидал встретить здесь Гарри, а?

— Ещё меньше я ожидал встретить тебя *в магазине*, Уисли, — парировал Малфой. — Я так подозреваю, твоим родителям придётся месяц

голодать, заплатив за всё это.

Рон, как и Джинни, залился краской. Он тоже сгрузил книги в котёл и шагнул к Малфою, но Гарри и Гермиона удержали его, схватив за рукава куртки.

— Рон! — позвал мистер Уисли, вместе с Фредом и Джорджем пробиваясь вперёд. — Что вы тут делаете? Здесь просто сумасшедший дом, пойдёмте на улицу…

— Так-так-так — Артур Уисли.

Это был Малфой-старший. Он стоял рядом с Драко, положив ему руку на плечо и точно так же усмехаясь.

— Люциус, — отозвался мистер Уисли, холодно кивнув.

— У Министерства сейчас работы хватает, не так ли? Все эти рейды… надеюсь, вам платят сверхурочные?

Малфой запустил руку в котёл Джинни и извлёк из груды новеньких книг Локарта ветхое, видавшее виды «*Пособие по преображению для начинающих*».

— Видимо, нет, — резюмировал Малфой. — Подумать только, какой смысл позорить имя колдуна, если за это даже не платят?

Мистер Уисли побагровел ещё сильнее, чем

Рон и Джинни.

— У нас слишком разные взгляды на то, что позорит имя колдуна, Малфой, — отчеканил он.

— Это точно, — подтвердил Малфой, переводя взгляд на мистера и миссис Грейнджер, — те с опаской наблюдали за ними. — С кем ты якшаешься, Уисли… а я-то думал, твоей семье ниже падать некуда…

Раздался металлический грохот — котёл Джинни полетел прочь; мистер Уисли бросился на Малфоя, отшвырнув его на книжную полку. На головы им с грохотом посыпались десятки тяжёлых фолиантов; Фред с Джорджем вопили: «Врежь ему, пап!»; миссис Уисли кричала: «Прекрати, Артур, прекрати!»; толпа отшатнулась, сбив ещё несколько полок; продавец увещевал: «Джентльмены, пожалуйста… пожалуйста!», и тут послышалось громовое:

— Эй, парни, хорош уже!

Хагрид пробирался к ним через завалы книг. В мгновение ока он растащил дерущихся. У мистера Уисли была рассечена губа, а Малфой получил в глаз «*Энциклопедией ядовитых грибов*». Он всё ещё сжимал в руках потрёпанный учебник Джинни. Малфой швырнул ей книгу, недобро сверкая глазами.

— Вот, девочка, держи — это лучшее, что может дать тебе твой отец…

Высвободившись из рук Хагрида, он кивком указал Драко на дверь и стремительно удалился.

— Нечего тебе было с ним связываться, Артур, — заявил Хагрид, расправляя мантию мистера Уисли и едва не оторвав его при этом от пола. — Вся семья до корней прогнила, это ж любой знает… и нечего Малфоев слушать… дурная кровь, вот как это зовется… ладно… пошли-ка отсюдова.

Продавец, похоже, хотел остановить их, но, едва доходя Хагриду до пояса, благоразумно передумал. Они двинулись вперёд по улице; Грейнджеры дрожали от потрясения, а миссис Уисли только что не дымилась от злости.

— *Славный* пример ты подаёшь детям… устраивать *мордобой* на людях… *что* только подумал Гилдерой Локарт…

— Он был в восторге, — уверил Фред. — Не слышала его, когда мы уходили? Спрашивал у того типа из «*Ежедневного пророка*», не сможет ли тотпоместить в статью рассказ о драке — это, мол, отличная реклама…

Но обратно к камину в «Дырявом котле», откуда Гарри, семье Уисли и всем их покупкам предстояло отбыть в «Нору», они шли в подавленном

настроении. Наконец они попрощались с Грейнджерами, — те выходили из паба на магловую улицу; мистер Уисли начал было расспрашивать их, как устроены автобусные остановки, но быстро умолк, увидев взгляд жены.

Гарри предусмотрительно снял очки и убрал в карман, прежде чем зачерпнуть вьюжного порошка. Этот способ передвижения был определенно не для него.

Глава пятая
ДРАКУЧАЯ ИВА

Гарри показалось, что остаток летних каникул пролетел чересчур быстро. Конечно, он с нетерпением ждал возвращения в Хогвартс, — и всё же, месяц, проведённый в «Норе», стал счастливейшим в его жизни. Трудно было не позавидовать Рону при мысли о приёме, который ему устроят Дёрсли по возвращении на Бирючинный проезд.

В последний вечер перед их отъездом миссис Уисли устроила великолепный ужин из всех любимых блюд Гарри, — включая тающий во рту пудинг с патокой на десерт. Фред и Джордж завершили вечер демонстрацией фейерверков д-ра Филибустера, — петарды, взрываясь, заполнили кухню красными и синими звёздами, скакавшими от пола к потолку не меньше получаса. Затем пришло время выпить по последней кружке горячего шоколада и — спать.

Утренние сборы заняли целую вечность. Все поднялись на рассвете, но внезапно обнаружилось, что дел ещё по горло. Миссис Уисли в дурном настроении носилась по дому в поисках чистых

носков и перьев; остальные то и дело сталкивались на лестнице, полуодетые, с тостами в руках; мистер Уисли едва не сломал шею, волоча к машине тяжёлый сундук Джинни и споткнувшись о бродившую по двору курицу.

Гарри не представлял, каким образом восемь человек, шесть огромных сундуков, две совы и крыса поместятся в довольно-таки тесный «Форд Англия». Правда, он не знал, что мистер Уисли успел поработать над своей машиной.

— Молли ни слова, — прошептал он Гарри, открывая багажник, — тот чудесным образом расширился так, что все их вещи легко в нём поместились. Вскоре все, наконец, оказались в машине. Обернувшись к Гарри, Рону, Фреду, Джорджу и Перси, удобно устроившимся сзади, миссис Уисли отметила:

— Похоже, мы недооцениваем умения магглов, — Они с Джинни расположились на переднем сиденье, растянутом до размеров парковой скамейки. — Со стороны в жизни не скажешь, что здесь так просторно, правда?

Мистер Уисли завёл мотор, и машина покатила прочь со двора; Гарри оглянулся, чтобы в последний раз взглянуть на «Нору». Правда, ему не пришлось долго гадать, когда же он увидит

этот дом снова, — Джордж забыл коробку фейерверков Филибустера. Через пять минут машина опять затормозила, и Фред бросился за метлой. Они почти выехали на шоссе, и тут Джинни пропищала, что оставила дома дневник. К тому времени, как девочка забралась обратно в машину, они уже сильно опаздывали, и нервы у всех начали сдавать.

Мистер Уисли перевёл взгляд с наручных часов на жену.

— Молли, дорогая…

— *Нет*, Артур…

— Никто не заметит, — вот эта кнопка, видишь, это — регулятор невидимости, я сам его установил, — поднимемся в воздух и скроемся в облаках. Через десять минут будем на месте, и никто ни о чём не…

— Я сказала, *нет*, Артур, тем более средь бела дня…

Когда они добрались до вокзала «Кингс-Кросс», было уже без четверти одиннадцать. Мистер Уисли пулей понёсся через дорогу за тележками для багажа, и, дождавшись его, все поспешили на вокзал.

В прошлом году Гарри уже путешествовал на «Хогвартс-Экспрессе». Сложность в том, что

нужно было попасть на платформу девять и три четверти, невидимую глазу магглов. Для этого необходимо пройти прямо сквозь барьер, разделяющий платформы девять и десять. Это было не больно, но операцию эту надо было провернуть так, чтобы ни один маггл не увидел, как ты исчезаешь.

— Перси, ты первый, — сказала миссис Уисли, обеспокоенно глянув на часы над головой, — у них осталосьвсего пять минут на то, чтобы незаметно проскользнуть на платформу.

Перси бодро зашагал вперёд и исчез. Следующим на платформу отправился мистер Уисли; затем — Фред с Джорджем.

— Я возьму Джинни, а вы двое идите после нас, — напутствовала миссис Уисли, хватая Джинни за руку и спеша к барьеру. В мгновение ока они скрылись из виду.

— Пойдём вместе, у нас всего минута, — предложил Рон.

Гарри поправил клетку Хедвиг, водружённую на сундук, и затем развернул тележку к барьеру. Он чувствовал полную уверенность; это же не вьюжной порох. Они оба склонились над ручками тележек и целеустремлённо направились к барьеру, набирая скорость. В паре футов от цели

перешли на бег, и…

БУМ.

Обе тележки врезались в барьер и отскочили назад; сундук Рона с грохотом свалился на пол; Гарри сбило с ног; клетка Хедвиг упала и покатилась в сторону, причём сова издавала негодующие вопли; прохожие в изумлении вытаращились на них, а служащий заорал:

— Какого чёрта вы вытворяете?

— Не справились с тележкой, — выдохнул Гарри, поднимаясь на ноги и держась за ушибленный бок. Рон бросился подобрать Хедвиг, — та устроила такую сцену, что окружающие начали шептаться о жестоком обращении с животными.

— Почему мы не можем пройти? — прошипел Гарри.

— Не знаю…

Рон дико озирался по сторонам. За ними всё ещё наблюдало человек десять.

— Мы не успеемна поезд, — прошептал Рон. — Не понимаю, почему проход запечатался…

Гарри взглянул на гигантские часы, и от ужаса у него засосало под ложечкой. Десять секунд… девять…

Он осторожно приблизил тележку к барьеру и толкнул изо всех сил. Металл не поддался.

Три секунды… две… одна…

— Мы опоздали, — ошеломлённо проговорил Рон. — Поезд ушёл. Что, если мама и папа тоже не могут выйти оттуда? У тебя есть маггловы-еденьги?

Гарри невесело рассмеялся.

— Дёрсли не давали мне карманных денег уже лет шесть, не меньше.

Рон прижался ухом к холодному барьеру.

— Ничего не слышно, — напряжённо констатировал он. — Что будем делать? Понятия не имею, когда мама с папой смогут вернуться сюда…

Они огляделись вокруг. На них всё ещё глазели, главным образом из-за воплей Хедвиг.

— Думаю, нам лучше подождать их у машины, — решил Гарри. — Мы привлекаем к себе слишком много внима…

— Гарри! — вскричал Рон с блеском в глазах. — Машина!

— Что машина?

— Мы можем полететь в Хогвартс на ней!

— Но я думал…

— Мы застряли здесь, правильно? А нам нужно попасть в школу, так? А в случае крайней нужды колдовать можно даже несовершеннолетним, — пункт, кажется, девятнадцать Ограничения

чего-то там…

Паника Гарри внезапно обернулась азартом.

— А ты сможешь ей управлять?

— Да это легче легкого — заверил его Рон, разворачивая тележку к выходу. — Давай, пошли, — если поторопимся, успеем нагнать поезд.

И они, миновав толпу любопытных магглов, поспешили на выход, в переулок, где был припаркован «Форд Англия».

Рон отпер багажник, больше похожий на пещеру, в нужной последовательности постучав по нему волшебной палочкой,и они погрузили туда сундуки. Клетку Хедвиг поставили на заднее сиденье, а сами уселись впереди.

— Никого вокруг нет? — спросил Рон, постучав палочкой, включил зажигание. Гарри высунулся из окна: по шоссе впереди сновал транспорт, но их улица была пуста.

— Никого, — подтвердил он.

Рон нажал на крошечную серебряную кнопку на приборной панели. Машина растаяла в воздухе, — и они вместе с ней. Гарри чувствовал, как вибрирует его сиденье, слышал рёв двигателя, ощущал свои ладони на коленях и очки на носу, — но, судя по всему, он превратился в пару зрачков, парящих в нескольких футах над

грязной улочкой, забитой припаркованными автомобилями.

— Поехали, — раздался справа голос Рона.

Земля и обшарпанные здания начали постепенно уменьшаться и исчезать, а машина поднималась всё выше и выше; через несколько секунд весь Лондон, сверкающий и окутанный дымом, оказался как на ладони.

Неожиданно раздался хлопок, и машина с пассажирами вновь показалась в воздухе.

— Чёрт, — бросил Рон, тыча пальцем в регулятор невидимости. — Не работает…

Они оба с силой ударили по кнопке. Машина исчезла. И моментально возникла опять.

— Держись! — выкрикнул Рон, вдавливая в пол педаль газа; они рванулись прямо в низкие, ватные облака, и всё вокруг стало серым и туманным.

— Что дальше? — спросил Гарри, щурясь из-за плотной облачной завесы, окружавшей их со всех сторон.

— Надо понять, в каком направлении движется поезд, — отозвался Рон.

— Тогда нырни вниз— по быстрому…

Машина нырнула обратно под облака, и они заёрзали на сиденьях, выглядывая из окон.

— Вижу! — заорал Гарри. — Вон там, впереди!

«Хогвартс-Экспресс», словно алая змея, извивался внизу.

— Строго на север, — определил Рон, сверившись с компасом. — Отлично, просто будем проверять направление каждые полчаса… держись…

И они взмыли в облака. Минуту спустя фордик вынырнул в на яркий солнечный свет.

Это был совершенно другой мир. Машина плыла по морю пушистых облаков, в бескрайней небесной синеве, под ослепительно-белым солнцем.

— Теперь бы только не столкнуться с самолётом, — подытожил Рон.

Они переглянулись и расхохотались; какое-то время оба не могли успокоиться.

Они словно перенеслись в фантастическийсон. Именно так, думал Гарри, лучше всего путешествовать, — когда мимо проплывают водовороты и башенки белоснежных облаков; машина залита горячим, ярким солнечным светом; в бардачке — пузатый пакетик ирисок, а впереди — победоносное, гладкое приземление на пологий склон лужайки перед Хогвартсом и завистливые взгляды Фреда и Джорджа.

Они регулярно снижались, продвигаясь всё дальше и дальше на север, — каждый раз им открывался новый вид. Лондон скоро остался позади, сменившись опрятными зелёными лугами, а затем — просторными, розовато-лиловыми вересковыми полями; крупным городом, кишевшим автомобилями, словно разноцветными муравьями; деревнями с крошечными, будто игрушечными, церквями.

Однако спустя несколько часов однообразного полёта Гарри пришлось признать, что его восторг начинает улетучиваться. От ирисок в горле пересохло, а пить было нечего. Они с Роном сняли джемпера, но футболка Гарри всё равно прилипала к спинке сиденья, а очки постоянно съезжали на кончик вспотевшего носа. Он перестал замечать сказочные очертания облаков и с тоской думал о поезде в милях под ними, где пухленькая колдунья развозила на тележке прохладный тыквенный сок. *Почему* они не сумели попасть на платформу?

— Наверное, мы уже близко, да? — прохрипел Рон ещё через пару часов; солнце тем временем уже начало погружаться в облака, расцвечивая их светло-вишнёвым. — Сверимся с поездом?

Поезд мчался прямо под ними, огибая гору с

заснеженной вершиной. Внизу, под периной облаков, оказалось намного темнее.

Рон прибавил скорость; машина начала набирать высоту, но тут неожиданно взвыл двигатель.

Гарри и Рон встревоженно переглянулись.

— Она, наверное, просто устала, — предположил Рон, — Путь-то неблизкий…

И оба притворились, будто ничего не замечают, а вой становился всё громче и громче. Небо неуклонно чернело; вскоре в вышине уже засияли звёзды. Гарри снова натянул джемпер, пытаясь не обращать внимания на дворники, — те беспомощно ездили по стеклу, как бы в знак протеста.

— Уже скоро, — отметил Рон, обращаясь скорее к машине, чем к Гарри, — совсем скоро, — он нервно похлопал по приборной панели.

Снова окунувшись чуть позже в облака, им уже пришлось щуриться в поисках хоть каких-то ориентиров.

— *Вот он!* — завопил Гарри, отчего Рон и Хедвиг вздрогнули. — Прямо перед нами!

Выделяясь на фоне темного горизонта, на высоком утёсе над озером, появился силуэт замка с его многочисленными башнями.

Но машина задрожала, замедлив ход.

— Давай, — подбодрил её Рон, слегка встряхнув руль, — потерпи ещё чуть-чуть…

Двигатель заскрипел. Из-под капота уже струился пар. Когда они подлетели к озеру, Гарри вдруг обнаружил, что крепко держится за края сиденья.

Машина угрожающе затряслась. Выглянув из окна, Гарри различил внизу гладкую, чёрную, глянцевитую поверхность воды, примерно в миле под ними. На фоне руля отчётливо выделялись побелевшие костяшки пальцев Рона. Фордик снова задрожал.

— *Ну* же, — пробормотал Рон.

Они миновали озеро, — замок был совсем рядом, — Рон нажал на газ.

Раздался громкий щелчок, треск, и двигатель окончательно смолк.

— Мама, — выдавил Рон в наступившей тишине.

Капот накренился. Они помчались вниз, нацелившись прямо на каменную стену замка.

— *Нееееет!* — завопил Рон, выворачивая руль; они разминулись со стеной в паре дюймов, а машина развернулась широкой дугой, паря над теплицами; над овощными грядками; затем над

тёмными лужайками, при этом постоянно теряя высоту.

Рон отпустил руль и вытащил из кармана палочку.

— СТОЙ! СТОЙ! — голосил он, колотя ею по приборной панели и ветровому стеклу, — они стремительно падали, земля неслась навстречу…

— ОСТОРОЖНО, ДЕРЕВО! — проорал Гарри, вцепившись в руль, но поздно…

КР-РАК.

С оглушительным звуком удара металла о дерево, они врезались в массивный ствол и тяжело рухнули на землю. Из-под искорёженного капота вырывался пар; Хедвиг в ужасе верещала; Гарри ударился о ветровое стекло, и теперь у него на лбу набухала шишка величиной с мяч для гольфа; Рон издал протяжный, отчаянный стон.

— Ты цел? — испуганно спросил Гарри.

— Моя палочка, — пролепетал Рон. — Посмотри на неё…

Она переломилась почти надвое; кончик безжизненно поник, держась на паре щепок.

Гарри открыл было рот, собираясь утешить друга, — палочку наверняка можно починить в школе, — но не успел даже начать. В этот самый момент что-то с силой пушечного ядра шарах-

нуло по двери, отшвырнув Гарри вбок, прямо на Рона; такой же гулкий удар обрушился на крышу.

— Что за?..

Рон раскрыл рот, оторопело глядя перед собой, — Гарри обернулся, и тут по ветровому стеклу хлестнула ветка толщиной с питона. Дерево, в которое врезались мальчишки, нападало на них. Его ствол согнулся чуть ли не вдвое, а искривлённые ветви молотили по каждому дюйму машины, куда могли достать.

— Аааааа, — вырвалось у Рона, — от удара очередного узловатого побега на дверце рядом с ним образовалась вмятина; ветровое стекло дрожало под напором шишковатых, как костяшки пальцев, прутьев, а сук, больше напоминавший огромный таран, неистово стучал по крыше, которая уже начала прогибаться…

— Бежим! — крикнул Рон, всей тяжестью навалившись на дверь, но в следующий миг одна из ветвей мощным апперкотом отбросила его на колени к Гарри.

— Мы пропали, — простонал он; потолок проседал всё ниже; неожиданно пол машины задрожал, — мотор завёлся.

— *Задний ход!* — заорал Гарри, и фордик рванул

назад; ива всё ещё силилась дотянуться до них; слышно было, как трещали корни, — оно едва не выкорчевала себя из земли, потрясая ветвями вслед машине.

— Ещё бы чуть-чуть, и… — выдохнул Рон. — Молодчина, фордик…

Однако терпение фордика подошло к концу. С резкими щелчками двери распахнулись, и Гарри ощутил, как его сиденье накренилось в сторону: в следующий миг он неуклюже растянулся на сырой земле. Судя по грохоту, машина избавлялась от их багажа; клетка Хедвиг пролетела по воздуху, — дверца распахнулась; сова с гневным воплем вырвалась на свободу и, не оглядываясь, понеслась к замку. Затем, помятый, исцарапанный и пышущий паром фордик умчался в ночь, сердито моргая фарами.

— Вернись! — крикнул Рон ему вслед, размахивая сломанной палочкой. — Отец меня убьёт!

Но машина, презрительно фыркнув напоследок, скрылась из виду.

— Нам просто сказочно везёт, — горестно проговорил Рон, наклонившись за Корыстиком. — Из всех деревьев, в которые можно врезаться, нам попалось именно то, что может дать сдачи.

Он через плечо оглянулся на старое дерево, до

сих пор угрожающе машущее ветвями.

— Пошли, — вяло позвал Гарри, — идём в замок…

Вовсе не так они воображали своё триумфальное прибытие. Окоченевшие от холода, все в синяках, они ухватили сундуки за ручки и потащили их вверх по поросшему травой склону, к тяжёлым дубовым дверям замка.

— Думаю, банкет уже начался, — предположил Рон, бросив сундук у подножия лестницы и бесшумно пробираясь к освещённому окну. — Эй, Гарри, — смотри, — сортировка!

Гарри поспешил к нему и тоже заглянул в Большой Зал.

В воздухе, над четырьмя длинными столами, парили бесчисленные свечи, отбрасывая блики на золотые тарелки и кубки. На зачарованном потолке, — точной копии настоящего неба, — мерцали звёзды.

За лесом чёрных остроконечных шляп виднелась длинная вереница испуганных первокурсников, идущих по Залу. Среди них легко можно было различить Джинни, благодаря её ярко-рыжим волосам. Профессор Макгонаголл — пожилая колдуньяв очках, с тёмными, стянутыми в пучок волосами — положила на табурет перед новичка-

ми знаменитую Сортировочную Шляпу.

Каждый год эта древняя шляпа, — грязная, потрёпанная, вся в заплатах, — сортировала первокурсников по хогвартским домам (Гриффиндор, Хуфльпуф, Рейвенкло и Слизерин). Гарри отлично помнил, как ровно год назад сам надевал Шляпу и, цепенея от страха, ждал её вердикта, пока она вслух бормотала у него над ухом. На какое-то ужасное мгновение ему показалось, что его отправят в Слизерин, колледж, из которого вышло больше темных колдунов и ведьм, чем из любого другого, — но в итоге он оказался в Гриффиндоре, с Роном, остальными сыновьями Уисли и Гермионой. В прошлом году Гарри и Рон помогли Гриффиндору победить в соревновании домов колледжей, впервые за семь лет оставив Слизерин позади.

Совсем маленький мальчик с блеклыми волосами, услышав своё имя, вышел вперёд, сел и нахлобучил шляпу. Взгляд Гарри скользнул мимо него к преподавательскому столу, откуда за сортировкой наблюдал профессор Дамблдор, — длинная серебристая борода и полукруглые очки директора ярко сияли в свете свечей. Поодаль Гарри заметил Гилдероя Локарта, облачённого в мантию цвета морской волны. А на углу стола

сидел Хагрид, — бородатый великан, запрокинув голову, пил из кубка.

— Погоди-ка… — пробормотал Гарри. — Кого-то из профессоров не хватает… Где Снейп?

Профессор Снейп был самым нелюбимым учителем Гарри. Так уж сложилось, что и Гарри был самым нелюбимым учеником Снейпа. Жёсткий, саркастичный, ненавидимый всеми, кроме студентов своего собственного колледжа, Слизерина, Снейп преподавал зелья.

— Может, заболел! — с надеждой предположил Рон.

— А может, *ушёл из школы,* — подхватил Гарри, — потому что *снова* упустил должность преподавателя по защите от тёмных искусств!

— А может, его *уволили!* — с энтузиазмом продолжал Рон. — Его же все терпеть не могут…

— А может быть, — раздался у них за спиной ледяной голос, — он сейчас ждёт, когда вы двое объясните ему, почему прибыли в школу не на поезде.

Гарри обернулся. В паре шагов от них, в развивающейся на ветру чёрной мантии, стоял Северус Снейп. Это был худой мужчина с землистого цвета кожей, крючковатым носом и сальными чёрными волосами до плеч; улыбка егоне сулила

Гарри и Рону ничего хорошего.

— За мной, — приказал Снейп.

Не смея даже взглянуть друг на друга, Гарри и Рон побрели за Снейпом вверх по ступеням в просторный, отражающийся эхом Вестибюль, освещаемый горящими факелами, — их шаги отзывались эхом. Из Большого Зала сюда долетали аппетитные запахи, но Снейп увёл вел их прочь от света и тепла, вниз по узкой каменной лестнице, ведущий в подземелья.

— Вперёд! — скомандовал он, открывая дверь в середине коридора и указывая внутрь.

Они, дрожа, вошли в кабинет Снейпа. Вдоль темных стен тянулись полки с огромными стеклянными банками, — в них плавали всевозможные мерзости, названий которых Гарри сейчас совершенно не хотелось знать. В камине было пусто и сыро. Снейп закрыл дверь и повернулся к ним.

— Так значит, — мягко начал он, — поезд не устраивает знаменитого Гарри Поттера и его преданного оруженосца Уисли. Решили обставить своё прибытие как можно *шикарнее*, правда, мальчики?

— Да нет же, сэр, это из-за барьера на «Кингс-Кросс», он…

— Тихо! — холодно процедил Снейп. — Что вы сделали с машиной?

Рон сглотнул. Гарри уже в который раз показалось, что Снейп способен читать чужие мысли. Но тут учитель развернул сегодняшний выпуск «*Вечернего пророка*», и всё стало ясно.

— Вас видели, — прошипел он, демонстрируя им заголовок: «*ЛЕТАЮЩИЙ «ФОРД АНГЛИЯ» ОШЕЛОМЛЯЕТ МАГГЛОВ*». Он начал читать вслух:

— «Двое магглов-лондонцев утверждают, что видели, как старый автомобиль пролетал над Башней Почтамта… в полдень, в Норфолке, миссис Хетти Бейлис, развешивая бельё… Мистер Ангус Флит, из Пиблза, доложил полиции»… Всего шесть или семь магглов. Кажется, *твой* отец работает в Ведомстве по Неправомочной Эксплуатации Предметов Магглового Быта? — обратился он к Рону, неприятно усмехнувшись. — Подумать только… его родной сын…

Гарри словно стегнуло по животу самой большой плетью взбесившегося дерева. Если кто-нибудь узнает, что мистер Уисли заколдовал машину… это ему не пришло в голову…

— Осматривая окрестности, — продолжал Снейп, — я обнаружил, что чрезвычайно ценной

Дракучей Иве был нанесён серьёзный ущерб.

— Эта ваша ива нанесла *нам* гораздо больший ущерб! — выпалил Рон.

— *Молчать!* — снова гаркнул Снейп. — К моему глубочайшему сожалению, вы не студенты Слизерина, и я не вправе принять решение о вашем исключении. Но, будьте уверены, я приведу тех, у кого *есть* эта счастливая возможность. А вы подождёте здесь.

Гарри и Рон, побелев, уставились друг на друга. Гарри больше не чувствовал голода. Теперь его сильно тошнило. Он старался не смотреть на склизкое содержимое банки с зелёной жидкостью, на полке за столом Снейпа. Если Снейп отправился за профессором Макгонаголл, деканом Гриффиндора, поблажек можно не ждать. Она, может, и справедливее Снейпа, но крайне строга.

Примерно через десять минут Снейп вернулся, и с ним действительно была профессор Макгонаголл. Гарри уже приходилось видеть её в гневе, но, то ли он забыл, как сильно она способна поджимать губы, то ли ещё не встречал её настолько рассерженной. Войдя в кабинет, профессор взмахнула палочкой; Гарри и Рон отшатнулись, но она направила её на пустой камин, где немедленно

заплясали языки пламени.

— Садитесь, — сухо предложила профессор, и они оба, попятившись, опустились в кресла у огня.

— Рассказывайте — велела она, зловеще сверкая очками.

Рон начал с того, как барьер на вокзале отказался пропустить их на платформу.

— …поэтому у нас не было выбора, профессор, мы не могли попасть на поезд.

— Почему вы не послали письмо с совой? У *тебя*, по-моему, есть сова? — холодно осведомилась профессор, глядя на Гарри,

У Гарри отпала челюсть. Только сейчас ему стало ясно, что именно так и нужно было поступить.

— Я… я не подумал…

— Оно и видно.

В кабинет постучали, и Снейп, счастливый, как никогда, распахнул дверь. На пороге стоял директор, профессор Дамблдор.

Гарри похолодел. У Дамблдора был непривычно суровый вид. Он воззрился на них поверх крючковатого носа, и Гарри вдруг подумалось, что лучше бы его до сих пор колотила Дракучая Ива.

Наступило продолжительное молчание. Затем

Дамблдор заговорил:

— Объясните, пожалуйста, почему вы так поступили.

Лучше бы он кричал. Гарри не мог вынести разочарования, звучавшего в его голосе. Отчего-то он не мог смотреть Дамблдору в глаза и излагал свою историю коленям директора. Он объяснил ему всё, не упомянув лишь о том, что заколдованный фордик принадлежал мистеру Уисли, — по его рассказу выходило, что они с Роном случайно наткнулись на летающую машину возле вокзала. Он понимал, что Дамблдор сразу обо всём догадается, но тот не задал ни единого вопроса о машине. Когда Гарри умолк, директор просто продолжал пристально смотреть на них.

— Мы пойдём собирать вещи, — с безнадежностью в голосе сообщил Рон.

— О чём вы, Уисли? — оборвала его профессор Макгонаголл.

— Ну, вы же исключаете нас, разве нет?

Гарри мельком взглянул на директора.

— Не сегодня, мистер Уисли, — пообещал Дамблдор. — Но я обязан донести до вас всю серьёзность вашего проступка. Поэтому я сегодня же напишу вашим родным. И, кроме того, должен предупредить: если что-то подобное повторится,

боюсь, у меня не останется иного выхода, кроме как исключить вас.

Вид у Снейпа был такой, словно он услышал, что Рождество отменяется. Он кашлянул и вмешался:

— Профессор Дамблдор, эти ученики пренебрегли Декретом об Ограничении Колдовства Несовершеннолетними, нанесли урон древнему и ценному дереву, — такого рода поведение…

— Предоставим профессору Макгонаголл определять их наказание, Северус, — спокойно сказал Дамблдор. — Они — студенты Гриффиндора, и, значит, находятся под её ответственностью. Я должен вернуться на пир, Минерва, нужно сделать пару объявлений. Идёмте, Северус, я приметил на столе восхитительный тортик с заварным кремом, надо бы успеть его попробовать…

Снейп позволил выпроводить себя из кабинета, но при этом смерил Гарри и Рона полным отвращения взглядом; они остались наедине с профессором Макгонаголл, всё ещё взиравшей на них свирепым коршуном.

— Вам нужно в больничное крыло, Уисли, у вас порез кровоточит.

— Не очень сильно, — Рон поспешно промокнул рукавом ссадину над бровью. — Профессор,

я хотел посмотреть, как будут распределятьмою сестру…

— Церемония уже закончилась, — сообщила профессор. — Твоя сестра тоже в Гриффиндоре.

— А, хорошо.

— И кстати о Гриффиндоре… — резко начала профессор Макгонаголл, но Гарри перебил её:

— Профессор, когда мы взяли машину, учебный год ещё не начался, значит… значит, Гриффиндор не должен из-за этого терять баллы? Ведь не должен? — закончил он, встревоженно глядя на неё.

Профессор Макгонаголл буравила его суровым взглядом, но Гарри показалось, что она вот-вот улыбнётся. По крайней мере, губы уже не были так сжаты.

— Я не вычту баллы с Гриффиндора, — пообещала она, и Гарри вздохнул с облегчением. — Но вы оба должны будете понести наказание.

Всё складывалось лучше, чем Гарри ожидал. А что касается письма Дёрсли, то это и вовсе ерунда. Гарри прекрасно знал: они только пожалеют, что Дракучая Ива не расплющила его в лепёшку.

Профессор Макгонаголл снова подняла палочку и указала ею на письменный стол Снейпа. С негромким хлопком на нём появились большое блюдо с сэндвичами, два серебряных кубка, и

кувшин охлаждённого тыквенного сока.

— Поешьте здесь, а потом сразу же идите в спальню, — велела она. — Мне тоже нужно вернуться на банкет.

Едва за ней закрылась дверь, Рон тихо, протяжно присвистнул.

— Я уже думал, нам крышка — признался он, хватая сэндвич.

— И я, — согласился Гарри, тоже протянув руку к подносу.

— Нам просто сказочно везёт, — пробубнил Рон с набитым ветчиной и курицей ртом. — Фред с Джорджем на этой машине летали пять или шесть раз, и *их* ни один маггл не заметил.

Он проглотил очередной кусок и снова впился зубами в сэндвич.

— Так *почему* всё-таки мы не попали на платформу?

Гарри пожал плечами.

— Теперь нам придётся быть осторожными, — сказал он, с наслаждением отхлебнув тыквенного сока. — Жаль только, что нас не пустили на банкет…

— Она просто не хотела, чтобы мы хвастали перед другими, — мудро рассудил Рон. — и чтоб никто не подумал, что это так уж здорово — ле-

тать в школу на машине.

Наевшись до отвала (поднос то и дело пополнялся сэндвичами), они поднялись, вышли из кабинета и привычным путём отправились в башню Гриффиндора. В замке царила тишина; похоже, праздник уже кончился. Минуя бормочущие портреты и скрипящие доспехи, взбираясь по узким каменным лестницам, они, наконец, добрались до коридора, где за изображением весьма дородной дамы в розовом шёлковом платье скрывался потайной вход в общую гостиную Гриффиндора.

— Пароль? — вопросила она, едва они приблизились.

— Э-э… — замялся Гарри.

Они не знали нового пароля, поскольку ещё не встречались с префектом Гриффиндора, но помощь не замедлила прийти; услышав позади топот, они обернулись, — к ним со всех ног мчалась Гермиона.

— *Вот* вы где! Куда вы *пропали*? Ходят такие *нелепые* слухи, — кто-то сказал, что вас исключили за то, что вы разбили летающий *автомобиль*!

— Нет, нас не исключили, — заверил её Гарри.

— Ты же не хочешь сказать, что вы сюда *прилетели*? — завела Гермиона тоном профессора

Макгонаголл.

— Промотай свою лекцию, — попросил Рон, — и скажи пароль.

— Пароль — «серёжчатый медосос», — нетерпеливо отозвалась Гермиона, — но суть не в этом…

Однако договорить она не успела, — портрет Полной Леди повернулся вбок, и внезапно раздалась буря оваций. Казалось, все гриффиндорцы до единого собрались в гостиной, дожидаясь их, — некоторые взгромоздились на покосившиеся столы и мягкие кресла. Сквозь портретный проём к Гарри и Рону потянулись многочисленные руки, втащив их в гостиную, — Гермионе оставалось только залезть следом.

— Блестяще! — орал Ли Джордан. — Гениально! Какое возвращение! Врезаться в Дракучую Иву, об этом будут вспоминать годами…

— Молодцы, — одобрил пятикурсник, с которым Гарри никогда не разговаривал; кто-то хлопал его по спине, как если бы он только что выиграл марафон; Фред с Джорджем протиснулись к ним со словами: «Вот почему *мы* не догадались полететь на машине, а?» Рон порозовел, смущённо ухмыляясь, но Гарри заметил, что кое-кто вовсе не разделяет всеобщего веселья. Перси, возвышаясь над головами взволнованных

первокурсников, пытался пробиться вперёд, явно намереваясь отчитать их. Гарри толкнул Рона локтём под рёбра и кивком указал на Перси. Рон мигом оценил ситуацию.

— Мы пойдём наверх, — немного устали, — заявил он, и они вдвоём начали пробираться к винтовой лестнице.

— До завтра, — Гарри махнул рукой Гермионе, — та недовольной гримасой сильно напоминала Перси.

Они пересекли комнату, — их всё ещё усиленно хлопали по спинам, — и на лестнице обрели свободу. Бегом взобравшись наверх, они, наконец, добрались до двери своей старой спальни, — теперь на ней висела табличка: «ВТОРОЙ ГОД». Они вошли в знакомую, круглую комнату, — с высокими, узкими окнами и кроватями на четырёх столбиках, с бордовым пологом. Их сундуки уже принесли сюда, — они стояли в изножьях постелей.

Рон виновато усмехнулся, глядя на Гарри.

— Я понимаю, гордиться тут нечем, но…

Дверь распахнулась, и в спальню ворвались их однокурсники: Шеймас Финниган, Дин Томас и Невилл Лонботтом.

— *Потрясающе!* — сиял Шеймас.

— Классно, — выпалил Дин.

— Здорово, — благоговейно прошептал Невилл.

Гарри не смог удержаться. Он, как и Рон, невольно улыбнулся.

Глава шестая
ГИЛДЕРОЙ ЛОКАРТ

Зато за следующий день Гарри едва ли улыбнулся хоть раз. Все пошло наперекосяк уже начиная с завтрака в Большом Зале. Столы, по обыкновению, были нагружены мисками с овсянкой, тарелками с копчёной рыбой, горами тостов, блюдами с яичницей и беконом; зачарованный потолок сегодня был затянут хмурыми тучами. Гарри и Рон уселись за гриффиндорский стол рядом с Гермионой, — та читала «*Вечера с Вампирами*», прислонив книгу к кувшину молока. Она сухо проговорила: «Доброе утро», — видимо, всё ещё сердилась на них за вчерашнее путешествие. Невилл Лонботтом, однако, искренне обрадовался им. Невилл был круглолицым мальчиком с привычкой влипать в неприятности и на редкость плохой памятью.

— Скоро почта, — надеюсь, бабушка пришлёт всё, что я забыл.

И действительно, едва Гарри принялся за овсянку, как раздался шорох, — около сотни сов, ворвавшись в Большой Зал, закружили над сто-

лами, сбрасывая письма и посылки оживлённо болтающим хозяевам. Пухлый, мешковатый свёрток свалился Невиллу на голову и отскочил в сторону; через секунду нечто большое и серое плюхнулось в кувшин Гермионы, — во все стороны полетели брызги и перья.

— *Странник*! — вскричал Рон, вытаскивая взъерошенного филина за лапы из кувшина. Странник без чувств шлёпнулся на стол ножками кверху, — в клюве у него был зажат влажный красный конверт.

— О, нет… — выдохнул Рон.

— Всё хорошо, он жив, — успокоила его Гермиона, легонько ткнув филина.

— Я не о том, — я об *этом.*

Рон показывал пальцем на красный конверт. Гарри не видел в нём ничего особенного, но Рон с Невиллом таращились на него так, словно он вот-вот взорвётся.

— В чём дело? — спросил Гарри.

— Она… она прислала мне Ревуна, — чуть слышно пролепетал Рон.

— Лучше открой, Рон, — робко прошептал Невилл. — Иначе будет ещё хуже. Бабушка как-то прислала мне такой, а я не обратил внимания, и, — он сглотнул, — это был кошмар.

Гарри перевёл взгляд с их потрясённых лиц на конверт.

— Что ещё за Ревун? — растерялся он.

Но внимание Рона было приковано к посланию, уже дымившемуся по краям.

— Открывай, — убеждал Невилл. — Скоро всё будет позади…

Рон, протянув к письму дрожащую руку, высвободил его из клюва Странника и вскрыл. Невилл заткнул уши пальцами. И в следующий миг Гарри понял, зачем. Сперва ему показалось, что конверт и *впрямь* взорвался; по просторному залу разнёсся громоподобный голос, — с потолка посыпалась пыль.

— …УКРАСТЬ МАШИНУ… НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ ТЕБЯ НЕ ВЫШВЫРНУЛИ ИЗ ШКОЛЫ… ПОГОДИ, Я ДО ТЕБЯ ДОБЕРУСЬ, — ТЫ ДАЖЕ НЕ ПОТРУДИЛСЯ ПОДУМАТЬ О НАС С ОТЦОМ, О ТОМ, ЧТО МЫ ПЕРЕЖИЛИ, НЕ НАЙДЯ МАШИНЫ НА МЕСТЕ…

Стократно усиленные вопли миссис Уисли оглушительным эхом отдавались от стен; тарелки и ложки на столе дребезжали. Все завертели головами, высматривая получателя Ревуна; Рон сполз под стол, так что виднелся лишь пунцовый лоб.

— …ВЧЕРА ПРИШЛО ПИСЬМО ОТ ДАМБЛДОРА… Я ДУМАЛА, ОТЕЦ УМРЁТ ОТ СТЫДА… МЫ ВОСПИТЫВАЛИ ТЕБЯ СОВСЕМ ПО-ДРУГОМУ… ВЫ С ГАРРИ МОГЛИ ПОГИБНУТЬ…

Гарри всё ждал, когда очередь дойдёт и до него. Он старательно притворялся, что не слышит разрывающих барабанные перепонки криков.

— …ВНЕ СЕБЯ ОТ ЯРОСТИ… ОТЦА НА РАБОТЕ ЖДЁТ СЛУЖЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ, И ВИНОВАТ В ЭТОМ ОДИН ТЫ… ПОПРОБУЙ ТОЛЬКО ВЫКИНУТЬ ЕЩЁ ЧТО-НИБУДЬ, И МЫ НЕМЕДЛЕННО ЗАБЕРЁМ ТЕБЯ ДОМОЙ.

Наступила звенящая тишина. Конверт, давно выпавший из руки Рона, вспыхнул и затем рассыпался пеплом. Гарри и Рон, ошеломлённые, застыли, словно их накрыло приливной волной. Кто-то рассмеялся, и вскоре болтовня возобновилась.

Гермиона закрыла «*Вечера с Вампирами*» и поглядела на макушку Рона.

— Ну, Рон, не знаю, чего ты ожидал, но ты…

— Не говори, что я это заслужил, — огрызнулся тот.

Гарри оттолкнул тарелку с овсянкой. Чувство вины жгло его изнутри. У мистера Уисли непри-

ятности на работе. И это после всего, что родители Рона сделали для него этим летом…

Но корить себя не было времени; профессор Макгонаголл уже шла вдоль гриффиндорского стола, раздавая расписания занятий. Взяв в руки своё, Гарри отметил, что первым уроком у них сегодня была сдвоенное с хуфльпуфцами травоведение.

Гарри, Рон и Гермиона вместе вышли из замка и, минуя огород, направились к теплицам, — там росли колдовские растения. Ревун сделал лишь одно доброе дело: Гермиона, похоже, сочла, что мальчики достаточно наказаны, и стала, как раньше, дружелюбной и приветливой.

Подойдя ближе, они обнаружили, что остальные уже собрались возле теплиц, дожидаясь профессора Саженс. Вскоре она появилась, — профессор стремительно шагала к ним по лужайке в сопровождении Гилдероя Локарта. В руках у неё была охапка повязок; ощутив очередной укор совести, Гарри заметил, что некоторые ветви Дракучей Ивы перебинтованы.

Профессор Саженс была приземистой колдуньей с растрёпанными волосами и в залатанной шляпе; на одежде у неё всегда было полно земли, а при виде её ногтей тётя Петуния упала бы в об-

морок. Локарт же был в безукоризненно чистой бирюзовой мантии; золотые волосы сияли под идеально сидящей на голове бирюзовой шляпой с золотым кантом.

— Всем привет! — воскликнул он, лучась счастьем. — Я показывал профессору Саженс, как следует лечить Дракучую Иву! Но не подумайте, что я разбираюсь в травоведении лучше неё! Просто мне не раз доводилось иметь с дело с этими экзотическими деревьями во время своих странствий…

— Ребята, в третью теплицу! — распорядилась профессор Саженс, явно раздражённая, — что было для неё, всегда улыбчивой, крайне странно.

Раздался оживлённый шёпот. Пока что они работали только в первой теплице, — растения из третьей были гораздо интереснее и опаснее. Профессор Саженс, сняв с пояса ключ, отперла дверь. На Гарри повеяло запахом сырой земли и множества удобрений, а ещё — тяжёлым ароматом гигантских, размером с зонт, цветов, свисавших с потолка. Он уже собрался войти, как вдруг его остановила рука Локарта.

— Гарри! Можно тебя на пару слов? Вы ведь не возражаете, если он опоздает на минутку, профессор?

Судя по недовольному виду Саженс, она возражала.

— Вот и отлично, — заявил Локарт и захлопнул дверь у неё перед носом.

— Гарри, — произнёс учитель, неодобрительно качая головой; его ослепительно-белые зубы сверкали в солнечных лучах. — Гарри, Гарри, Гарри.

Недоумевая, Гарри промолчал.

— Когда я узнал о случившемся… разумеется, это только моя вина. Готов был дать самому себе пинка. Это я заслуживаю наказания.

Гарри не имел ни малейшего понятия, о чём говорит Локарт. Он уже хотел признать это вслух, признаться в этом но тот продолжил:

— Даже не припомню, когда я был столь потрясён. Прилететь в Хогвартс на машине! Конечно же, я сразу догадался, почему ты так поступил. Это же очевидно. Гарри, Гарри, *Гарри*.

Поразительно, как ему, даже молча, удавалось демонстрировать все свои великолепные зубы.

— Это ведь я пробудил в тебе жажду славы. Я тебя *заразил*. Ты сфотографировался со мной для «*Пророка*» и захотел ещё раз попасть на первую полосу.

— Нет-нет, профессор, понимаете…

— Гарри, Гарри, Гарри, — перебил Локарт, схва-

тив его за плечо. — Я всё *понимаю*. Это вполне естественно, — вкусив однажды, хотеть ещё, — и я виноват в том, что подверг тебя этому соблазну. Разумеется, известность вскружила тебе голову, — но, видишь ли, юноша, нельзя же *летать на машинах*, чтобы привлечь внимание. Просто притормози немного, идёт? Вот подрастёшь, и у тебя будет уйма времени. Да-да, я знаю, о чём ты думаешь! «Хорошо ему говорить, он всемирно известный колдун!» Но ведь, когда мне было двенадцать, я был никем и ничем, — как ты сейчас. Я бы даже сказал, ещё большим ничтожеством! О тебе ведь кто-то что-то уже знает, так? Вся эта история с Тем-Кого-Нельзя-Называть! — он искоса глянул на шрам-молнию на лбу Гарри. — Согласен, — это совсем не то, что пять раз подряд выиграть премию «*Ведьминского Еженедельника*» за самую обаятельную улыбку, но для *начала — сойдёт.*

Он дружелюбно подмигнул и удалился. С минуту Гарри не мог опомниться, но, сообразив, что ему пора на урок, приоткрыл дверь теплицы и юркнул внутрь.

Профессор Саженс стояла за козлами в центре теплицы. На них лежало десятка два разноцветных пар наушников. Гарри занял место между

Роном и Гермионой, и профессор заговорила:

— Сегодня мы будем пересаживать мандрагоры. Кто может перечислить их свойства?

Рука Гермионы первой взлетела в воздух, что никого не удивило.

— Мандрагора, или мандрагорум, является сильнодействующим тонизирующим средством, — затараторила Гермиона своим обычным тоном, — так, словно проглотила учебник. — Её используют, чтобы вернуть в нормальное состояние людей, подвергшихся преображению или проклятию.

— Прекрасно, — похвалила профессор Саженс. — Десять баллов Гриффиндору. Мандрагора — важнейший ингредиент большинства противоядий. Однако — кто объяснит, чем она опасна?

Гермиона снова вскинула руку, едва не сбив с носа Гарри очки.

— Плач мандрагоры смертельно опасен для всех, кто его слышит, — без запинки ответила она.

— Именно, — подтвердила профессор. — Ещё десять баллов. Итак, — наши мандрагоры ещё совсем юные.

Она указала на выставленные в ряд глубокие поддоны; все мгновенно столпились вокруг. В

поддонах пучками росли лиловато-зелёные листья: всего около ста кустиков. Гарри не находил в них ничего примечательного, — и уж тем более не представлял себе «плача» мандрагоры.

— Берите наушники, — велела профессор.

Началась возня, — никто не горел желанием брать розовую, пушистую пару.

— Надевая, убедитесь, что они *полностью* закрывают уши, — наставляла профессор Саженс. — Когда их можно будет снять, я покажу большой палец. Ну что — *надеваем*.

Гарри нацепил наушники, — слышно в них не было ровно ничего. Профессор Саженс надела свои — розовые и пушистые — и, закатав рукава, крепко ухватила один из кустиков и с силой дёрнула.

Гарри охнул от изумления, чего, впрочем, никто не услышал.

Вместо корней из-под земли появился крошечный, грязный и невероятно уродливый младенец с бледно-зелёной, пятнистой кожей. Листья росли у него прямо из макушки. Было очевидно, что младенец истошно голосит.

Профессор Саженс вытащила из-под стола большой цветочный горшок и, усадив туда мандрагору, начала засыпать её чёрным, влажным

компостом, — наконец остался виден лишь пучок листьев. Отряхнув руки, профессор подняла большой палец и сама сняла наушники.

— Поскольку эти мандрагоры — всего лишь ростки, их плач не смертелен, — спокойно продолжила она, словно совершила нечто самое обыденное, — максимум, полила бегонию. — Однако даже сейчас вы могли *потерять сознание* на несколько часов. Уверена, вы не хотите пропустить первый учебный день, поэтому всё время следите, чтобы наушники плотно закрывали уши. Когда пора будет собираться, я подам знак.

По четверо на поддон; горшки берите отсюда; компост в мешках вон там; и осторожней с ядовитой тентакулой, у неё зубы режутся.

С этими словами она шлёпнула колючее, тёмно-красное растение, — воровато ползущие по её плечу щупальца мигом отпрянули.

К Гарри, Рону и Гермионе присоединился кудрявый хуфльпуфец, — Гарри знал его в лицо, но никогда раньше с ним не общался.

— Джастин Финч-Флечли, — бойко представился он, пожимая руку Гарри. — Ты, конечно, знаменитый Гарри Поттер… А ты Гермиона Грейнджер — лучшая по всем предметам, — он протянул руку и ей; Гермиона просияла, — и Рон

Уисли. Это ведь была твоя летающая машина?

Рон не улыбнулся. Выбросить из головы Ревуна явно было непросто.

— Этот Локарт — просто нечто, правда? — весело продолжал Джастин, наполняя свой горшок компостом из драконьемго навоза. — Храбрый до жути. Вы читали его книги? Я бы помер от страха, если б меня оборотень загнал в телефонную будку, а он остался спокоен, и — р-раз, — просто *фантастика.*

— Я был записан в «Итон», представляете? Ужасно рад, что вместо этого попал сюда. Конечно, мама была немного разочарована, но я дал ей почитать книги Локарта, и, похоже, она поняла, как полезно иметь в семье хорошо обученного колдуна…

Но больше поговорить им не удалось. Они снова надели наушники и сосредоточились на мандрагорах. Всё оказалось отнюдь не так просто, как объясняла профессор Саженс. Мандрагоры не желали вылезать из земли, — как, впрочем, и лезть обратно. Они извивались, лягались, потрясали шишковатыми кулачками, скалили зубы; одну мандрагору, особенно толстую, Гарри добрых десять минут не удавалось запихнуть в горшок.

К концу урока Гарри, — как и все остальные, —

вспотел и перемазался землей; каждая его мышца ныла. Народ потащился в замок — наспех помыться, — и затем гриффиндорцы поспешили на урок преображения.

Уроки профессора Макгонаголл всегда были трудны, но сегодня задача оказалась просто непосильной. Казалось, все знания, приобретённые Гарри в прошлом году, за лето выветрились из головы. Требовалось превратить жука в пуговицу, но тот лишь неплохо поразмялся, бегая по столу и уворачиваясь от палочки.

У Рона возникли проблемы куда серьёзнее. Его палочка, похоже, была безнадёжно испорчена. Хотя Рон и заклеил её, позаимствовав у кого-то чароленту, палочка то и дело трещала и искрила, а всякий раз, как Рон пытался превратить жука, окутывала его густым серым дымом, притом зловонным, как тухлые яйца. В дыму Рон нечаянно раздавил жука локтём, — пришлось просить нового, что профессора Макгонаголл, естественно, не обрадовало.

Услышав колокол с урока, Гарри вздохнул с облегчением. Он чувствовал себя выжатым, как лимон. Все уже покинули класс, кроме него и Рона, — тот с остервенением дубасил по столу палочкой.

— Дурацкая…никчемная… штуковина…

— Напиши домой, попроси другую, — посоветовал Гарри; палочка, словно фейерверк, выдала залп оглушительных хлопков.

— Ага, конечно, и получу ещё одного Ревуна, — фыркнул Рон, засовывая шипящую палочку в ранец. — *«Сам виноват, что палочка сломалась»*…

Они спустились на обед, и Рон не особенно повеселел, когда Гермиона продемонстрировала им пригоршню замечательных пуговиц для пальто, получившихся у неё на преображении.

— Что у нас там дальше? — поспешно сменил тему Гарри.

— Защита от тёмных искусств, — моментально отозвалась Гермиона.

— А *зачем,* — осведомился Рон, хватая её расписание, — ты пометила все уроки Локарта сердечками?

Гермиона, густо покраснев, вырвала у него листок.

После обеда они вышли на улицу, во внутренний двор. Было всё так же пасмурно. Гермиона, устроившись на каменной ступени, уткнулась в «*Вечера с Вампирами*». Они с Роном заговорили о квиддиче, но вскоре Гарри почувствовал,

что за ним пристально наблюдают. Он поднял голову, — перед ним стоял маленький мальчик с мышиного цвета волосами, — тот самый, что первым надевал вчера Сортировочную Шляпу. Он как завороженный таращился на Гарри. В руках мальчик сжимал обыкновенный маггловый фотоаппарат; едва Гарри взглянул на него, он залился краской.

— Как жизнь, Гарри? Я… я Колин Криви, — на одном дыхании пролепетал он, неуверенно шагнув вперёд. — Я тоже в Гриффиндоре. Слушай… ничего, если… если я сделаю снимок? — спросил он, с надеждой приподнимая камеру.

— Снимок? — глупо переспросил Гарри.

— Так я смогу доказать, что знаком с тобой, — с энтузиазмом пояснил Колин, подбираясь ближе. — Я всё о тебе знаю, мне кто только не рассказывал: как Сам-Знаешь-Кто пытался убить тебя, а ты выжил, как он исчез, как у тебя появился шрам в виде молнии, — взгляд его задержался на лбу Гарри, — а мальчик-однокурсник сказал, что, если проявить плёнку в специальном растворе, люди на фотографиях будут *двигаться.*

Колин судорожно вздохнул от избытка чувств и продолжил:

— Здесь просто *потрясно,* да? Я раньше, до

письма из Хогвартса, и не знал, что все эти странности со мной на самом деле — магия. Мой папа — молочник, он тоже поверить не мог. Поэтому я всё тут снимаю, чтобы потом отослать ему фотографии. Так здорово, если у меня будет твоя, — он умоляюще взглянул на Гарри, — может, твой друг снимет нас вдвоём? А ты потом подпишешь, хорошо?

— *Подпишешь?* Ты у нас *фотографии подписываешь,* Поттер?

Громкий и язвительный голос Малфоя эхом разнёсся по двору. Драко стоял прямо за спиной Колина, — как и всегда в Хогвартсе, в компании двух бандитского вида дружков: Крэбба и Гойла.

— Занимайте очередь! — надрывался Малфой. — Гарри Поттер раздаёт автографы!

— Ничего подобного, — отрезал Гарри, сжав кулаки. — Заткнись, Малфой.

— Ты просто завидуешь, — встрял Колин, чьё туловище было не толще шеи Крэбба.

— *Завидую*? — хмыкнул Малфой; он уже не кричал, его и так слушало полдвора. — С чего бы это? Мне поганый шрам поперёк башки без надобности, спасибо. Не думаю, что, если тебе вскрыли череп, ты становишься таким особенным.

Крэбб и Гойл по-идиотски хихикали.

— Чтоб тебе слизняками подавиться, Малфой! — гневно оборвал его Рон. Крэбб умолк и принялся угрожающе потирать здоровенные костяшки пальцев. — Повежливее, Уисли, — усмехнулся Малфой. — Веди себя хорошо, не то приедет мамочка и заберёт тебя из школы, — он заговорил пронзительным, писклявым голосом, — «*попробуй только выкинуть ещё что-нибудь*»…

Группа слизеринцев-пятикурсников неподалёку разразилась хохотом.

— И Уисли не забудь выдать автограф, Поттер, — осклабился Малфой. — Он будет стоить дороже, чем весь их домишко…

Рон выхватил замотанную чаролентой палочку, но Гермиона, захлопнув «*Вечера с Вампирами*», прошептала:

— Осторожно!

— Что здесь за шум, что за шум? — к ним приближался Гилдерой Локарт; бирюзовая мантия развевалась на ветру. — Кто тут подписывает фотографии?

Гарри открыл было рот, но Локарт мгновенно обхватил его за плечи и жизнерадостно загремел:

— Можно было и не спрашивать! Мы вновь встретились, Гарри!

Пригвождённый к боку Локарта, сгорая от стыда, Гарри смотрел, как Малфой, с ухмылкой, вновь скрывается в толпе.

— Ну же, мистер Криви, — подбодрил Локарт Колина, лучезарно улыбаясь. — Двойной портрет, лучше и не придумаешь, — и мы *оба* его подпишем.

Колин, немного повозившись, щёлкнул камерой; в это время зазвонил колокол, оповещая всех о начале послеобеденных занятий.

— Давайте, не задерживайтесь, — распорядился Локарт и сам зашагал к замку, всё ещё прижимая к себе Гарри, — тот горько жалел, что не знает хорошего заклинания Исчезновения.

— Умный поймёт с полуслова, — покровительственно изрёк Локарт; они вошли в боковую дверь замка. — Я прикрыл тебя в той сцене с юным Криви, — раз он снимал нас двоих, твои друзья не подумают, что ты слишком уж задаёшься…

Не слушая Гарри, мямлившего что-то в свое оправдание, Локарт буквально потащил его по коридору мимо пялящихся на них учеников, и затем — вверх по лестнице.

— Позволь мне лишь предупредить: раздавать фотографии с автографом на данном этапе карье-

ры — крайне неразумно, — если честно, Гарри, это выглядит несколько заносчиво. Вполне возможно, что придёт время, когда тебе, как и мне, потребуется всегда иметь при себе пачку таких фотографий, но, — он хохотнул, — не думаю, что сейчас это имеет смысл.

Они добрались до нужного класса, и Локарт наконец отпустил Гарри. Тот расправил мантию и, усевшись в самом конце класса, устроил на парте баррикаду из всех семи книг Локарта, дабы не видеть самого автора.

Вошли, громко переговариваясь, остальные ребята; Рон с Гермионой сели рядом с Гарри.

— На твоей физиономии хоть яичницу жарь, — сообщил Рон. — Молись, чтоб Колин не познакомился с Джинни, — ещё организуют фан-клуб Гарри Поттера.

— Тихо ты, — огрызнулся Гарри. Не хватало только, чтобы Локарт услышал фразу «фан-клуб Гарри Поттера».

Когда все расселись по местам, Локарт громко прокашлялся, призывая к молчанию. Он взял с парты Невилла Лонботтома его экземпляр «*Турне с Троллями*» и продемонстрировал им подмигивающий портрет на обложке.

— Это я, — объявил он, указав на изображение

и точно так же подмигнув. — Гилдерой Локарт: кавалер ордена Мерлина третьей степени; почётный член Лиги Защиты от Тёмных Искусств; пятикратный победитель конкурса «*Ведьминского Еженедельника*» на самую обаятельную улыбку, — но не будем об этом. В конце концов, я одолел банши из Бандонаотнюдь не *улыбкой*!

Он умолк в ожидании смеха; кое-кто вяло усмехнулся.

— Я вижу, вы все приобрели полное собрание моих сочинений, — очень хорошо. Наверное, сегодня мы начнём с небольшой контрольной. Не волнуйтесь, — просто проверим, насколько внимательно вы читали мои труды, много ли усвоили…

Раздав листы с вопросами теста, он вернулся к своему столу и провозгласил:

— У вас полчаса, — *приступайте*!

Гарри обратился к тесту и начал читать:

1. Каков любимый цвет Гилдероя Локарта?

2. Какова тайная мечта Гилдероя Локарта?

3. Каково, на ваш взгляд, величайшее достижение Гилдероя Локарта на сего-

дняшний день?

И так далее, и тому подобное, вплоть до:

54. Когда день рождения Гилдероя Локарта, и что стало бы для него идеальным подарком?

Спустя полчаса Локарт собрал работы и наспех пролистал их.

— Ай-яй-яй, — почти никто не вспомнил, что мой любимый цвет — сиреневый. Я говорю об этом в книге «*Йога с Йети*». А кое-кому не мешало бы повнимательнее перечесть «*Отдых с Оборотнями*», — в двенадцатой главе я чёрным по белому пишу, что лучший подарок для меня — мирные отношения между магическим и немагическим сообществами, — хотя, я бы не отказался и от бутылочки выдержанного Огневиски Огдена!

Он в очередной раз заговорщицки подмигнул. Рон недоверчиво уставился на Локарта; Шеймас Финниган и Дин Томас на первом ряду тряслись от беззвучного хохота. Гермиона, однако, слушала с почтительным вниманием и вздрогнула, когда Локарт упомянул о ней.

— …а вот мисс Гермиона Грейнджер знает,

что моя тайная мечта — избавить мир от зла и вывести на мировой рынок собственную линию средств по уходу за волосами, — умница! На самом деле, — он перевернул страницу, — она на все вопросы ответила, — где мисс Гермиона Грейнджер?

Гермиона подняла дрожащую руку.

— Отлично! — просиял Локарт — Просто отлично! Десять баллов Гриффиндору! Ну что ж, а теперь — к делу…

Он извлёк из-под стола большую, завешенную тканью клетку и водрузил её на стол.

— Итак, — предупреждаю! Моя задача — познакомить вас с ужаснейшими созданиями, известными магомиру! Возможно, в этом классе вы встретитесь с худшими своими страхами. Но знайте: пока я рядом, злу не коснуться вас. Всё, о чём я прошу — сохраняйте спокойствие.

Гарри невольно высунулся из-за книжной стопки. Локарт положил ладонь на клетку. Дин и Шеймас больше не смеялись. Невилл, сидевший в первом ряду, съёжился.

— И не кричите, — тихим голосом попросил Локарт. — Это их спровоцирует.

Все без исключения затаили дыхание; Локарт сорвал с клетки ткань.

— Да, — драматически произнёс он. — *Свежепойманные корнуэльские пикси.*

Шеймас не сдержался. Он так прыснул, что даже Локарт не мог принять его фырканье за вопль ужаса.

— Что такое? — улыбнулся он Шеймасу.

— Но они ведь… они ведь… не так уж *опасны*, — выдавил Шеймас.

— Я бы не сказал! — возразил Локарт, раздражённо грозя Шеймасу пальцем. — Проделки этих негодниц могут быть чертовски неприятны!

Пикси были цвета электрик, ростом примерно по восемь дюймов, с острыми чертами лица и визгливыми голосками; когда они начинали говорить, казалось, будто это множество волнистых попугайчиков громко препираются друг с другом. Едва с клетки сняли покрывало, пикси зашумели и заметались из стороны в сторону, дёргая прутья решётки и корча окружающим рожи.

— Что ж, прекрасно, — громко подытожил Локарт. — Посмотрим, как вы с ними справитесь! — и он открыл клетку.

Началось бог знает что. Пикси, словно ракеты, рванулись в разные стороны. Две ухватили Невилла за уши и подняли в воздух. Ещё несколько стремительно рванули в окно, — на задние ряды

посыпались осколки. Остальные пикси между тем громили класс не хуже бешеного носорога. Они поливали всё вокруг из чернильниц; рвали книги и тетради; срывали со стен картины; выпотрошили мусорную корзину; таскали рюкзаки и учебники, вышвыривая их за разбитое окно. Вскоре половина класса спряталась под столами; Невилл, уцепившись за железную люстру, раскачивался под потолком.

— Ну же, — загоняйте их в клетку, загоняйте, это всего лишь пикси, — голосил Локарт.

Он закатал рукава и, размахивая палочкой, выкрикнул:

— *Merzkapiksianuotvali!*

Не произошло ровным счётом ничего; очередная пикси, вырвав у него палочку, отправила в окно и её. Локарт, сглотнув, нырнул под собственный стол, — и как раз вовремя: люстра наконец отвалилась, и Невилл рухнул туда, где только что стоял учитель.

Зазвонил колокол, и все ринулись к выходу. Наступила относительная тишина; Локарт выпрямился и, заметив Гарри, Рона и Гермиону, — те были уже у самой двери, — быстро проговорил:

— Попрошу, пожалуй, вас троих загнать оставшихся пикси обратно.

Он пронёсся мимо и захлопнул за собой дверь.

— Нет, *видали* колдуна? — взревел Рон; другая пикси больно укусила его за ухо.

— Он просто решил дать нам возможность попрактиковаться, — возразила Гермиона, обездвижив чарами Заморозки двух пикси сразу и засунув их в клетку.

— *Попрактиковаться?* — поразился Гарри, пытаясь схватить ещё одну, — та плясала перед ним, высунув язык. — Гермиона, да он сам не знал, что с ними делать…

— Глупости, — отмахнулась Гермиона. — Ты же читал его книги, — вспомни, какие подвиги он совершил…

— *Говорит*, что совершил, — пробурчал Рон.

Глава седьмая
ГРЯЗНОКРОВКИ И ТИХИЙ ШЁПОТ

Следующие несколько дней Гарри провёл, старательно избегая встречи с Гилдероем Локартом, — приходилось прятаться всякий раз, когда тот оказывался поблизости. Труднее было скрыться от Колина Криви, — первокурсник, похоже, выучил расписание Гарри наизусть. Колин приходил в неописуемый восторг, по шесть-семь раз на дню спрашивая: «Как жизнь, Гарри?» и слыша в ответ: «Нормально, Колин», каким бы раздраженным тоном это не было сказано.

Хедвиг всё ещё сердилась на Гарри из-за полёта на злосчастном фордике; палочка Рона по-прежнему барахлила, а утром в пятницу и вовсе превзошла себя: на уроке чар она, выскочив из рук Рона, ударила крошечного пожилого профессора Флитвика точно промеж глаз, — на лбу у учителя мгновенно вскочил огромный, пульсирующий зелёный волдырь. Словом, наступившим выходным Гарри был несказанно рад. Они с Роном и Гермионой собирались в субботу навестить Хагрида. Гарри в тот день, однако,

пришлось подняться гораздо раньше, чем хотелось бы, — его разбудил Оливер Прут, капитан гриффиндорской квиддичной команды.

— Вчмдело? — невнятно пробубнил Гарри.

— Тренировка! — возвестил Прут. — Вставай!

Гарри кое-как сфокусировал взгляд на окне. Золотисто-розовое небо было подёрнуто нежной туманной дымкой. Окончательно проснувшись, он удивился, как вообще можно было спать под безостановочный птичий гам.

— Оливер, — прохрипел Гарри. — Ещё даже не рассвело.

— Точно, — кивнул Прут. Этот шестикурсник был высок, хорошо сложен, его глаза горели бешеным энтузиазмом. — Это часть нашей новой тренировочной стратегии. Давай-ка бери метлу и пошли, — энергично подгонял Гарри Прут. — Ни одна команда ещё не начала тренироваться; в этом году мы будем первыми…

Зевая и поёживаясь, Гарри выполз из постели и огляделся в поисках алой квиддичной мантии.

— Молодец, — одобрил Прут. — Встречаемся на поле через пятнадцать минут.

Разыскав спортивную форму и натянув плащ, чтобы согреться, Гарри нацарапал Рону записку и спустился в гостиную, неся на плече «Ним-

бус-2000». Но не успел он дойти до портретного проёма, как за спиной у него раздался топот, — по винтовой лестнице нёсся Колин Криви, сжимая что-то в руке, — фотоаппарат болтался из стороны в сторону у него на шее.

— Я услышал, как кто-то назвал тебя по имени, Гарри! Смотри, что тут у меня! Я её проявил, хотел тебе показать…

Гарри непонимающе уставился на фотографию, которой Колин размахивал у него перед носом.

Чёрно-белый Локарт тянул кого-то за руку, в которой Гарри узнал свою. Он был рад, что его изображение столь упорно борется за право не показываться в кадре. Пока Гарри смотрел на снимок, Локарт сдался и, тяжело дыша, прислонился к белой кромке фотографии.

— Подпишешь? — возбуждённо спросил Колин.

— Нет, — твёрдо отказал Гарри, озираясь по сторонам, — по счастью, гостиная была совершенно пуста. — Прости, Колин, я тороплюсь, — тренировка…

Он выбрался из гостиной через портретный проём.

— Ух ты! Подожди меня! Никогда не видел, как играют в квиддич!

Колин выбрался вслед за ним.

— Ничего интересного, — быстро заверил Гарри, но Колин уже не слушал, — его лицо светилось энтузиазмом.

— Ты ведь самый молодой игрок в колледже за сто лет, правда, Гарри? Правда же? — приставал Колин, семеня рядом. — Ты, наверное, здорово играешь. А я вот никогда не летал. Это трудно? А это твоя собственная метла? Самая лучшая?

Гарри не знал, куда от него деться. Казалось, у него вдруг появилась сверхразговорчивая тень.

— Я не совсем понимаю квиддич, — едва переводя дыхание, частил Колин. — Это правда, что играют четырьмя мячами? И два из них летают сами по себе и сбивают всех с мётел?

— Да, — обречённо подтвердил Гарри, хотя он вовсе не горел желанием объяснять сложные квиддичные правила. — Это бладжеры. В каждой команде есть двое загонщиков, — у них специальные биты, чтобы защищать от бладжеров своих игроков. У Гриффиндора это Фред и Джордж Уисли.

— А зачем остальные мячи? — не унимался Колин, по-прежнему глазея на Гарри с раскрытым ртом, и пропуская пару лестничных ступенек.

— Ну, квоффлом — он самый большой, красный

— забивают голы. Трое гончих от каждой команды пасуют его друг другу и стараются забросить в одно из трёх колец. Кольца прикреплены к длинным шестам, — они стоят в обоих концах поля.

— А четвёртый мяч…

— …золотой снич, — продолжал Гарри, — маленький и быстрый, и поймать его очень сложно. Но это и есть задача следопыта: пока снич не поймают, матч не заканчивается. Команда следопыта, поймавшего снич, получает дополнительные сто пятьдесят очков.

— А у Гриффиндора следопыт — это *ты*? — благоговейно уточнил Колин.

— Да, — устало отозвался Гарри; они уже вышли из замка и зашагали по влажному от росы газону. — И ещё есть вратарь. Он защищает кольца. Вот, в общем-то, и всё.

Но Колин продолжал засыпать Гарри вопросами; они по тропинке спустились к стадиону, и возле раздевалок Гарри, наконец, удалось избавиться от навязчивого преследователя; Колин пропищал ему вдогонку: «Пойду займу место, Гарри!» и помчался к трибунам.

Вся гриффиндорская команда уже собралась в раздевалке. Однако никто, кроме Прута, так и не проснулся до конца. Близнецы Уисли, непри-

чёсанные, с опухшими глазами, сидели рядом с четверокурсницей, Алисией Спиннет, — та дремала, прислонившись к стене. Её подруги-гончие, Кэти Белл и Анджелина Джонсон, зевали, прижавшись друг к другу.

— Вот ты где, Гарри, — почему опаздываем? — попенял ему Прут. — Значит, так: пока мы не вышли на поле, мне нужно кое-что вам рассказать, — я всё лето разрабатывал новую систему тренировок и, уверен, она кардинальным образом изменит…

Прут держал большую карту квиддичного поля, испещрённую разноцветными линиями, стрелками и крестиками. Он, вынув палочку, постучал по карте, и стрелки, словно гусеницы, поползли по плану. Пока Прут распространялся насчёт новой тактики, Фред Уисли опустил голову на плечо Алисии и захрапел.

На первую схему ушло минут двадцать, но за ней последовала другая, а затем — третья. Гарри впал в ступор, а Прут всё вещал и вещал.

— Ну вот, — наконец-то подытожил Прут, и Гарри отвлёкся от своих фантазий: воображение как раз рисовало ему всё то, что он мог бы сейчас есть на завтрак. — Всё ясно? Вопросы?

— У меня вопрос, Оливер, — отозвался Джордж,

только что очнувшись. — Почему нельзя было рассказать всё это вчера, когда никто не хотел спать?

Прут был явно недоволен.

— Так, послушайте-ка все, — велел он, сердито глядя на всех. — В прошлом году мы просто обязаны были взять Квиддичный Кубок. У нас лучшая команда. Но, к сожалению, — в силу неподвластных нам обстоятельств…

Гарри виновато заёрзал на скамье. Во время финального матча он лежал без сознания в больничном крыле, — Гриффиндор лишился следопыта и потерпел самое сокрушительное поражение за триста лет.

Прут умолк на минуту, чтобы справиться с эмоциями. Похоже, их последняя неудача до сих пор угнетала его.

— Так что в этом году мы должны тренироваться усерднее, чем прежде… Ладно, пойдём воплотим теорию в жизнь! — крикнул Прут, хватая метлу и направляясь к выходу. За ним, всё ещё зевая и еле волоча ноги, поплелись остальные игроки.

Они так засиделись в раздевалке, что солнце уже стояло высоко над головой, хотя туман над травой до сих пор не рассеялся. Выйдя на поле,

Гарри заметил на трибунах Рона с Гермионой.

— Вы ещё не закончили? — поразился Рон.

— Даже не начинали, — проворчал Гарри, завистливо косясь на тосты с апельсиновым джемом, которые Рон с Гермионой принесли из Большого Зала. — Прут объяснял нам новую тактику.

Гарри оседлал метлу и, оттолкнувшись от земли, взмыл в небо. Прохладный ветерок хлестал его по лицу и бодрил куда больше, чем нудные речи Прута. Было очень приятно вновь оказаться на поле. Гарри стремительно описал над стадионом круг, вдогонку за близнецами.

— Что это щёлкает? — крикнул Фред на повороте.

Гарри окинул взглядом трибуны. На самом верхнем ряду сидел Колин, непрерывно фотографируя — щелканье камеры звучало до невозможного громко на пустынном стадионе.

— Гарри, смотри сюда! Сюда! — верещал он.

— Кто это? — удивился Фред.

— Без понятия, — соврал Гарри, набрав скорость, чтобы оказаться как можно дальше от Колина.

— Что тут творится? — нахмурился Прут, поравнявшись с ними. — Почему нас снимает

первокурсник? Мне это не нравится. Кто его знает, может, это слизеринский шпион, разнюхивает про нашу новую программу.

— Нет, он гриффиндорец, — поспешно успокоил его Гарри.

— И потом, Оливер, слизеринцам шпион не нужен, — прибавил Джордж.

— Это ещё почему? — сварливо поинтересовался Прут.

— Они сами уже здесь, — Джордж указал вниз.

По полю шагали несколько человек в зелёных мантиях и с мётлами в руках.

— Поверить не могу! — разъярённо прошипел Прут. — Я же зарезервировал поле на сегодня! Сейчас разберёмся!

Он стрелой пустился к земле, и, от злости неудачно приземлившись, покачнулся, слезая с метлы. Гарри, Фред и Джордж последовали за Оливером.

— Флинт! — завопил Прут, обращаясь к слизеринскому капитану. — Сейчас не ваше время! Мы что, зря поднялись в такую рань? Можете убираться!

Маркус Флинт был ещё крупнее Прута. С коварным, как у тролля, выражением лица он заявил:

— Нам здесь всем места хватит, Прут.

Подошли Анджелина, Алисия и Кэти. Слизеринцы, среди которых девушек не было, стояли плечом к плечу и как один кривили губы в ухмылке.

— Но я забронировал поле! — упорствовал Прут, чуть ли не брызжа слюной. — Я забронировал!

— Вот оно что, — хмыкнул Флинт. — А у меня особое разрешение от профессора Снейпа: *«Я, профессор С. Снейп, настоящим разрешаю команде Слизерина практиковаться сегодня на квиддичном поле в связи с необходимостью подготовить к игре нового следопыта».*

— У вас новый следопыт? — отвлёкся Прут. — Где?

И из-за спин шести рослых парней вышел седьмой мальчик поменьше, с широкой ухмылкой на бледном вытянутом лице. Это был Драко Малфой.

— Не ты ли сын Люциуса Малфоя? — осведомился Фред, неприязненно глядя на него.

— Забавно, что ты вспомнил об отце Драко, — заметил Флинт, а слизеринцы заулыбались ещё шире. — Он сделал нашей команде щедрый подарок.

Все семеро выставили перед собой мётлы. Семь новых, отполированных до блеска рукояток и

семь выведенных золотом надписей *«Нимбус-2001»* засверкали в лучах утреннего солнца.

— Новейшая модель. Поступили в продажу в прошлом месяце, — как бы между прочим обронил Флинт, смахнув пылинку со своей метлы. — Я так понимаю, они по многим показателям превосходят старую, «2000»-ную серию. А что до «Чистомётов», — он осклабился, взглянув на старые мётлы в руках Фреда и Джорджа, — ими и полы мести стыдно.

Никто не нашёлся, что ему ответить. Малфой расплылся в ухмылке, так что глаза его превратились в щелочки.

— Эй, смотрите-ка, — фыркнул Флинт. — Вторжение на поле.

К ним, решив выяснить, в чём дело, спешили Рон и Гермиона.

— Что происходит? — спросил Рон у Гарри. — Почему вы не играете? И что *он* тут делает? — он уставился на Малфоя, только сообразив, что тот в форме.

— Я новый следопыт Слизерина, Уисли, — самодовольно заявил Малфой. — А мы тут любуемся мётлами, которые мой отец подарил нашей команде.

Рон, приоткрыв рот, вытаращился на семь без-

упречных мётел.

— Хороши, а? — спокойно поинтересовался Малфой. — Но может, гриффиндорская сборная тоже соберёт деньжат и купит новые мётлы. Вон, выставите на аукцион свои «Чистомёты-5»; какой-нибудь музей наверняка купит.

Слизеринцы взвыли от смеха.

— Вот только ни одному гриффиндорцу не пришлось *покупать* место в сборной, — отчеканила Гермиона. — *Их* взяли за талант.

С физиономии Малфоя мигом исчезла наглая усмешка.

— А тебя никто не спрашивал, паршивая грязнокровка, — выпалил он.

Гарри мигом сообразил, что Малфой сказал какую-то грубость, — за его словами последовала крайне бурная реакция. Фред с Джорджем бросились на Малфоя с кулаками, и Флинту пришлось заслонить его собой; Алисия взвизгнула: *«Да как ты смеешь!»*; Рон, запустив руку в карман, выдернул палочку и с воплем: «А вот за это ты точно получишь!» разъяренно нацелил ее в лицо Малфою из-под руки Флинта.

По стадиону эхом прокатился оглушительный грохот; из противоположного конца палочки Рона вырвалась струя зелёного света, ударила его

в живот и отшвырнула назад.

— Рон! Рон! Ты цел? — завизжала Гермиона.

Рон открыл было рот, но сказать ничего не смог. Вместо этого он раскатисто рыгнул, — изо рта ему на колени вывалилось несколько слизней.

Слизеринцев парализовало от хохота. Флинт согнулся пополам, опираясь на рукоять метлы. Малфой рухнул на четвереньки, колотя кулаком по земле. Гриффиндорцы столпились вокруг Рона, — тот продолжал изрыгать крупных, блестящих слизней. Похоже, никому не хотелось дотрагиваться до него.

— Отведём его к Хагриду, это ближе всего, — обратился Гарри к Гермионе; та храбро кивнула, и они вдвоем подхватили Рона под локти.

— Что случилось, Гарри? Что случилось? Он заболел? Но ты же вылечишь его, да? — Колин тоже выбежал на поле и теперь прыгал вокруг, пока они уходили с поля. Рона снова скрутило в рвотном спазме, и на грудь вывалилась очередная порция слизней.

— Уууух, — восхищённо протянул Колин, поднимая камеру. — Можешь подержать его так, Гарри?

— Уйди с дороги, Колин! — разозлился Гарри. Они с Гермионой увели Рона со стадиона и пота-

щили к опушке леса.

— Уже близко, Рон, — выдохнула Гермиона, — в поле зрения показалась хижина Хагрида. — Скоро тебе станет легче… почти пришли…

До дома лесника оставалось не больше двадцати футов, как вдруг входная дверь распахнулась, — но вышел вовсе не Хагрид. На порог выступил Гилдерой Локарт, сегодня облачённый в нежнейшие розовато-лиловые тона.

— Сюда, быстро, — прошипел Гарри, оттаскивая Рона за ближайший куст. Гермиона с видимой неохотой юркнула следом.

— Это проще простого, если знать, что делать! — твердил Локарт, обращаясь к Хагриду. — Если понадобится помощь, ты знаешь, где меня искать! Непременно пришлю тебе свою книгу. Удивительно, что у тебя до сих пор ни одной нет, — сегодня же подпишу экземпляр и передам с кем-нибудь. Ну, до встречи!

И он направился к замку.

Гарри дождался, пока Локарт отойдёт на приличное расстояние, затем выволок Рона из-за куста, подвёл к хижине и настойчиво забарабанил в дверь.

Хагрид отпер сразу же, — вид у него был до крайности угрюмый, но, увидев гостей, лесник

просиял.

— А я-то всё думаю, когда ж они ко мне пожалуют, — заходьте, заходьте, — думал, эт профессор Локарт вернулся…

Гарри с Гермионой поддерживали Рона, чтобы тот не споткнулся о порог; они ввели его в единственную комнату хижины, — в одном углу стояла исполинская кровать, в другом — камин, где весело полыхал огонь. Усадив Рона в кресло, Гарри быстро растолковал суть дела. Особого впечатления на Хагрида это не произвело.

— Уж пусть лучше выходят наружу, — оптимистично заметил он, поставив перед ним большой медный таз. — Не стесняйся, Рон.

— Наверное, придётся просто ждать, когда это кончится, — встревоженно проговорила Гермиона, наблюдая, как Рон склоняется над тазом. — Это в лучшем случае сложное проклятие, а уж со сломанной палочкой…

Хагрид суетливо заваривал чай. Волкодав Клык тем временем мусолил мантию Гарри.

— А чего от тебя Локарт хотел? — спросил Гарри, почёсывая Клыка за ушами.

— Учил, как кельпи из колодца вывести, — проворчал Хагрид, убрав с исцарапанного стола полуощипанного петуха и водрузив вместо него

чайник. — А то я без него не знаю. Да всё болтал, как откуда-то там изгонял банши. Ежели в той трепотне было хоть слово правды, я съем свой чайник.

Казалось невероятным, что Хагрид критикует хогвартского преподавателя, — Гарри удивлённо поглядел на него, но промолчал. Гермиона, однако, возразила, чуть повысив голос:

— Мне кажется, ты не совсем справедлив. Профессор Дамблдор наверняка посчитал его лучшим претендентом на должность…

— Скорей уж, *единс'ным* претендентом, — поправил Хагрид, протянув им блюдце с ирисками из патоки; Рон с хлюпаньем кашлял над тазом. — Именно, что *единс'ным*. Ищи свищи сейчас преподавателей по защите. Никто, вишь ты, за эту работу браться не хочет. Начинают думать, будто она проклята. Никто дольше года не продержался. Расскажите-ка лучше, — прибавил Хагрид, кивнув на Рона, — когой-то он пытался заколдовать?

— Малфоя, он обозвал Гермиону… ну, это явно было что-то неприятное, — все просто взбесились.

— Неприятное — *слабо* сказано, — просипел бледный, потный Рон, показавшись над

столом. — Малфой обозвал её грязнокровкой, Хагрид…

Рон снова скрылся под столом, — в таз сплошным потоком хлынули слизняки. Хагрид рассвирепел.

— Быть не может! — взревел он, обернувшись к Гермионе.

— Может, — подтвердила она. — Не знаю, правда, что это значит это слово. Ясно, что это что-то обидное, но…

— Это самое оскорбительное, что он только мог придумать, — выдохнул Рон, снова выпрямившись. — Грязнокровка — это мерзкое прозвище для магглорождённого, — ну, у кого родители — магглы. Некоторые колдуны, — вроде Малфоев, — считают себя выше других, потому что они, что называется, чистокровные. — Он, слабо рыгнув, выплюнул в ладонь очередного слизняка. Бросив его в таз, он продолжил. — Я хочу сказать, все остальные понимают, что нет вообще никакой разницы. Ты на Невилла посмотри, — чистокровный, а до сих пор котёл ровно поставить не может.

— И не изобрели ишо такого заклинания, чтоб было не под силу нашей Гермионе, — гордо провозгласил Хагрид, — Гермиона смущённо

зарделась.

— Это гадко — так оскорблять людей, — пробурчал Рон, трясущейся рукой утирая пот со лба. — «Грязная кровь», видите ли. Глупо. Да по-любому, сейчас большинство колдунов — полукровки. Мы бы вымерли, если бы из принципа не вступали в браки с магглами.

На него опять накатило и он нырнул обратно под стол.

— Ну, я тя не виню, Рон, так ему и надо, — громко отозвался Хагрид, перекрывая шум: по дну таза застучали слизни. — Но, мож, и хорошо, что палочка не так сработала. Того и гляди, Люциус Малфой сюда б заявился, ежели б его сынка прокляли. Потом проблем не оберёшься.

Гарри хотел было возразить, что сыплющиеся изо рта слизни — проблема много серьёзней, но не смог: ириска намертво склеила челюсти.

— Гарри, — вдруг сказал Хагрид, словно только что вспомнил о чём-то. — Я тут чуть на тебя не обиделся. Ты, слыхал, фотографии с автографом раздаёшь. А мне-то не подписал?

От злости Гарри удалось-таки разлепить зубы.

— *Ничего* я не раздаю, — с жаром запротестовал он. — А если Локарт будет и дальше…

Но тут он заметил, что Хагрид смеётся.

— Я ж шучу, — пояснил он, добродушно хлопнув Гарри по спине и припечатав лицом к столу. — Знаю, что не раздаёшь. Я Локарту и сказал, что те это незачем. Ты и так в сто раз его известней.

— Вряд ли ему это понравилось, — хмыкнул Гарри, выпрямляясь и потирая подбородок.

— Эт точно, — подтвердил Хагрид, довольно блеснув глазами. — А потом как брякну, что вообще книг его не читал, дак он и потопал восвояси. Ириску, Рон? — предложил он, — тот только что вылез из-под стола.

— Нет, спасибо, — слабо ответил Рон. — Лучше не рисковать.

— Пошли, покажу, чего у меня растёт, — позвал Хагрид, когда Гарри и Гермиона допили чай.

На небольшой овощной грядке за домом Хагрида красовалась дюжина тыкв, крупнее которых Гарри в жизни не видел. Каждая была размером с огромный валун.

— Неплохо, а? — радостно заметил Хагрид. — Для Хеллоуина… тогда уж наверно будут что надо.

— Чем ты их подкармливаешь? — поразился Гарри.

Хагрид оглянулся через плечо — убедиться, что они одни.

— Ну, я им… так сказать… помог немножко…

У задней стены хижины Гарри заметил цветастый розовый зонт Хагрида. У Гарри давно были основания считать, что этот зонтик был далеко не так прост, как казалось; вообще-то, он сильно подозревал, что внутри была спрятана старая школьная палочка Хагрида. Леснику нельзя было колдовать. На третьем году его исключили из Хогвартса, но Гарри так и не удалось выяснить, за что, — стоило только заговорить об этом, как Хагрид принимался громко кашлять и загадочным образом глох, пока он не менял тему.

— Кажется, Чары Раздувания? — предположила Гермиона, явно разрываясь между неодобрением и восхищением. — Ну, ты неплохо над ними потрудился.

— Твоя сестрёнка то ж самое сказала, — Хагрид кивнул Рону. — Давеча её повстречал, — Хагрид покосился на Гарри, причём борода его шевельнулась. — Говорит, мол, видом любуюсь, — ну а мне сдаётся, она кой-кого тут у меня искала, — он подмигнул Гарри. — И я те скажу, *она* б не отказалась от автог…

— Прекрати! — вознегодовал Гарри. Рон прыснул, и на грядку посыпались слизняки.

— Осторожней! — рыкнул Хагрид, оттаскивая

Рона подальше от своих драгоценных тыкв.

Подошло время обеда, а у Гарри с самого утра во рту не было ничего, кроме паточной ириски, так что ему не терпелось вернуться в школу, чтобы поесть. Попрощавшись с Хагридом, они отправились в замок; Рон периодически икал, но выдал всего двух крошечных слизняков.

Едва они вошли в прохладный Вестибюль, раздался голос:

— Вот вы где, Поттер, — Уисли, — к ним с грозным видом приближалась профессор Макгонаголл. — Ваши наказания назначены на сегодняшний вечер.

— А что мы должны делать, профессор? — спросил Рон, с трудом сдерживая отрыжку.

— *Вы* будете полировать серебро в трофейном зале вместе с мистером Филчем, — сообщила та. — И никакой магии, Уисли, — руками.

Рон сглотнул. Смотрителя Аргуса Филча ненавидели все ученики до единого.

— А вы, Поттер, поможете профессору Локарту отвечать на письма поклонников, — продолжала профессор.

— Какой кош… профессор, нельзя ли и мне в трофейный зал? — взмолился Гарри.

— Разумеется, нет, — отрезала профессор Мак-

гонаголл, приподняв брови. — Профессор Локарт просил к себе лично вас. Ровно в восемь часов, оба.

Гарри и Рон в глубочайшем унынии поплелись в Большой Зал; Гермиона шла позади, и выражение её лица гласило: «*нечего-нарушать-школьные-правила*». Даже пастушья запеканка в этот раз показалась Гарри не такой вкусной. Каждый из них считал, что его наказание хуже.

— Филч продержит меня там всю ночь, — сетовал Рон. — Ещё и без колдовства! Да в этом зале кубков, наверное, сотня. Я же ничего не соображаю в маггловой уборке.

— Поменяюсь с радостью, — глухо отозвался Гарри. — Напрактиковался у Дёрсли. Отвечать фанаткам Локарта… это же ужас какой-то…

Субботний вечер пролетел как миг; не успели они оглянуться, а было уже без пяти восемь, и Гарри брёл по коридору второго этажа. Добравшись до кабинета Локарта, он стиснул зубы и постучал.

Дверь мигом распахнулась. Локарт так и сиял.

— А-а, вот и наш проказник! — констатировал он. — Входи, Гарри, входи…

На стенах, освещенные свечами, висели бесчисленные фотографии в рамочках с изображениями

Локарта. Некоторые вдобавок были подписаны. На письменном столе громоздилась ещё одна стопка.

— Будешь писать адреса! — объявил Локарт, словно оказав Гарри великую честь. — Сперва — Глэдис Гаджен, храни её господь… преданнейшая моя поклонница…

Минуты еле ползли. Гарри старался пропускать поучения Локарта мимо ушей, время от времени изрекая: «м-м-м», «да-да» и «угу». То и дело до него всё же доносились фразы вроде: «Слава — неверная подруга, Гарри» и «Знаменитость складывается из знаменитых дел, помни об этом».

Свечи неуклонно таяли, отбрасывая пляшущие блики на бесконечных Локартов, следивших за Гарри. Тот, занеся ноющую руку над тысячным, как ему казалось, конвертом, принялся выводить адрес Вероники Сметли. *Скоро можно будет уходить,* горестно думал Гарри, *хоть бы уже скоро…*

И тут послышалось нечто, совершенно непохожее на треск догорающих свечей и разглагольствования Локарта по поводу его фанатов.

Это был голос: голос, пронизывающий до костей, голос, полный всепоглощающей, ледяной злобы.

— *Иди… иди сюда… дай мне разорвать тебя… растерзать… убить…*

Гарри дёрнулся, и улица Вероники Сметли скрылась под чернильной кляксой.

— *Что?* — выпалил он.

— Да-да! — закивал Локарт. — Целых шесть месяцев на вершине списка бестселлеров! Побила все рекорды!

— Да нет же, — лихорадочно перебил его Гарри. — Голос!

— Прости? — озадаченно переспросил Локарт. — Какой голос?

— Да только что, он ещё сказал… вы не слышали?

Локарт смотрел на Гарри с большим изумлением.

— *О чём* ты, Гарри? Думаю, ты просто задремал. И, Превеликий Скотти, — ты на время погляди! Мы здесь уже почти четыре часа! Вот уж не подумал бы, — поразительно, как время пролетело, ты не находишь?

Гарри промолчал. Он напрягал слух в надежде снова услышать тот голос, но сейчас говорил один Локарт, твердивший, что вряд ли ему ещё когда-нибудь выпадет такое удовольствие вместо наказания. Ошеломлённый, Гарри ушёл.

Было так поздно, что гриффиндорская гостиная почти опустела. Гарри сразу поднялся в спальню, — Рон ещё не вернулся. Гарри, натянув пижаму, улёгся в постель и стал ждать. Полчаса спустя появился и Рон, поддерживая правую руку левой; в спальне ощутимо запахло полиролью.

— Все мышцы свело, — простонал он, повалившись на кровать. — Он заставил меня перечищать Квиддичный Кубок четырнадцать раз. А потом меня снова вырвало слизняками, прямо на Особую Награду за Заслуги перед Школой. Пока всю эту дрянь оттирал… А что Локарт?

Понизив голос, чтобы не разбудить Невилла, Дина и Шеймаса, Гарри пересказал Рону в точности то, что слышал.

— А Локарт сказал, что ничего не слышит? — уточнил Рон. В лунном свете было видно, как он хмурится. — По-твоему, он соврал? Но, погоди, — даже кто-то невидимый всё равно должен был открыть дверь.

— Сам знаю, — согласился Гарри, переворачиваясь на спину и разглядывая полог над головой. — Вот и я не могу понять.

Глава восьмая
СМЕРТЕНИНЫ

Октябрь принёс с собой холодную промозглую сырость, расползшуюся вскоре по всему замку и окрестностям. Мадам Помфри, знахарка, неустанно хлопотала над подцепившими простуду учениками и профессорами. Её «Переперчённое Питьё» действовало моментально, — правда, у выпившего его несколько часов валил пар из ушей. Джинни Уисли, в последнее время бледную и осунувшуюся, Перси буквально заставил принять это снадобье. Глядя, как из-под её пламенно-рыжих волос струится пар, казалось, будто в голове у Джинни пожар.

По окнам замка безостановочно барабанили капли величиной с пулю; озеро вышло из берегов, клумбы превратились в грязевые потоки, а тыквы Хагрида раздулись до размеров садовых сарайчиков. Ничто, однако, не могло охладить энтузиазм. Оливера Прута, — тренировки по квиддичу продолжались. Вот почему одним особенно ненастным субботним днём, незадолго до Хеллоуина, Гарри возвращался в

гриффиндорскую башню вымокший до нитки и забрызганный грязью.

Тренировка прошла невесело, причём не только из-за дождя и штормового ветра. Фред с Джорджем, — они шпионили за слизеринской командой, — лично видели новые «Нимбусы-2001» в действии. По словам близнецов, над полем носились не слизеринцы, а как минимум зелёные кометы.

Шлёпая ногами по пустому коридору, Гарри заметил, что подавлен не он один. Почти Безголовый Ник, призрак гриффиндорской башни, угрюмо глядел в окно, вполголоса бормоча:

— …не удовлетворяю их требованиям… какие-то полдюйма, раз уж на то пошло…

— Привет, Ник, — окликнул его Гарри.

— Здравствуй, здравствуй, — Почти Безголовый Ник, вздрогнув от неожиданности, обернулся. Из-под элегантной шляпы с перьями спускались длинные локоны; пышный ворот камзола скрывал его шею, которая была почти полностью перерублена. Сквозь бледного просвечивающего признака, Гарри видел темное небо и бушующий ливень.

— У тебя расстроенный вид, юный Поттер, — отметил Ник, сворачивая прозрачное послание и

убирая в карман.

— У тебя тоже, — отозвался Гарри.

— А-а, — Почти Безголовый Ник грациозно махнул рукой, — ничего важного… Не то чтобы мне и впрямь так уж хотелось вступить… Решил, просто подам заявку, но, как выяснилось, я «не удовлетворяю их требованиям».

Несмотря на беспечный тон, на лице его ясно читалась горечь.

— Но ведь, согласись, — не выдержал он, снова выхватив письмо из кармана, — сорока пяти ударов по шее тупым топором довольно для претензии на членство в Безголовом Братстве?

— Д-да, конечно, — признал Гарри, чувствуя, что это от него и требуется.

— В смысле, мне самому в первую очередь хотелось бы, чтобы всё прошло гладко, — отделись голова как положено, я избежал бы колоссальных мучений и не оказался бы теперь в столь нелепой ситуации. Однако же… — Почти Безголовый Ник, встряхнув письмо, негодующим тоном прочёл:

«Мы принимаем в Братство лишь тех, чьи головы окончательно отделились от тела. Вы, вероятно, и сами сочтёте невозможным в противном случае принимать участие в таких мероприятиях, как жонглирование головами

на конях или головное поло. Таким образом, я с великим сожалением информирую Вас о том, что Вы не удовлетворяете нашим требованиям. С наилучшими пожеланиями, сэр Патрик Олани-Подмор».

Донельзя возмущённый, Ник запихал письмо обратно.

— Моя шея, Гарри, держится на полудюйме кожи и жил! Казалось бы, голова очень даже отрублена, но нет же, нет, сэру Правильно-Обезглавленному-Подмору этого недостаточно.

Почти Безголовый Ник несколько раз глубоко вздохнул и затем продолжил уже гораздо спокойнее:

— Ну ладно — а что тебя тревожит? Могу я чем-то помочь?

— Вряд ли, — усомнился Гарри. — Разве что ты знаешь, где нам достать семь бесплатных «Нимбусов-2001» на матч со Сли…

Но конец фразы заглушило пронзительное мяуканье. Опустив голову, Гарри встретился взглядом с парой жёлтых, горящих, как фонари, глаз. Это была миссис Норрис, — тощая, как скелет, серая кошка, — а также полномочный заместитель смотрителя, Аргуса Филча, в его нескончаемой войне с учениками.

— Ты бы шёл поскорее, Гарри, — поспешно посоветовал Ник. — Филч сегодня не в духе, — у него и так простуда, а какие-то третьекурсники вдобавок нечаянно заляпали лягушачьими мозгами весь потолок в пятом подземелье. Он целое утро всё это отчищал, — если увидит, как с тебя капает грязь…

— Точно, — согласился Гарри, попятившись под осуждающим взглядом миссис Норрис, — но недостаточно быстро. Будто притянутый сюда таинственной силой, связывающей смотрителя и его мерзкую кошку, Аргус Филч внезапно материализовался из-за гобелена справа от Гарри, тяжело дыша и с диким видом озираясь вокруг в поисках нарушителя. Голову смотритель обвязал толстым клетчатым шарфом, а нос его был непрывычно лилового оттенка.

— Грязь!! — возопил он; его щеки затряслись, он выпучил глаза, тыча пальцем в грязную лужу, натёкшую с квиддичной формы Гарри. — Бардак и грязь куда ни глянь! С меня довольно, говорю вам! За мной, Поттер!!

Гарри мрачно помахал Нику и потопал за Филчем вниз, удвоив количество грязных следов на полу. В кабинете смотрителя Гарри ещё не бывал; ученики, как правило, обходили это место

стороной. Грязную комнату без окон освещала одна-единственная керосиновая лампа, свисавшая с низкого потолка. В воздухе витал слабый запах жареной рыбы. Вдоль стен выстроились деревянные картотечные шкафчики; судя по ярлыкам, в них хранились записи обо всех дисциплинарных взысканиях. Фреду с Джорджем был отведён отдельный ящик. На стене за письменным столом висел набор отполированных до блеска кандалов и цепей. Всем было известно, что смотритель давно упрашивает Дамблдора позволить ему подвешивать провинившихся к потолку за лодыжки.

Филч выдернул перо из чернильницы и принялся копошиться в поисках пергамента.

— Навоз, — взбешённо бормотал он, — шипящие драконьи сопли… лягушачьи мозги… крысиные кишки… хватит с меня… чтоб другим неповадно было… где этот бланк… ага…

Он вытащил из ящика стола длинный свиток и развернул перед собой, окуная длинное тёмное перо в чернильницу.

— *Имя…* Гарри Поттер. *Проступок…*

— Да там же грязи совсем чуть-чуть! — запротестовал Гарри.

— Кому чуть-чуть, мальчик, а кому лишний

час уборки! — рассвирепел Филч, и на распухшем носу у него затряслась малосимпатичная капля. — *Проступок*... осквернение замка... *предлагаемое наказание*...

Утирая ладонью нос, смотритель злобно сощурил глаза, — Гарри, затаив дыхание, ждал приговора.

Но, едва Филч занёс перо над пергаментом, в комнате этажом выше что-то оглушительно грохнуло, — керосиновая лампа закачалась из стороны в сторону.

— БРЮЗГ! — взревел Филч, в приступе ярости швырнув перо на стол. — Сейчас ты у меня получишь, я тебя достану!

И, даже не оглянувшись на Гарри, Филч, топая, как бегемот, выскочил из кабинета; миссис Норрис прошмыгнула следом.

Брюзг, летающий школьный полтергейст, — малоприятное создание с вечной ухмылкой на физиономии, задавался единственной целью: сеять повсюду хаос и осложнять жизнь окружающим. Гарри вообще-то Брюзга терпеть не мог, но за эту отсрочку был ему до крайности благодарен. Надо думать, что бы ни натворил Брюзг (а в этот раз он, похоже, сломал что-то особо тяжёлое), — это отвлечёт Филча от Гарри.

Сообразив, что Филча надо бы дождаться, Гарри уселся в изъеденное молью кресло. На столе, помимо наполовину заполненного бланка, лежала лишь одна вещь: пухлый, глянцевый фиолетовый конверт, надписанный серебристыми чернилами. Быстро оглянувшись на дверь и убедившись, что Филч ещё не на подходе, Гарри поднял конверт и прочёл:

Скородейство
Курс Заочного Обучения Магии для Начинающих

Заинтригованный, Гарри вытащил из уже вскрытого конверта пачку пергамента. Первая страница была исписана витиеватым почерком:

Трудно идти в ногу с современной магией? Придумываете отговорки, не справляясь с простейшими чарами? Терпите насмешки из-за неуклюжего обращения с палочкой?
Выход есть!

«Скородейство» — новейший, абсолютно надёжный, эффективный и не требующий особых усилий курс. Эта ме-

тодика помогла уже сотням чародеев и колдуний!

Мадам З. Растяплис из Топшема пишет: «Я просто не могла запомнить заклинания, а мои зелья были в семье любимым анекдотом! Но теперь, после курса «Скородейства», я в центре внимания на любой вечеринке, а друзья умоляют дать им рецепт моей «Мерцающей Микстуры»!

Колдун Д. Дж. Неуд из Дидсбери признается: «Жена посмеивалась над моими потугами колдовать, но один месяц вашего чудесного «Скородейства» — имне удалось превратить её в яка! Спасибо, «Скородейство»!»

Гарри с интересом пролистал всё содержимое конверта. Зачем, спрашивается, Филчу курс «Скородейства»? Может, никакой он вовсе не колдун? Гарри как раз просматривал «Урок первый: Как держать палочку (полезные подсказки)», как из коридора донеслось шарканье. Торопливо сунув пергамент назад, Гарри кинул конверт на стол, и в тот же миг открылась дверь.

Филч вошёл с видом триумфатора.

— Это был ценнейший исчезательный шкаф! — торжествующе объявил он, обращаясь к миссис Норрис. — На этот раз мы Брюзга точно прижучим, дорогая…

Взгляд его упал на Гарри и тут же метнулся к конверту, — тот, как слишком поздно дошло до Гарри, лежал в двух футах от прежнего места.

Бледное лицо смотрителя пошло кирпично-красными пятнами. Гарри мысленно приготовился к урагану, который сейчас на него обрушится. Филч, припадая на одну ногу, кинулся к столу и, схватив конверт, бросил его в ящик.

— Ты… ты читал? — выдавил он.

— Нет, — живо солгал Гарри.

Филч нервно заломил свои узловатые руки.

— Не станешь же ты читать мою личную почту… хоть это и не моё… для друга… если так … но всё же…

Гарри встревоженно следил за ним, — вид у Филча был как никогда безумный. Глаза его, казалось, вот-вот вылезут из орбит, обвисшую щеку дёргал тик, а довершал картину клетчатый шарф.

— Ладно… иди… и чтоб никому ни слова… хотя это и не… хотя, если ты не читал… давай, иди, мне

надо составить рапорт на Брюзга… иди…

Поражённый собственной удачей, Гарри, выскользнув из кабинета, помчался по коридору и снова вверх по лестнице. Выбраться из кабинета Филча, избежав наказания — это походило на настоящий школьный рекорд.

— Гарри! Гарри! Сработало?

Из ближайшего класса выплыл Почти Безголовый Ник. За спиной у него виднелись обломки огромного, чёрного с золотом шкафа, — сброшенного, похоже, с приличной высоты.

— Я уговорил Брюзга опрокинуть его над кабинетом Филча, — с энтузиазмом пояснил Ник. — Подумал, это его отвлечёт…

— Так это был ты? — благодарно переспросил Гарри. — Ещё как сработало, даже взыскание не наложили. Спасибо, Ник!

Они вместе двинулись дальше по коридору. Гарри заметил, что Ник по-прежнему сжимает в руке письмо сэра Патрика…

— Жаль, что я ничем не могу помочь тебе с Безголовым Братством, — сочувственно продолжал Гарри.

Почти Безголовый Ник замер как вкопанный, и Гарри прошёл прямо сквозь него. Ощущение было не из приятных, — его словно окатило ле-

дяным душем.

— Но ведь ты и в самом деле *можешь* помочь, — восторженно возразил Ник. — Гарри… нет, я прошу слишком многого… ты не захочешь…

— Что? — поторопил Гарри.

— Понимаешь, в этот Хеллоуин я справляю пятисотые смертенины, — сообщил Ник, горделиво расправив плечи.

— А-а, — протянул Гарри, не зная, радоваться ли ему по этому поводу или огорчаться. — Ясно.

— Я принимаю гостей в одном из подземелий попросторнее. Соберутся знакомые со всей страны. Ты окажешь мне большую честь, если тоже придёшь. Буду счастлив видеть и мистера Уисли с мисс Грейнджер, разумеется, — но ты, наверное, предпочел бы пойти на школьный банкет с друзьями? — договорил он, беспокойно глядя на Гарри.

— Нет, что ты, — быстро заверил его Гарри, — я приду…

— Мой дорогой мальчик! Гарри Поттер у меня на смертенинах! И… вот ещё что… — он замялся, явно волнуясь, — как ты думаешь, мог бы ты при встрече с сэром Патриком упомянуть, что, по твоему мнению, у меня *очень* внушительный и устрашающий вид?

— Х-хорошо, — согласился Гарри.

Почти Безголовый Ник просиял.

* * *

— Смертенины? — оживлённо переспросила Гермиона, — Гарри только что, наконец, переоделся и подсел в гостиной к ним с Роном. — Мало кто из живых людей мог бы похвастаться, что бывал на таком приёме, — это же здорово!

— Кому придёт в голову отмечать день своей смерти? — пробурчал Рон, — он сражался с домашним заданием по зельям и оттого пребывал в дурном настроении. — По мне, так тоска смертная …

Дождь по-прежнему хлестал по окнам, — теперь иссиня-чёрным, — но в комнате было уютно и тепло. Отсветы пылающего в камине огня плясали на бесчисленных мягких креслах, до единого занятых ребятами, — те читали, болтали, корпели над уроками или, как, например, Фред с Джорджем, пытались выяснить, что случится, если скормить саламандре петарду Филибустера. Фред «вызволил» ярко-оранжевую, живущую в огне ящерицу с урока по уходу за магическими существами, — и теперь она тихо тлела на столе, окружённом кучкой любопытных.

Гарри уже собрался было рассказать друзьям о Филче и курсе «Скородейства», — но тут саламандра внезапно со свистом и громкими хлопками взмыла в воздух, извергая снопы искр и с бешеной скоростью кружась по комнате. Вид Перси, до хрипоты орущего на братьев, потрясающее шоу с фейерверком оранжевых звёзд изо рта саламандры и её побег в камин, сопровождающийся небольшими взрывами, мигом вытеснили из мыслей Гарри и Филча, и конверт.

* * *

По приближении Хеллоуина Гарри уже жалел о своём необдуманном обещании. Вся школа с удовольствием предвкушала праздничный пир; Большой Зал, по обыкновению, украсили живыми летучими мышами; из громадных тыкв Хагрида вырезали фонари, — в каждом легко уместилось бы трое мужчин; ходили слухи, будто Дамблдор пригласил на торжество труппу танцующих скелетов.

— Обещание есть обещание, — учительским тоном напомнила ему Гермиона. — А ты *обещал* пойти на смертенины.

Так что ровно в семь Гарри, Рон и Гермиона, прошагав мимо распахнутых дверей Большого

Зала, уже набитого битком и заманчиво сверкающего золотыми блюдами и свечами, направились в подземелья.

В коридоре, ведущем в зал Почти Безголового Ника, тоже были расставлены свечи, хотя настроение они создавали отнюдь не жизнерадостное: длинные, тонкие, угольно-черные, горящие синим пламенем, эти свечи отбрасывали тусклые, призрачные блики даже на живые лица. С каждым шагом становилось холоднее. Гарри пробила дрожь, и он плотнее запахнул мантию; неожиданно раздался звук, похожий на тот, что издавали бы множество ногтей, скребущих по гигантской классной доске.

— Это, видимо, *музыка?* — прошептал Рон. Они завернули за угол и увидели Почти Безголового Ника, — тот стоял в дверном проёме, завешенном чёрными бархатными шторами.

— Мои добрые друзья, — замогильным голосом промолвил он. — Добро пожаловать… так рад, что вы пришли… — он сорвал с головы шляпу с перьями и, с глубоким поклоном, жестом пригласил войти.

Зрелище было невообразимое. В подземелье оказались сотни жемчужно-белых, полупрозрачных людей, главным образом скользящих

по переполненному танцполу, вальсируя под кошмарный скрип тридцати музыкальных пил; оркестр стоял на возвышающейся, задрапированной чёрным сцене. Люстра высоко под потолком полыхала глубоким синим светом тысяч черных свечей. Изо рта у ребят вырывались клубы пара; они будто попали в морозильную камеру.

— Осмотримся? — предложил Гарри, в основном, чтобы разогреть ноги.

— Лишь бы не пройти кого-нибудь насквозь, — нервно отозвался Рон, и они двинулись вперёд вдоль танцпола. Они миновали компанию мрачных монахинь, оборванного мужчину в цепях, а также Толстого Монаха, весёлого призрака Хуфльпуфа, оживлённо беседовавшего с рыцарем. У того изо лба торчала стрела. Гарри без особого удивления отметил, что Кровавого Барона, костлявое слизеринское привидение, покрытое пятнами серебристой крови, с глазами навыкате, — другие гости старательно обходили стороной.

— Ой, нет, — Гермиона внезапно остановилась. — Только не туда, мне совсем не хочется говорить с Мученицей Миртой…

— С кем? — переспросил Гарри, поспешно разворачиваясь.

— Она обитает в женском туалете на первом этаже, — пояснила Гермиона.

— Она живёт в *туалете?*

— Ну да. Она весь прошлый год, — да и этот тоже, — не работала, потому что Мирта постоянно устраивает истерики и затапливает всё кругом. Я им всё равно старалась не пользоваться; это же невозможно, тебе надо в туалет сходить, а она там завывает…

— Смотрите, еда! — воскликнул Рон.

У другой стены зала они заметили длинный стол, тоже накрытый чёрным бархатом. Они обрадованно поспешили туда, но, подойдя ближе, остановились как вкопанные. Запах стоял невыносимый. На красивых серебряных блюдах громоздилась крупная, протухшая рыба; на подносах — груды обгорелых кексов; огромный телячий рубец, кишащий червями; ломоть сыра, поросший пушистой зелёной плесенью; и, в центре стола — громадный серый пирог в форме надгробной плиты, — на нём чёрной смоляной глазурью было выведено:

Сэр Николас де Мимси-Порпингтон
умер 31 октября, 1492

Гарри изумленно наблюдал, как к столу при-

близился дородный призрак, и, согнувшись едва не пополам, прошёл сквозь него; рот он держал широко открытым, так, чтобы пересечь блюдо с одним из тухлых лососей.

— Вы так чувствуете вкус? — спросил Гарри.

— Почти, — грустно ответствовал призрак и удалился.

— Наверное, они оставляют еду гнить, чтобы запах был сильнее, — здраво рассудила Гермиона, зажимая нос и наклоняясь, чтобы получше рассмотреть червивый рубец.

— Пойдём отсюда, а? — попросил Рон. — Меня тошнит.

Но не успели они сделать и шагу, как неожиданно из-под стола вынырнул человечек и замер в воздухе перед ними.

— Привет, Брюзг, — осторожно сказал Гарри.

В отличие от привидений, полтергейст вовсе не был ни бледным, ни прозрачным. На нём была ярко-оранжевая праздничная шляпа, вращающийся галстук-бабочка, а на лице — широкая ухмылка.

— Похрустим? — любезно предложил он, протягивая им миску арахиса, покрытого плесенью.

— Нет, спасибо, — отказалась Гермиона.

— Слышал, ты говорила о бедной Мирте, —

продолжал Брюзг; в глазах у него заплясал не предвещающий ничего хорошего огонёк. — *Грубовато* ты о бедняжке. — Он набрал в грудь побольше воздуха и заголосил, — ЭЙ! МИРТА!

— Ой, нет, Брюзг, не говори ей, что я это сказала, она расстроится, — лихорадочно зашептала Гермиона. — Я против неё ничего не имею, я в том смысле, что… э-э, привет, Мирта.

К ним подплыл призрак коренастой девушки. Лица мрачнее, чем у неё, Гарри никогда не видел; оно было наполовину скрыто за жидкими волосами и жемчужно-прозрачными очками с толстыми стёклами.

— Что? — с надутым видом буркнула она.

— Как дела, Мирта? — спросила Гермиона нарочито весёлым тоном. — Приятно встретить тебя не в туалете.

Мирта шмыгнула носом.

— Мисс Грейнджер как раз тебя вспоминала, — хитро сообщил Брюзг на ухо Мирте.

— Я просто говорила — говорила — как хорошо ты сегодня выглядишь, — на ходу сочинила Гермиона, гневно косясь на Брюзга.

Мирта смерила Гермиону подозрительным взглядом.

— Ты смеёшься надо мной, — не поверила она;

её маленькие прозрачные глазки быстро наполнялись серебристыми слезами.

— Нет — серьёзно — я ведь говорила, что Мирта сегодня отлично выглядит? — настаивала Гермиона, больно ткнув Гарри и Рона в рёбра.

— А-ага…

— Говорила…

— Не врите, — всхлипнула Мирта, — слёзы уже струились по её щекам, а Брюзг радостно хихикал у неё за спиной. — Думаете, я не знаю, как меня обзывают за глаза? Жирная Мирта! Уродка Мирта! Плаксивая, патлатая психопатка Мирта!

— Да-да, и ещё — «прыщавая», — прошипел Брюзг у неё над ухом.

Мученица Мирта разразилась страдальческими завываниями и понеслась прочь из подземелья. Брюзг ринулся следом, забрасывая её гнилым арахисом и вереща:

— *Прыщавая! Прыщавая!*

— О боже, — печально подытожила Гермиона.

Теперь к ним, минуя гостей, направлялся Почти Безголовый Ник:

— Веселитесь?

— О, да, — соврали они.

— Пришло много гостей, — с гордостью заметил Ник. — Вопящая Вдова прибыла из самого Кента…

Уже скоро моя речь, пойду предупрежу оркестр…

Оркестр, впрочем, именно в этот момент перестал играть. Они, как и все без исключения в подземелье, затихли, взволнованно оглядываясь, — где-то неподалёку протрубил охотничий рожок.

— Начинается, — горько констатировал Ник.

Пронёсшись сквозь стену, в зал ворвалась дюжина призрачных лошадей, на каждой — безголовый всадник. Толпа воодушевлённо зааплодировала; Гарри тоже захлопал, но мигом остановился при виде лица Ника.

Кони, галопом проскакав в центр танцпола, вставали на дыбы и били копытом. Впереди всех держался рослый призрак, державший бородатую голову под мышкой, откуда та и дула в рог. Он спрыгнул с лошади, и, подняв голову повыше в воздух, дабы видеть собравшихся (все рассмеялись), направился к Почти Безголовому Нику, водружая голову обратно на шею.

— Ник! — проревел он. — Как поживаешь? Голова на месте?

Он расхохотался и хлопнул Ника по плечу.

— Добро пожаловать, Патрик, — натянуто поприветствовал его Ник.

— Живые! — вскричал сэр Патрик, заметив Гар-

ри, Рона и Гермиону, и подпрыгнул от притворного изумления, так что голова снова соскочила с шеи (остальные зашлись хохотом).

— Презабавно, — мрачно резюмировал Почти Безголовый Ник.

— Не обращайте на Ника внимания! — прокричала с пола голова сэра Патрика. — До сих пор расстроен, что мы не приняли его в Братство! Но, вы же понимаете, — гляньте на него…

— Лично мне кажется, — торопливо встрял Гарри, поймав многозначительный взгляд юбиляра, — что вид у Ника очень… устрашающий и… ммм…

— Три «ха-ха»! — завопила голова. — Спорить готов, — это он попросил тебя такое сказать!

— Прошу внимания, — я бы хотел произнести речь! — повысив голос, объявил Ник, взбираясь на сцену и выступая в круг холодного синего света.

— Многоуважаемые, давно оплаканные близкими господа, леди и джентльмены, с глубочайшим прискорбием…

Но дальнейших слов никто не услышал. Безголовое Братство во главе с сэром Патриком устроили матч хоккея головами, и публика начала поворачиваться, чтобы посмотреть на игру.

Почти Безголовый Ник тщетно силился отвлечь гостей, но сдался, когда мимо него под бурные овации проплыла голова сэра Патрика.

Гарри дрожал от холода, не говоря уж о том, что смертельно проголодался.

— Я этого больше не вынесу, — пробормотал Рон, стуча зубами; оркестр вновь заскрежетал, и призраки устремились к танцполу.

— Пойдём, — согласился Гарри.

Они бочком двинулись к дверям, кивая и лучезарно улыбаясь всем, кто на них смотрел; вскоре они уже шагали по полному чёрных свечей коридору.

— Может, ещё пудинг остался, — с надеждой предположил Рон, торопясь к ведущей в Вестибюль лестнице.

И тут Гарри явственно услышал:

— *...разорвать... растерзать... убить...*

Это был ледяной, кровожадный голос, — тот же, что и в кабинете Локарта.

Гарри оступился, схватился за стену, напрягая слух до предела, щурясь, озираясь по сторонам и вглядываясь в полумрак коридора.

— Гарри, что ты?..

— Опять этот голос — помолчи минуту...

— *...та-ак голоден... так долго...*

— Слушайте! — настойчиво прошептал Гарри; Рон с Гермионой замерли, уставившись на него.

— *…убить… пора убить…*

Голос постепенно затихал. Гарри был уверен, что он движется, — движется вверх. Он задрал голову; его охватили возбуждение и страх: как может голос двигаться вверх? Или это бестелесный дух, для которого каменный потолок — не преграда?

— Сюда, — позвал он и побежал вверх по лестнице, в Вестибюль. Здесь можно даже не надеяться услышать что-то кроме болтовни, доносившейся из Большого Зала и эхом отдававшейся от стен. Гарри торопливо взобрался по мраморной лестнице на первый этаж; Рон с Гермионой громко топали сзади.

— Гарри, в чём де…

— ЧШШ!

Гарри прислушался. Этажом выше, уже едва различимый, звучал голос:

— *…чую кровь… ЧУЮ КРОВЬ!*

Желудок куда-то провалился.

— Он хочет кого-то убить! — выкрикнул он, и, не обращая внимания на остолбенелые лица Рона и Гермионы, взлетел по следующей лестнице, прыгая через три ступени, пытаясь расслышать

что-нибудь, помимо собственного топота; Гарри стремглав промчался по всему второму этажу, — Рон и Гермиона еле поспевали за ним, — и остановился, лишь свернув в последний, безлюдный коридор.

— Гарри, что за чёрт? — выдохнул Рон, утирая пот с лица. — Я ничего не слышал…

Но Гермиона неожиданно ахнула, указывая вперёд.

— *Смотрите!*

На стене в конце коридора что-то блестело. Они медленно направились в ту сторону, всматриваясь в темноту. Между двумя окнами, в свете пылающих факелов, мерцала надпись, сделанная буквами высотой в фут.

КАМЕРА СЕКРЕТОВ ОТКРЫТА
ВРАГИ НАСЛЕДНИКА, ТРЕПЕЩИТЕ

— А что — что это там висит? — дрогнувшим голосом спросил Рон.

Подойдя ближе, Гарри поскользнулся и едва не упал, — на пол откуда-то натекла огромная лужа воды; Рон с Гермионой подхватили его под локти, и вместе они шаг за шагом двинулись к стене, не сводя глаз с тёмной тени под надписью. Они одновременно поняли, что это такое, и дружно

отпрыгнули, расплескав воду.

Это была миссис Норрис, подвешенная за хвост к скобе для факела. Ее тело окаменело, как доска, глаза застыли навыкате.

Пару секунд они стояли как прикованные к месту; вдруг Рон сказал:

— Мотаем отсюда.

— Может, как-то помочь ... — нерешительно проговорил Гарри.

— Поверь мне, — настаивал Рон. — Нам же будет хуже, если поймают здесь.

Но было поздно. Отдалённый гвалт, будто громовой раскат, возвестил об окончании пира. Из обоих концов коридора раздавался топот сотен ног, шагающих по лестницам, и громкие, весёлые голоса сытых ребят; мгновение спустя в коридор со всех сторон повалили ученики.

Болтовня, суета, шум внезапно оборвались, — шедшие впереди заметили кошку. Гарри, Рон и Гермиона стояли в центре коридора, окружённые безмолвной толпой; те, кому не было видно, уже напирали сзади.

И в наступившей тишине раздался крик:

— Враги наследника, трепещите! Вы следующие, грязнокровки!

Это был Драко Малфой. Он, растолкав всех,

пробился вперёд: холодные серые глаза горели; всегда бескровные щёки вспыхнули румянцем; он усмехнулся при виде висящей на скобе, неподвижной кошки.

Глава девятая
ПИСЬМЕНА НА СТЕНЕ

— В чём дело? В чём дело?

Привлечённый, без сомнения, воплем Малфоя, Аргус Филч, расталкивая всех, пробирался вперёд. Но тут он увидел миссис Норрис и отшатнулся, в ужасе прижав ладони к лицу.

— Моя кошка! Моя кошка! Что с ней? — вскрикнул он.

И его выпученные глаза остановились на Гарри.

— *Ты!* — проскрежетал он. — *Ты!* Ты убил миссис Норрис! Ты убил её! Да я тебя самого придушу! Я тебя…

— *Аргус!*

Появился Дамблдор в сопровождении других преподавателей. Он стремительно пронесся мимо Гарри, Рона и Гермионы и снял миссис Норрис со скобы для факела.

— Идёмте, Аргус, — обратился он к Филчу. — И вы, мистер Поттер, мистер Уисли, мисс Грейнджер.

Локарт с готовностью выступил вперёд.

— Мой кабинет ближе всего, господин директор, — всего этажом выше, — прошу, располагайтесь…

— Благодарю, Гилдерой, — кивнул Дамблдор.

Все молча расступились, пропуская их. Локарт с взволнованным и крайне важным видом поспешил за Дамблдором; за ним последовали профессора Макгонаголл и Снейп.

Все вошли в темный кабинет, и на стенах началось какое-то волнение. Гарри увидел, как несколько Локартов на картинах удирают за рамки фотографий, — волосы у них были накручены на бигуди. Настоящий Локарт зажёг свечи и отступил в сторону. Дамблдор осторожно положил миссис Норрис на полированный письменный стол и начал ее осматривать. Гарри, Рон и Гермиона напряжённо переглянулись и опустились в кресла за освещённым кругом.

Длинный, крючковатый нос Дамблдора едва не касался шерсти миссис Норрис. Он пристально разглядывал её, поблёскивая очками-полумесяцами, аккуратно касаясь застывшей как изваяние кошки. Профессор Макгонаголл склонилась над ней почти так же низко, сузив глаза. Снейп маячил в тени позади них с очень странным выражением лица: казалось, он изо всех сил ста-

рается не усмехнуться. А Локарт нарезал круги вокруг них всех и сыпал версиями.

— Кошку определённо убили проклятием, — очевидно, Горемукой, — я столько раз видел его в действии, какая неудача, что меня не оказалось рядом, мне известно контрзаклятие, которое спасло бы её…

Комментарии Локарта перемежались едва сдерживаемыми отчаянными всхлипываниями Филча. Он скорчился на стуле у письменного стола, закрыв лицо руками, не в силах смотреть на миссис Норрис. Гарри, как бы он ни ненавидел Филча, не мог сейчас не пожалеть его; себя же он жалел много больше: если Дамблдор поверит смотрителю, можно распрощаться со школой.

Теперь Дамблдор вполголоса бормотал странные фразы и постукивал палочкой по миссис Норрис, но безрезультатно: она по-прежнему походила на чучело.

— …припоминаю, нечто подобное случилось в Уагадугу, — распространялся Локарт, — серия нападений, подробности в моей автобиографии, мне удалось снабдить жителей амулетами, и дело сразу же пошло на лад…

Локарты с фотографий согласно кивали в такт его словам. Один из них забыл снять с волос

сеточку.

Наконец Дамблдор выпрямился.

— Она жива, Аргус, — мягко промолвил он.

Локарт разом смолк, дойдя лишь до середины повествования о числе предотвращённых им убийств.

— Жива? — прохрипел Филч, раздвинув пальцы и взглянув сквозь них на миссис Норрис. — Но почему же она такая… как будто окоченевшая?

— Её обратили в камень — она окаменела, — пояснил Дамблдор («Ага! Я так и знал!» — вставил Локарт). — Но как именно, не могу сказать…

— Спросите *его!* — выкрикнул Филч, обращая к Гарри пятнистое, залитое слезами лицо.

— Ни один второкурсник не способен на такое, — твёрдо возразил Дамблдор. — Для этого необходима тёмная магия самого высокого…

— Это он, это он! — неистовствовал Филч, тряся щеками и багровея. — Вы видели, что он написал на стене! Он нашёл… у меня в кабинете… он знает, что я… что я… — лицо Филча мучительно перекосилось. — Он знает, что я бессиль! — договорил он.

— Я не трогал миссис Норрис! — громко объявил Гарри, чувствуя себя до крайности неуютно под взглядами всех присутствующих, включая

настенных Локартов. — А что такое бессиль я *вообще* не знаю.

— Враньё! — прорычал Филч. — Он видел моё письмо от «Скородейства»!

— Если позволите, директор, — подал голос из тени Снейп, и плохое предчувствие Гарри усилилось: что бы ни сказал Снейп, ему это на пользу определённо не пойдёт.

— Возможно, Поттер и его друзья просто оказались не в то время не в том месте, — предположил он с лёгкой усмешкой, словно не веря собственным словам. — Но нужно признать, что обстоятельства весьма подозрительны. Как они вообще оказались в этом коридоре? Почему их не было на банкете в честь Хеллоуина?

Гарри, Рон и Гермиона пустились в объяснения о смертенинах.

— …там были сотни призраков, они могут подтвердить…

— Но почему потом вы не пошли на пир? — допытывался Снейп; в его чёрных глазах, мерцая, отражалось пламя свечи. — Почему именно в этот коридор?

Рон с Гермионой покосились на Гарри.

— Потому… потому что… — промямлил Гарри; сердце колотилось о рёбра; что-то подсказывало

ему: будет уже чересчур, если он скажет, что шёл на бесплотный голос, которого к тому же никто больше не слышал, — мы очень устали и хотели спать, — нашёлся он.

— Без ужина? — на худом лице Снейпа блеснула торжествующая улыбка. — Вряд ли на приёмах у призраков подают пригодную для живых людей пищу.

— Нам не хотелось есть, — громко заявил Рон, пытаясь заглушить бурчание в желудке.

Снейп усмехнулся шире.

— Полагаю, директор, Поттер с нами не вполне искренен, — сказал он. — Возможно, разумно было бы лишить его некоторых привилегий, пока не расскажет всё как есть. Я бы, например, исключил его из гриффиндорской квиддичной сборной, пока он не научится честности.

— Право, Северус, — резко сказала профессор Макгонаголл, — не вижу оснований запрещать мальчику играть в квиддич. Кошку ведь не метлой по голове били. И нет никаких доказательств, что Поттер вообще в чём-то провинился.

Дамблдор пронизывал Гарри испытующим взглядом лучистых голубых глаз. У того возникло ощущение, что его просвечивали рентгеном.

— Презумпция невиновности, Северус, — ре-

шительно подытожил директор.

Снейп был взбешён.

И не он один.

— Мою кошку обратили в камень! — завопил Филч, выпучив глаза. — Я требую *наказания!*

— Мы вылечим её, Аргус, — терпеливо объяснил Дамблдор. — Профессору Саженс недавно удалось раздобыть саженцы мандрагор. Как только они созреют, мы приготовим нужное зелье и вернём вам миссис Норрис.

— Я его сварю, — встрял Локарт. — У меня огромный опыт. Живую воду из мандрагор я хоть во сне смешаю…

— Простите, — ледяным тоном прервал его Снейп. — но, если мне не изменяет память, в этой школе я зельедел.

Наступило крайне неловкое молчание.

— Можете идти, — разрешил Дамблдор Гарри, Рону и Гермионе.

Они направились к выходу так быстро, как только могли, разве что, не переходя на бег. Поднявшись на этаж, они свернули в пустой класс и бесшумно прикрыли за собой дверь. Гарри вгляделся в неясные очертания лиц друзей.

— По-вашему, мне надо было рассказать им? О том голосе?

— Нет, — не задумываясь, ответил Рон. — Слышать голоса — дурной знак, даже в магомире.

Что-то в его голосе заставило Гарри спросить:

— Но ты-то мне веришь?

— Само собой, — быстро подтвердил Рон. — Но, согласись, странно это…

— Конечно, странно, — согласился Гарри. — Всё это *вообще* странно. Что там было написано на стене? «Камера открыта»…И что это должно значить?

— Знаешь, я начинаю вспоминать, — задумчиво протянул Рон. — По-моему, кто-то рассказывал мне о каком-то потайном зале в Хогвартсе … кажется, Билл…

— А что значит «бессиль»?

К его удивлению, Рон подавил смешок.

— Ну… весёлого тут вообще-то мало, но раз речь о Филче… — начал он. — Бессиль — это тот, кто родился в колдовской семье, но у него самого способностей к магии никаких. Что-то вроде маглорождённых наоборот, только бессили редко встречаются. А раз уж Филч пытается научиться колдовать по «Скородейству», то он наверняка бессиль. Это многое объясняет. Например, почему он так ненавидит учеников, — Рон удовлетворённо усмехнулся. — Ему завидно.

Где-то поблизости пробили часы.

— Полночь, — опомнился Гарри. — Пошли в спальню, а то ещё столкнёмся со Снейпом, — опять к чему-нибудь прикопается.

* * *

Несколько дней в школе только и разговоров было, что о миссис Норрис. Филч не давал никому забыть о случившемся ни на минуту, патрулируя место преступления, словно рассчитывая, что нападавший вернётся. Гарри неоднократно видел, как он трёт надпись на стене «*Универсальным Ликвидатором Колдовского Беспорядка от миссис Скауэр*», но безуспешно; слова по-прежнему сияли на камне. В свободное от дежурства время Филч с опухшими глазами рыскал по коридорам, набрасываясь на ничего не подозревающих учеников и пытаясь наложить взыскание за проступки вроде «тяжело дышит» и «довольно ухмыляется».

Джинни Уисли, похоже, была просто раздавлена из-за несчастья с миссис Норрис. По словам Рона, она очень любила кошек.

— Но ведь ты совсем не знала миссис Норрис, — пытался ободрить её Рон. — Ну, правда, без неё даже лучше, — при этих словах у Джин-

ни задрожали губы. — Такое в Хогвартсе редко случается, — уверял Рон. — Этого психопата поймают и вышвырнут отсюда как нечего делать. Надеюсь только, он успеет до этого обратить в камень Филча.

Джинни побледнела.

— Шучу! — живо прибавил Рон.

На Гермиону эта история тоже повлияла. Она и раньше проводила массу времени за чтением, но теперь только этим и занималась. Ни Гарри, ни Рону не удавалось выведать у неё, чего она добивается, — выяснилось всё только в следующую среду.

Гарри пришлось задержаться в классе после зелий, — Снейп заставил его отскребать с парт трубчатых червей. Наспех пообедав, он побежал наверх, в библиотеку, — там они с Роном условились встретиться, — и по дороге наткнулся на Джастина Финч-Флечли, хуфльпуфца из их класса травоведения. Но не успел Гарри открыть рот, чтобы поздороваться, как Джастин, заметив его, резко развернулся и унёсся в противоположном направлении.

Рон, как оказалось, ждал его в дальнем конце библиотеки, измеряя свою работу по истории магии. Профессор Биннс задал им сочинение дли-

ной минимум в три фута на тему «Средневековая ассамблея европейских чародеев».

— Да что ж такое, — восьми дюймов не хватает… — разъярённо пробормотал Рон, отпуская край листа, — пергамент свернулся в свиток. — А Гермиона накатала четыре фута семь дюймов *мелким* почерком.

— Где она, кстати? — спросил Гарри, хватая рулетку и разворачивая своё сочинение.

— Где-то там, — Рон ткнул пальцем в сторону книжных рядов. — Ищет очередную книгу. Похоже, она решила к Рождеству прочесть всю библиотеку.

Гарри рассказал Рону, как от него удрал Джастин.

— Нашёл о чём беспокоиться. По мне, так он малость двинутый, — поделился Рон, впопыхах дописывая работу гигантскими буквами. — Уж если он боготворит Локарта…

Из-за полок с раздражённым видом вынырнула Гермиона: похоже, она наконец вознамерилась поговорить с ними.

— *Все* экземпляры «*Хогвартс: История*» выданы, — кипела она, усаживаясь рядом с Гарри и Роном. — Ещё и очередь на две недели. *Жаль*, что я оставила свою книжку дома, но она не влезла в

сундук вместе с локартовскими книгами

— А зачем она тебе? — поинтересовался Гарри.

— Затем же, зачем и всем остальным, — перечитать легенду о Камере Секретов.

— Какую легенду? — быстро переспросил Гарри.

— Вот именно. Я не помню, — Гермиона закусила губу. — А больше мне её нигде не найти…

— Гермиона, дай почитать своё сочинение, — взмолился Рон, глянув на часы.

— Не дам, — отказала Гермиона, внезапно посуровев. — У тебя десять дней было, чтобы закончить…

— Мне всего два дюйма надо, будь человеком…

Зазвонил колокол. Рон с Гермионой препирались всю дорогу и умолкли, только войдя в кабинет истории магии.

История магии была самым нудным предметом в их программе. Преподаватель, профессор Биннс, был единственным в школе учителем-призраком, и самым захватывающим событием на его уроках стало его появление в кабинете из классной доски. Многие утверждали, что этот сморщенный древний старичок даже не заметил, как умер: просто проснулся однажды и отправился на урок, оставив тело в кресле у камина в

учительской; его повседневная жизнь с тех пор ничуть не изменилась.

Сегодня было также скучно, как всегда. Профессор Биннс раскрыл тетрадь с заметками и принялся монотонно гудеть, как старый пылесос, пока большая часть класса не впала в полное оцепенение, периодически приходя в себя — записать имя или дату — и затем снова засыпая. Он вещал в таком духе около получаса, и тут произошло нечто беспрецедентное. Гермиона подняла руку.

Профессор Биннс, случайно глянувший в класс во время смертельно тоскливого повествования о Международной конвенции магов 1289 года, был в полном замешательстве.

— Мисс…?

— Грейнджер, профессор. Я хотела спросить, не можете ли вы рассказать нам что-нибудь о Камере Секретов, — отчётливо произнесла Гермиона.

Дин Томас, с открытым ртом глазевший в окно, встрепенулся; Лаванда Браун приподняла голову над партой, а локоть Невилла Лонботтома соскользнул со стола.

Профессор Биннс заморгал.

— Мой предмет — история магии, — проскрипел он, — и моё дело — *факты*, мисс Грейнджер,

а не мифы и легенды.

Он сипло прокашлялся, словно разломив пополам кусочек мела, и снова заговорил:

— В сентябре того же года подкомитет колдунов из Сардинии…

Он запнулся: рука Гермионы снова взлетела в воздух.

— Мисс Грант?

— Но, сэр, ведь любая легенда основывается на фактах?

Профессор Биннс поглядел на неё с таким изумлением, что Гарри стало ясно: ни один ученик до сих пор не прерывал его, — ни при жизни, ни после смерти.

— Хм, — протянул он, — да, полагаю, это справедливо, — он воззрился на Гермиону так, словно впервые видел ученика. — Однако, легенда, о которой вы спрашиваете, откровенно *нелепа*, просто *смехотворна*…

Но весь класс уже ловил каждое его слово. Профессор Биннс туманно переводил невидящий взгляд с одного лица на другое, все до единого обращённые к нему. Гарри понимал, что учитель ошеломлён столь непривычным вниманием.

— Ну что ж, — медленно проговорил он. — Дайте подумать… Камера Секретов…

Вы все, разумеется, знаете, что Хогвартс был основан более тысячи лет назад — точная дата неизвестна — четырьмя величайшими чародеями и колдуньями того времени. Колледжи были названы в их честь: Годрик Гриффиндор, Хельга Хуфльпуф, Ровена Рейвенкло и Салазар Слизерин. Они совместными усилиями выстроили замок, подальше от глаз назойливых магглов, — тогда простые люди страшились магии, и чародеи и колдуньи страдали от гонений и преследований.

Он сделал паузу, обвёл класс туманным взором и продолжил:

— Какое-то время основатели работали в совершенной гармонии: искали и обучали детей со способностями к магии. Но потом между ними начались противоречия. Всё чаще у Слизерина возникали разногласия с другими основателями. Слизерин настаивал на более строгом отборе студентов в Хогвартс. Он считал, что колдовские умения и тайны должны храниться только в семьях магов. Он с неодобрением относился к ученикам магглового происхождения, не доверял им. Вскоре на этой почве у Гриффиндора и Слизерина произошёл серьёзный конфликт, и Слизерин покинул школу.

Профессор Биннс вновь умолк, поджав губы, —

в этот момент он сильно напоминал старую морщинистую черепаху.

— Вот всё, что сообщают нам надёжные исторические источники, — подытожил он. — Но эти правдивые факты затмила вздорная легенда о Камере Секретов. Суть её в том, что Слизерин якобы выстроил в замке потайную камеру, о чём другие основатели ничего не знали.

Слизерин, по преданию, запечатал вход в Камеру Секретов, чтобы никто не проник туда, пока в школе не объявится его законный наследник. Лишь он сумеет снять чары с Камеры Секретов, освободить заточённый в ней ужас и с его помощью истребить всех недостойных изучать магию.

После этого в классе воцарилась тишина, но не сонная и дурманящая, как обычно бывало на уроках профессора Биннса. В воздухе повисло беспокойство; все по-прежнему не сводили глаз с учителя, ждали продолжения. А профессора Биннса всё это явно начинало раздражать.

— Вся эта история — сущие бредни, — категорично заявил он. — Школу множество раз обыскивали на предмет наличия этой камеры самые сведущие чародеи и колдуньи, но, разумеется, ничего не нашли. Её не существует. Это всё

выдумки, чтобы пугать доверчивых детей.

Гермиона снова вытянула руку.

— Сэр, — а что значит «заточённый в ней ужас»?

— Согласно поверьям, это некое чудовище, контролировать которое способен один лишь наследник Слизерина, — сухим, гнусавым голосом пояснил профессор.

Ученики испуганно переглянулись.

— Говорю вам, ничего этого нет, — повторил профессор Биннс, шурша бумагами. — Ни Камеры, ни чудовища.

— Но, сэр, — возразил Шеймас Финниган, — если Камеру может открыть только наследник Слизерина, то никто другой и не нашёл бы её, так?

— Глупости, О'Флаэрти, — раздраженно отозвался профессор Биннс. — Уж если её не обнаружили многочисленные директора и директрисы Хогвартса…

— Но, профессор, — пропищала Парвати Патил, — возможно, здесь требуется чёрная магия…

— То, что колдун *не прибегает* к тёмной магии, не значит, что он ею *не владеет*, мисс Пеннифезер, — отрезал профессор Биннс. — Повторяю, если уж такие чародеи, как Дамблдор…

— Но, может, нужно быть в родстве со Слизерином, поэтому Дамблдор… — начал было Дин Томас, но тут терпение профессора лопнуло.

— Всё, довольно! — взорвался он. — Камера — миф! Её не существует! Нет ни малейшего свидетельства, что Слизерин построил в школе хотя бы потайной чулан для мётел! Я жалею, что рассказал вам эту глупую сказку. А теперь, если позволите, мы вернёмся к *истории,* к проверенным, обоснованным, неопровержимым *фактам!*

И через пять минут класс снова отключился.

* * *

— Всегда подозревал, что Салазар Слизерин был чокнутый маразматик, — сообщил немного позже Рон Гарри и Гермионе; они пробирались по переполненным коридорам к гриффиндорской башне, — оставить там сумки перед ужином. — Но я знать не знал, что он затеял всю эту фигню с чистотой крови. Ни за какие деньги не пошёл бы в его колледж. Говорю вам, отправь меня Шляпа в Слизерин, я бы сел на поезд и поехал домой…

Гермиона с жаром закивала, но Гарри промолчал. Его желудок вдруг неприятно сжался.

Гарри никогда не рассказывал Рону и Гермионе, что Сортировочная Шляпа всерьёз собиралась

определить в Слизерин *его*. Он помнил, будто это было вчера, как год назад надел Шляпу, и она прошептала ему на ухо: «*Знаешь, ты можешь стать великим, у тебя есть все задатки, а Слизерин, без сомнения, поможет тебе на пути к цели*»…

Но Гарри, уже наслышанный о дурной репутации Слизерина, о том, что это — колледж будущих чёрных магов, отчаянно подумал: «Только не в Слизерин!», и Шляпа ответила: «*Что ж, если ты уверен… тогда, пожалуй, — Гриффиндор!*»

Лавируя в толпе, они наткнулись на Колина Криви.

— Приветик, Гарри!

— Привет, Колин, — машинально ответил Гарри.

— Гарри, мальчик из моего класса говорит, что ты…

Но Колин был слишком мал, чтобы противостоять напору учеников, теснивших его к Большому Залу; он только успел пискнуть: «Увидимся, Гарри!» и исчез.

— И что, интересно, сказал мальчик из его класса? — задумалась Гермиона.

— Видимо, что я наследник Слизерина, — желудок у Гарри снова неприятно скрутило, — он вдруг вспомнил, как днём от него умчался Джа-

стин Финч-Флечли.

— Здесь во что хочешь поверят, — с отвращением бросил Рон.

Толпа поредела, и они без труда взобрались по следующей лестнице.

— Так ты думаешь, Камера Секретов действительно существует? — спросил Рон Гермиону.

— Не знаю, — ответила она, хмурясь. — Дамблдор не смог исцелить миссис Норрис, и, думаю, напал на неё… ммм… не человек.

В это время они завернули за угол и поняли, что это тот самый коридор, где напали на миссис Норрис. Остановившись, они огляделись. С той ночи ничего здесь не изменилось, — только на скобе для факела не висела окаменевшая кошка, а возле стены, где до сих пор блестело послание: «Камера Секретов открыта», стоял пустой стул.

— Это Филч оставил; он тут дежурит, — пробормотал Рон.

Они переглянулись. Коридор был пуст.

— Ничего страшного, если мы тут всё осмотрим, — предложил Гарри, бросая сумку на пол и опускаясь на четвереньки.

— Обугленное пятно! — доложил он. — Вот… и вот…

— Идите сюда, посмотрите, — позвала Гермио-

на. — Странно как…

Гарри поднялся и приблизился к окну возле послания на стене. Гермиона указывала на край рамы, — там копошились десятка два пауков, и каждый, очевидно, пытался первым пролезть в небольшую щель. Длинная, серебристая паутинка свисала подобно верёвке, словно все они взобрались по ней, стремясь выбраться наружу

— Видел когда-нибудь, чтобы пауки так себя вели? — с удивлением спросила Гермиона.

— Нет, — признал Гарри, — а ты, Рон? Рон?

Он обернулся. Рон стоял на приличном расстоянии и, казалось, вот-вот сорвётся с места.

— Ты чего? — встревожился Гарри.

— Не… люблю…пауков, — выдавил Рон.

— Серьёзно? — Гермиона удивлённо поглядела на Рона. — Ты же столько раз работал с ними на зельях…

— Дохлые они ещё ничего, — пояснил Рон, стараясь смотреть куда угодно, только не на окно. — Просто я не люблю, когда они ползают…

Гермиона хихикнула.

— Не смешно, — разозлился Рон. — Если хочешь знать, когда мне было три года, Фред превратил моего… плюшевого мишку в огромного мерзкого паука, за то, что я сломал его игрушечную метлу…

Ты бы их тоже ненавидела, если бы взяла своего мишку на руки, а у него вдруг выросло столько ног, и…

Он замолчал, содрогнувшись. Гермиона явно всё ещё пыталась не рассмеяться. Решив поскорее переменить тему, Гарри спросил:

— Помните, тогда пол весь был мокрый? Откуда взялась вода? Кто-то её вытер.

— Она где-то вровень с этой дверью была, — вспомнил Рон; он более-менее успокоился и, показав рукой, обогнул стул Филча.

Он потянулся к латунной ручке, но внезапно отдёрнул руку, словно обжёгся.

— Что не так? — не понял Гарри.

— Нам туда нельзя, — мрачно сказал Рон. — Это женская уборная.

— Рон, там всё равно никого нет, — возразила Гермиона, выпрямившись и подойдя к ним. — Здесь же обитает Мученица Мирта. Пойдём, посмотрим.

И, не обращая внимания на табличку «НЕ РАБОТАЕТ», она распахнула дверь.

Гарри ещё не видел столь унылой, угнетающего вида туалетной комнаты. Под длинным, треснувшим, заляпанным зеркалом выстроились раковины с обколотыми краями. Сырой

пол отражал тусклый свет нескольких огарков в подсвечниках; деревянные двери кабинок были все исцарапаны, — одна болталась на верхней петле, — краска на них уже отслаивалась.

Гермиона прижала палец к губам и двинулась вперёд. Остановившись перед последней кабинкой, она спросила:

— Привет, Мирта, как ты?

Гарри и Рон подошли поближе. Мученица Мирта парила над бачком, ковыряя прыщик на подбородке.

— Это туалет для *девочек*, — сообщила она, подозрительно разглядывая Гарри и Рона. — А *они* не девочки.

— Это точно, — согласилась Гермиона. — Я просто хотела показать им, как здесь… мило.

Она неопределённо махнула рукой то ли на грязное зеркало, то ли на влажный пол.

— Спроси её, может, она видела что-нибудь, — пробормотал Гарри на ухо Гермионе.

— Что вы там шепчетесь? — уставилась на них Мирта.

— Ничего, — торопливо ответил Гарри. — Мы хотели спросить…

— Сколько можно бубнить у меня за спиной! — со слезами в голосе возмутилась Мирта. — Даже

если я *мертва*, у меня, знаете ли, тоже *есть* чувства…

— Мирта, тебя никто не хотел обидеть, — попыталась успокоить её Гермиона. — Гарри только…

— Не хотел обидеть! Мне это нравится! — взвыла Мирта. — Моя жизнь здесь была сплошной пыткой, а теперь мне хотят испортить и смерть!

— Мы хотели спросить, не видела ли ты ничего странного, — зачастила Гермиона. — В Хеллоуин прямо у тебя под дверью кто-то напал на кошку.

— Ты в ту ночь никого не видела рядом? — добавил Гарри.

— Я не обращала внимания, — театрально произнесла Мирта. — Брюзг меня так расстроил, что я попыталась *покончить* с собой, когда добралась сюда. Потом, конечно, я вспомнила, что уже и так… что я…

— Уже мертва, — услужливо подсказал Рон.

Мирта трагически всхлипнула, взмыла в воздух и ласточкой нырнула в унитаз, обрызгав их с головы до ног и скрывшись из виду, — хотя, судя по незатихающим рыданиям, она устроилась в изгибе трубы.

Гарри и Рон застыли на месте, приоткрыв рты; Гермиона устало пожала плечами:

— Это она еще была веселая… Ладно, пошли.

Едва Гарри закрыл дверь, заглушая булькающие стенания Мирты, как неожиданно раздался громкий возглас:

— РОН!

Перси с абсолютно шокированным лицом над блестящим значком префекта замер как вкопанный на вершине лестницы: значок префекта сверкает, лицо выражает абсолютный шок.

— Это *женский туалет*! — прошипел он. — Что *вы* там…

— Да просто решили тут всё осмотреть, — пожал плечами Рон. — Искали улики…

Перси начал раздуваться, живо напомнив Гарри миссис Уисли.

— Марш… отсюда… сейчас же! — Перси, широко шагая, подошёл к ним и начал отгонять их в сторону, размахивая руками. — Вы хоть соображаете, как это выглядит со стороны? Все на ужине, а вы опять здесь…

— А почему нам нельзя здесь быть? — взвился Рон, упираясь и свирепо глядя на Перси. — Послушай, мы кошку и пальцем не трогали!

— Я говорил Джинни то же самое, — гневно продолжал Перси, — но она, похоже, до сих пор боится, что вас исключат; она никогда так не переживала, все глаза выплакала, мог бы хоть

чуть-чуть подумать *о ней*, первокурсники и так потрясены этой историей…

— *Тебе* на Джинни плевать! — выпалил Рон; уши у него уже багровели. — *Ты* просто боишься, что я подмочу тебе репутацию, что из-за меня ты не станешь старостой школы…

— Пять баллов с Гриффиндора! — отчеканил Перси, коснувшись значка. — И пусть это послужит вам уроком! Чтобы больше никаких расследований, — иначе напишу маме!

И он зашагал прочь, — шея у него сзади покраснела так же, как у Рона уши.

Вечером Гарри, Рон и Гермиона сели в гостиной как можно дальше от Перси. Рон всё ещё был сильно не в духе и постоянно капал чернилами на домашнюю работу по чарам. Когда он рассеянно потянулся за палочкой, чтобы убрать кляксы, та подожгла пергамент. Дымясь от злости не хуже собственной работы, Рон захлопнул «*Стандартную книгу заклинаний, (Второй год)*». К удивлению Гарри, Гермиона сделала то же самое.

— Так кто это, всё-таки? — тихо спросила она, словно продолжая прерванный разговор. — Кому нужно выжить из Хогвартса всех бессилей и маглорождённых?

— Давайте-ка подумаем, — притворно-задумчиво отозвался Рон. — *Кто* у нас считает магглорождённых отбросами?

Он уставился на Гермиону. Та с сомнением взглянула на него.

— Если ты о Малфое…

— А о ком ещё? Ты же его слышала: «*Вы следующие, грязнокровки!*»— здесь и думать нечего, надо только посмотреть на его поганую крысиную рожу…

— Малфой — наследник Слизерина? — скептически переспросила Гермиона.

— Ты посмотри, какая у него семья, — согласился Гарри, тоже захлопывая книги. — Все учились в Слизерине; он всегда этим кичился. Они запросто могут быть потомками Салазара. Его отец уж точно подходит на роль злодея.

— Может они веками хранят у себя ключ от Камеры Секретов? — предположил Рон. — И передают по наследству, от отца к сыну…

— Ну, — осторожно протянула Гермиона, — возможно…

— Только как мы это докажем? — мрачно спросил Гарри.

— Есть один способ, — медленно проговорила Гермиона, ещё больше понизив голос и быстро

оглянувшись на Перси. — Но это, конечно, будет трудно. И опасно, очень опасно. Нарушим, наверное, пятьдесят школьных правил…

— Ты, если этак через месяц соберёшься объяснять по-человечески, дай нам знать, ладно? — раздражённо осведомился Рон.

— Хорошо, — сдержанно ответила Гермиона. — Нам надо пробраться в слизеринскую гостиную и расспросить Малфоя так, чтобы он нас не узнал.

— Но это невозможно, — возразил Гарри, а Рон прыснул.

— Ну почему же. Всё, что нужно — это Метаморс.

— Чего? — хором переспросили Гарри с Роном.

— Снейп о нём рассказывал пару недель назад…

— А то нам на зельях больше нечем заняться, кроме как Снейпа слушать, — пробормотал Рон.

— Он может превратить тебя в кого угодно. Только представьте! Мы станем тремя слизеринцами, и никто не поймёт, кто мы на самом деле. Малфой наверняка проболтается. Может, он прямо сейчас хвалится этим в своей гостиной, — если бы мы только могли его слышать…

— Сомнительный он какой-то, этот Метаморс, — нахмурился Рон. — Что, если мы так и

останемся слизеринцами?

— Его действие быстро проходит, — отмахнулась Гермиона. — Но рецепт достать будет сложно. Снейп говорил, он есть в книге «*Наисильнѣйшія Зелія*», — наверняка она в Запретной Секции.

Получить книгу в Запретной Секции библиотеки можно было лишь с письменного разрешения преподавателя.

— И как мы объясним, зачем нам книга? — задумался Рон. — Мы же вроде как не собираемся ничего варить.

— Ну, — начала Гермиона, — можем сказать, что просто интересуемся теорией, и тогда…

— Да брось ты, ни один учитель на это не купится, — фыркнул Рон. — Это же каким идиотом надо быть…

Глава десятая
НЕНОРМАЛЬНЫЙ БЛАДЖЕР

После инцидента со злополучными пикси Локарт больше не приносил в класс живых существ. Вместо этого он зачитывал им отрывки из своих книг, иногда разыгрывая в лицах наиболее драматичные эпизоды. При этом себе в напарники он обыкновенно избирал Гарри, заставив пока что изображать тому уже пришлось изобразить трансильванского крестьянина, которого Локарт избавил от Болтливого сглаза, простуженного йети и вампира, после встречи с Локартом питавшегося исключительно листьями салата.

На следующем же уроке по защите Гарри снова пришлось ассистировать Локарту, на этот раз — в роли оборотня. Он бы отказался, но сегодня Локарт был нужен им в хорошем настроении.

— Взвой-ка как следует, Гарри — отлично — и тут, представьте только, я бросился на него — вот так — *прижал* к полу — держа его одной рукой, другой приставил к горлу палочку — затем, собрав остатки сил, выполнил немыслимо сложные Очеловечные чары — он издал жалобный стон

— ну же, Гарри, — на октаву выше — вот так — шерсть исчезла — клыки уменьшились — и он вновь превратился в мужчину. Просто, но действенно, — и вот жители ещё одной деревни будут вечно помнить героя, спасшего их от ежемесячных нападений оборотня.

Зазвонил колокол, и Локарт поднялся с пола.

— Домашнее задание — сочините поэму о моей победе над оборотнем из Ваггa-Ваггa! Автору лучшей — экземпляр «*Я Само Волшебство*» с автографом!

Ученики поспешили к выходу. Гарри вернулся в конец класса, где его дожидались Рон и Гермиона.

— Готовы? — пробормотал Гарри.

— Подожди, пока все уйдут, — нервно ответила Гермиона. — Ладно…

Она двинулась к столу Локарта, зажав в руке листок пергамента; Гарри и Рон следовали за ней по пятам.

— Эмм… профессор Локарт? — заикаясь, позвала Гермиона. — Я хотела — хотела взять в библиотеке эту книгу. Просто для внеклассного чтения, — она чуть дрожащей рукой протянула ему листок. — Но дело в том, что она в Запретной секции, и нужно разрешение учителя… Я увере-

на, она поможет мне лучше понять то, что вы пишете в «*Гулянке с Гулями*» о медленнодействующих ядах…

— А, «*Гулянка с Гулями*»! — возликовал Локарт, взяв листок и широко улыбнувшись Гермионе. — Пожалуй, моя любимая книга. Вам она понравилась?

— О да, — с жаром подтвердила Гермиона. — Вы так умно заманили последнего в ловушку чайным ситечком…

— Что ж, разумеется, ничего страшного, если я помогу лучшей ученице на курсе, — радушно заключил Локарт, извлекая откуда-то огромное павлинье перо. — Красивое, правда? — добавил он, по-своему истолковав отвращение на лице Рона. — Я держу его для автографов.

Он вывел на листке гигантскую, замысловатую подпись и вручил разрешение Гермионе.

— Итак, Гарри, — продолжал Локарт, пока Гермиона негнущимися пальцами сворачивала и убирала в сумку листок. — Завтра, если не ошибаюсь, первый квиддичный матч сезона? Кажется, Гриффиндор против Слизерина? Я слышал, ты неплохо играешь. Я ведь тоже был следопытом. Меня даже приглашали в национальную сборную, но я предпочёл посвятить свою жизнь

искоренению тёмных сил. И всё же, если тебе как-нибудь потребуется индивидуальная тренировка, не стесняйся и обращайся. Всегда счастлив поделиться умениями с менее одарёнными игроками…

Гарри что-то невнятно промычал и сорвался с места вдогонку за Роном и Гермионой.

— Просто не верится, — поразился он; все трое изучали подпись. — Он даже не *посмотрел*, какая нам нужна книга.

— *Придурок* потому что, — хмыкнул Рон. — Хотя какая разница, мы ведь получили, что хотели…

— Никакой он *не* придурок, — резко возмутилась Гермиона; они почти бегом добрались до библиотеки.

— Как же, ты ведь у него «лучшая ученица среди однокурсников»…

Они понизили голоса, оказавшись в совершенном безмолвии библиотеки. Мадам Пинс, библиотекарь, сухопарая, раздражительная женщина, сильно напоминала недокормленного стервятника.

— «*Наисильнъйшія Зелія*»? — подозрительно повторила она, пытаясь забрать у Гермионы разрешение; но та не выпускала листок из рук.

— Я бы хотела оставить его себе, — пролепе-

тала она.

— Ой, ладно тебе, — Рон вырвал у неё разрешение и протянул мадам Пинс. — Достанем тебе другой автограф. Локарт распишется на всём, что не успеет убежать.

Мадам Пинс поднесла листок к свету, словно проверяя достоверность подписи, но разрешение прошло проверку. Она прошествовала между высокими стеллажами и пару минут спустя вернулась с толстым, ветхим фолиантом. Гермиона аккуратно убрала книгу в сумку, и они ушли, стараясь идти не слишком быстро и выглядеть не слишком виновато.

Через пять минут они снова заперлись в неработающем туалете Мученицы Мирты. Гермиона отвергла все возражения Рона, напомнив, что ни один человек в здравом уме не станет туда заходить, так что никто их не побеспокоит. Мученица Мирта во всеуслышание рыдала в своей кабинке, но им до неё не было никакого дела, — как и ей до них.

Гермиона бережно раскрыла «*Наисильнѣйшія Зелія*», и все трое склонились над местами отсыревшими страницами. Сразу стало ясно, почему книга хранилась в Запретной секции. Действие кое-каких зелий было таким жутким, что о нём

не хотелось даже думать; некоторые рецепты сопровождались крайне несимпатичными иллюстрациями, как то: мужчина, вывернутый наизнанку или колдунья, из головы у которой проросло несколько пар рук.

— Вот оно, — обрадовалась Гермиона, отыскав страницу, озаглавленную «Метаморс» и украшенную изображениями людей в разных фазах превращения. Гарри искренне понадеялся, что мучения на их лицах — плод богатого воображения художника.

— Труднее состава я ещё не встречала, — констатировала Гермиона, просматривая рецепт. — Сушёные златоглазки, пиявки, переменница, спорыш, — бормотала она, ведя пальцем вниз по странице. — Ну, с этим сложностей никаких, всё это есть в ученическом шкафу, возьмём оттуда… О-о, смотрите, толчёный рог двурога, — понятия не имею, где его достать… мелко порезанная чешуя бумсланга, — та ещё проблема, — и, само собой, частицы тех, в кого мы хотим превратиться…

— Чего-чего? — резко переспросил Рон. — Что значит «частицы тех, в кого хотим превратиться»? Я с ногтями ног Крэбба ничего *пить* не буду!

Гермиона, словно не услышав его, продолжа-

ла:

— …хотя об этом можно пока не волноваться, частицы добавляют в последнюю очередь…

Рон, потеряв дар речи, обернулся к Гарри; тот, впрочем, беспокоился о другом.

— Гермиона, ты хоть понимаешь, сколько всего нужно красть? Тёртой чешуи бумсланга уж точно нет в ученическом шкафу. И что теперь, лезть в личные запасы Снейпа? Вряд ли это хорошо кончится…

Гермиона захлопнула книгу.

— Нет, если вы трусите, прекрасно, — выпалила она. Щёки её пылали, глаза блестели сильнее обычного. — *Я*, знаете ли, тоже не хочу нарушать дисциплину. Но, *по-моему*, угрожать маггло-рождённым — это куда серьёзнее, чем сварить сложное зелье. Но раз вам не надо знать, Малфой это или нет, я прямо сейчас иду и отдаю книгу мадам Пинс…

— Вот уж не думал дожить до этого дня, — Гермиона подбивает нас нарушить правила, — проговорил Рон. — Ладно, мы согласны. Но не ногти с пальцев ног, ага?

— А сколько это вообще займёт? — спросил Гарри, — Гермиона, повеселев, опять открыла книгу.

— Ну, учитывая, что переменницу нужно нарвать в полнолуние, а златоглазки надо настаивать двадцать один день… Уложимся в месяц, если добудем все ингредиенты.

— Месяц? — недоверчиво переспросил Рон. — Малфой за это время половину магглорождённых в школе перебьёт!

Но Гермиона снова угрожающе прищурилась, и он торопливо прибавил:

— Но раз другого плана нет, тогда — полный вперёд.

Однако, когда Гермиона вышла проверить, нет ли кого поблизости, Рон шепнул Гарри:

— Будет гораздо проще, если ты завтра столкнёшь Малфоя с метлы.

* * *

В субботу Гарри проснулся рано и лежал, думая о предстоящем матче. Он нервничал при мысли не только о том, что скажет Прут, если Гриффиндор проиграет, но ещё и о том, что играть придется против команды, снабжённой быстрейшими в мире гоночными мётлами. Никогда ещё ему так не хотелось обставить Слизерин. Пролежав полчаса со сжимающимися в комок внутренностями, он поднялся, оделся и спустился

на завтрак; гриффиндорская команда уже собралась за длинным, пустым столом; все были напряжёнными и молчаливыми.

Около одиннадцати вся школа потянулась к квиддичному стадиону. День был сырой, тёплый, и в воздухе ощущалось предвестие грозы. Рон с Гермионой успели пожелать Гарри удачи, когда он подошёл к раздевалке. Команда облачилась в алые спортивные мантии, и все расселись по скамьям, приготовившись к привычному предматчевому напутствию капитана.

— Мётлы у Слизерина лучше, — начал Прут. — Нет смысла это отрицать. Зато у нас на мётлах лучше *люди*. Мы усерднее тренировались, летали в любую погоду… («— Что правда, то правда, — пробурчал Джордж. — С августа не обсохну…») — и мы заставим их проклинать день, когда этот паршивец, Малфой, купил себе место в команде.

Грудь Прута вздымалась от распиравших его эмоций; он повернулся к Гарри.

— Тебе, Гарри, придётся показать им, что следопыту требуется кое-что поважнее богатого папаши. Поймай снич раньше Малфоя или умри, Гарри, — мы обязаны сегодня победить, просто обязаны.

— Видишь, Гарри, и никто на тебя не давит, —

подмигнул ему Фред.

Они вышли на поле под возгласы болельщиков, в основном приветственные, — Рейвенкло и Хуфльпуф болели за Гриффиндор; однако, слышно было и слизеринский свист с улюлюканьем. Мадам Фьюч, квиддичный инструктор и арбитр, велела Флинту и Пруту обменяться рукопожатиями, что они и исполнили, одарив друг друга угрожающими взглядами и стиснув ладони сильнее, чем требовалось.

— По свистку, — скомандовала мадам Фьюч. — Три… два… один…

Под ободряющий рёв трибун четырнадцать игроков взвились к свинцово-серому небу. Гарри взлетел выше всех, высматривая снич.

— Эй, ты, со шрамом! — проорал Малфой, стрелой пронёсшись внизу, словно демонстрируя скорость своей метлы.

Гарри не успел ответить. В этот самый момент к нему устремился тяжёлый чёрный бладжер; он едва успел уклониться и ощутил, как мяч взъерошил волосы.

— Осторожно, Гарри! — крикнул Джордж, пулей промчавшись мимо с битой в руке и готовясь отправить бладжер в сторону слизеринцев. Мощным ударом он послал мяч к Адриану Пьюси,

но на полпути бладжер поменял направление и вновь помчался к Гарри.

Тот резко снизился, и Джордж сумел отбить мяч в направлении Малфоя. И опять, подобно бумерангу, бладжер развернулся, нацелившись Гарри в голову.

Гарри мгновенно набрал скорость и ринулся через всё поле. Позади был слышен свист бладжера. В чём дело? Бладжеры никогда не сосредотачивались на ком-то одном; их задачей было сбить с мётел как можно больше игроков…

Фред поджидал бладжер на другом конце поля. Гарри пригнулся, а Фред замахнулся битой и как следует врезал по мячу, сбив его с курса.

— Есть! — торжествующе завопил Фред, но он ошибся; словно магнитом притянутый к Гарри, бладжер вновь погнался за ним; тому пришлось удирать на полной скорости.

Начался дождь; тяжёлые капли били по лицу, и забрызгивали очки. Он понятия не имел о ходе игры, пока не услышал комментарий Ли Джордана:

— Слизерин ведёт, счёт шестьдесят — ноль.

Первоклассные слизеринские мётлы, очевидно, справлялись со своей работой; а, между тем, сумасшедший бладжер прилагал все усилия, что-

бы сбросить Гарри на землю. Фред с Джорджем теперь кружили вокруг него, так что Гарри не видел ровно ничего, кроме мелькающих в воздухе рук; в таких условиях снич невозможно было заметить, не то что поймать.

— Кто-то… испоганил… этот… бладжер, — прокряхтел Фред, держа биту наготове на случай, если мяч снова попытается атаковать Гарри.

— Берём тайм-аут, — решил Джордж, пытаясь одновременно подать знак Пруту и не дать бладжеру сломать Гарри нос.

Прут понял сигнал. Прозвучал свисток мадам Фьюч; Гарри, Фред и Джордж устремились вниз, всё ещё уворачиваясь от спятившего мяча.

— В чём дело? — вопросил Прут, едва они окружили его; слизеринцы на трибунах глумливо гоготали. — Нас топчут. Фред, Джордж, где вы были, когда из-за бладжера Анджелина не смогла забить?

— Мы были двадцатью футами выше, Оливер, и спасали Гарри от второго бладжера! — гневно выпалил Джордж. — Кто-то заколдовал мяч, — он просто не отвяжется от Гарри. За всю игру он не погнался больше ни за кем. Наверняка слизеринская работа.

— Но бладжеры были заперты в кабинете ма-

дам Фьюч после нашей последней тренировки, а тогда с ними всё было в порядке… — встревоженно возразил Прут.

К ним направлялась мадам Фьюч. Слизеринцы за её спиной откровенно веселились, показывая на Гарри пальцами.

— Слушайте, — торопливо заговорил Гарри, пока она приближалась, — если вы так и будете мельтешить у меня перед носом, снича мне не поймать точно, если только он мне сам в рукав не залетит. Защищайте команду, а я сам разберусь с этим ненормальным.

— Не дури, — оборвал его Фред. — Он тебе голову снесёт.

Прут переводил взгляд с близнецов на Гарри.

— Оливер, это же безумие, — разозлилась Алисия Спиннет. — Неужели ты оставишь Гарри один на один с этим мячом? Нужно провести расследование…

— Если мы сейчас прервём игру, матч придётся сдать! — заспорил Гарри. — Мы не имеем права уступить Слизерину только из-за чокнутого бладжера! Оливер, скажи ты им, пусть отцепятся от меня!

— Это всё из-за тебя, — напустился на Прута Джордж. — «Поймай снич или умри», — умнее

ничего не придумал?

Мадам Фьюч подошла к ним.

— Готовы продолжать? — обратилась она к Пруту.

Прут посмотрел на полное решимости лицо Гарри.

— Да. Фред, Джордж, вы слышали Гарри, — оставьте его в покое, он справится.

Дождь всё усиливался. По свистку мадам Фьюч Гарри оттолкнулся от земли, моментально услышав позади предательский свист бладжера. Он поднимался выше и выше, петляя, пикируя, носясь зигзагами, кружа и переворачиваясь в воздухе. У Гарри слегка кружилась голова, но он все равно держал глаза широко открытыми; дождь заливал очки и затёк в ноздри, когда он повис вниз головой, уворачиваясь от очередного яростного броска бладжера. Зрители смеялись; он понимал, что выглядит донельзя глупо, но тяжёлый мяч не мог менять направление так же быстро, как Гарри; он помчался вокруг стадиона, как по американским горкам, всматриваясь сквозь серебристую завесу ливня в гриффиндорские голевые кольца, где Адриан Пьюси пытался обойти Прута…

Свист в ухе подсказал Гарри, что бладжер снова

чуть не попал по нему; он развернулся и пустился в обратную сторону.

— В балет записался, Поттер? — проорал Малфой, — Гарри как раз пришлось сделать в воздухе нелепый пируэт, спасаясь от бладжера; мяч преследовал его по пятам; и тут, с ненавистью обернувшись к Малфою, Гарри увидел его — *золотой снич*. Он порхал в паре дюймов над ухом Малфоя, — а Малфой, увлечённо дразня Гарри, не замечал его.

На одно мучительное мгновение Гарри замер в воздухе, не решаясь броситься к Малфою, — вдруг тот поднимет голову и увидит снич

БАМ.

Он опоздал всего на секунду. Бладжер наконец настиг его, врезавшись в локоть, и Гарри почувствовал, что кость переломилась. Ничего не соображая, ослеплённый жгучей болью в руке, он боком соскользнул с мокрой от дождя метлы, цепляясь за неё одним коленом; правая рука повисла плетью; бладжер снова обрушился на него, метя теперь в лицо; Гарри увильнул; в онемевшем мозгу прочно засела одна мысль: *добраться до Малфоя*.

Сквозь пелену ливня и боли он спикировал на белеющую под ним, ухмыляющуюся физионо-

мию, и глаза Малфоя расширились от страха: ему показалось, что Гарри напал на него.

— Какого… — задохнулся он, шарахаясь прочь.

Гарри отпустил древко, за которое держался здоровой рукой, и совершил неистовый рывок; пальцы сомкнулись на холодном сниче, но теперь он сжимал метлу одними коленями; зрители внизу завопили, — он начал стремительно падать, изо всех сил стараясь не потерять сознание.

С громким всплеском он шлёпнулся в грязь и скатился с метлы. Рука болталась под каким-то странным углом; пронизанный болью, он слышал, словно на расстоянии, оглушительные крики и свист. Он сфокусировал взгляд на зажатом в здоровой руке сниче.

— Ага, — невнятно произнёс он. — Выиграли, — и отключился.

Он пришёл в себя, всё ещё лёжа на поле; дождь бил в лицо; кто-то склонился над ним. Блеснули зубы.

— О, нет, только не вы, — простонал он.

— Сам не понимает, что говорит, — громко сообщил Локарт встревоженным гриффиндорцам, толпящимся вокруг них. — Не волнуйся, Гарри. Я вылечу твою руку.

— *Нет!* — запротестовал Гарри. — Я уж лучше

так, спасибо…

Он попытался сесть, но боль была невыносимой. Поблизости раздался знакомый щелчок.

— Колин, я не хочу, чтобы ты это снимал, — громко заявил он.

— Ложись, Гарри, — заботливо уговаривал Локарт. — Это простенькие чары, я их столько раз практиковал…

— А может, я всё же пойду в больничное крыло? — сквозь сжатые зубы выдавил Гарри.

— Правда, профессор, — заметил облепленный грязью Прут, не в силах удержаться от довольной улыбки, несмотря на травму своего следопыта. — Отлично сработано, Гарри, правда, зрелищно, по мне, так лучший твой бросок…

Сквозь дебри окружавших его ног, Гарри заметил Фреда с Джорджем, запихивавших этот ненормальный бладжер в ящик. Мяч всё ещё отчаянно боролся.

— Отойдите, — велел Локарт, засучив нефритово-зелёные рукава.

— Нет — не надо… — слабо попросил Гарри, но Локарт уже вращал палочкой, в следующий миг направив её на сломанную руку.

Странное, неприятное ощущение возникло в плече и распространилось до кончиков паль-

цев. Из руки словно выпускали воздух. Гарри не осмеливался взглянуть, в чём дело. Он, зажмурившись, отвернулся, но его худшие страхи подтвердились: толпившиеся над ним люди ахнули, а Колин Криви защёлкал камерой со скоростью света. Рука больше не болела, — только по ощущениям теперь и близко её не напоминала.

— Ой, — сказал Локарт. — Что ж… бывает. Но главное — перелома больше нет. И прошу это заметить. Так что, Гарри, доковыляй сам как-нибудь до больничного крыла, — а, мистер Уисли, мисс Грейнджер, не проводите его? — а там мадам Помфри сумеет… эмм… привести тебя в порядок.

Поднимаясь на ноги, Гарри ощутил, что его както странно перекосило. Набрав в грудь побольше воздуха, он перевёл взгляд на правый бок. От увиденного он чуть снова не лишился чувств.

Из рукава торчало нечто вроде раздутой резиновой перчатки телесного цвета. Он попытался пошевелить пальцами. Безрезультатно.

Локарт не срастил кости. Он их удалил.

* * *

Мадам Помфри отнюдь не была в восторге.

— Нужно было сразу же идти ко мне! — бушевала она, поддерживая нечто жалкое, безжиз-

ненное, лишь полчаса назад бывшее здоровой рукой. — Вылечить перелом — секундное дело, но вырастить новые кости…

— Но вы ведь сможете, да? — ужаснулся Гарри.

— Разумеется, но будет больно, — угрюмо сообщила мадам Помфри, протягивая Гарри пижаму. — Ночевать придётся здесь…

Гермиона ждала за ширмой возле постели Гарри, пока Рон помогал ему натянуть пижаму. Бескостная рука упорно не желала лезть в рукав.

— Ну как, Гермиона, будешь и дальше защищать Локарта? — позвал Рон, протаскивая ватные пальцы Гарри в манжету. — Гарри просто мечтал остаться без костей.

— Каждый может ошибиться, — возразила Гермиона. — Зато рука не болит, ведь так, Гарри?

— Не болит, — подтвердил Гарри, залезая в постель. — Правда, ничего другого она тоже не делает.

Он прыгнул на кровать, и рука бессмысленно заколыхалась.

Гермиона и мадам Помфри зашли за ширму. Мадам Помфри несла большую бутыль с надписью «Скелерост».

— Тебе предстоит тяжёлая ночь, — заявила она, наливая кубок дымящейся жидкости и

протягивая ему. — Растить кости — занятие малоприятное.

Принимать «Скелерост», как выяснилось, тоже. Он обжигал рот и горло; Гарри закашлялся, разбрызгивая микстуру. Всё ещё возмущаясь по поводу опасного спорта и некомпетентных учителей, мадам Помфри удалилась; Рон с Гермионой остались и помогли Гарри запить лекарство водой.

— Зато мы выиграли, — вспомнил Рон, и лицо его озарилось улыбкой. — Классно ты его поймал. Видел бы ты лицо Малфоя… казалось, он вот-вот кого-нибудь убьёт!

— Хотела бы я знать, что он сделал с бладжером, — мрачно добавила Гермиона.

— Зададим ему этот вопрос вместе с другими, когда будет готов Метаморс, — отозвался Гарри, опускаясь на подушки. — Надеюсь, на вкус он получше, чем эта дрянь…

— С кусочками-то слизеринцев? — фыркнул Рон. — Это типа шутка?

Дверь распахнулась. В больничное крыло ворвалась гриффиндорская команда, все грязные и промокшие насквозь.

— Ну ты и летал сегодня — просто невероятно, Гарри, — воскликнул Джордж. — Только что

видел, как Флинт орал на Малфоя. Что-то насчёт того, как некоторые не могут заметить снич, даже когда он у них на макушке. Вид у Малфоя был не больно радостный.

Они принесли с собой пирожки, сладости и бутылочки тыквенного сока; собрались вокруг постели Гарри и только собрались устроить грандиозный пир, как подоспела мадам Помфри, крича:

— Мальчику нужен покой, ему тридцать три кости растить! Марш отсюда! МАРШ!

Гарри остался в одиночестве, и уже ничто не отвлекало его от пульсирующей боли в неподвижной руке.

* * *

Несколькими часами позже, Гарри вдруг проснулся в кромешной темноте и издал сдавленный крик: руку словно усеяли крупными занозами. Сперва Гарри показалось, что это его и разбудило. И тут, с дрожью ужаса, он осознал, что кто-то вытирал ему губкой лоб.

— Перестань! — выпалил он, а потом, — *Добби!*

Вытаращенные, размером с теннисные мячи, глаза уставились на Гарри из черноты. По длинному, заострённому носу бежала одинокая слеза.

— Гарри Поттер вернулся в школу, — горестно прошептал он. — А Добби столько раз предупреждал Гарри Поттера. Ах, сэр, почему вы не послушали Добби? Почему Гарри Поттер не уехал домой, когда пропустил поезд?

Гарри приподнялся на локтях и оттолкнул губку.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. — И откуда знаешь, что я не попал на поезд?

У Добби задрожали губы, и Гарри охватило внезапная подозрение.

— Так это был *ты*! — медленно проговорил он. — *Ты* перекрыл барьер, чтобы мы не прошли на платформу!

— Да, сэр, правда, — признал Добби, энергично кивая; уши его заколыхались. — Добби спрятался и наблюдал за Гарри Поттером, и запечатал проход, и потом Добби пришлось прижечь себе руки утюгом, — он продемонстрировал Гарри все десять длинных забинтованных пальцев, — но Добби было всё равно, сэр, ведь он решил, что Гарри Поттер в безопасности, но Добби и во сне *не могло* присниться, что Гарри Поттер доберётся до школы другим способом!

Он раскачивался вперёд и назад, тряся уродливой головой.

— Добби был так потрясён, когда услышал, что Гарри Поттер снова в Хогвартсе, он даже сжёг ужин хозяина! Такой порки Добби ещё не получал, сэр…

Гарри опять плюхнулся на подушки.

— Из-за тебя нас с Роном чуть не исключили, — свирепо сказал он. — Лучше исчезни, пока у меня не выросли кости, а то я тебя, чего доброго, придушу.

Добби слабо улыбнулся.

— Добби привык к угрозам, сэр. Хозяева обещают прибить Добби по пять раз на дню.

Он высморкался в уголок замызганной наволочки, в которую был одет, и вид его был так жалок, что Гарри невольно перестал сердиться.

— Зачем ты носишь это, Добби? — с любопытством спросил он.

— Это, сэр? — повторил Добби, дёрнув за наволочку. — Это знак рабства, сэр. Добби может освободиться, только если хозяева подарят ему одежду, сэр. А семья Добби остерегается давать ему в руки даже носок, сэр, ведь тогда он сможет навсегда покинуть их дом.

Добби утёр вытаращенные глаза и неожиданно заявил:

— Гарри Поттер *должен* уехать домой! Добби

думал, его бладжер убедит…

— *Твой* бладжер? — переспросил Гарри, и злость вспыхнула в нём с новой силой. — Что значит «*твой* бладжер»? *Ты* заколдовал этот мяч? Чтобы он меня убил?

— Не убил, сэр, не убил! — воскликнул шокированный Добби. — Добби хочет спасти жизнь Гарри Поттеру! Лучше быть дома, с тяжёлыми травмами, чем оставаться здесь, сэр! Добби только хотел, чтобы Гарри Поттер пострадал достаточно, — чтобы были причины отправить его домой!

— Да неужели, всего-то? — гневно уточнил Гарри. — Может, объяснишь, *почему* ты собирался отправить меня домой по частям?

— Ах, если бы Гарри Поттер только знал! — простонал Добби, и слёзы закапали на истрёпанную наволочку. — Если бы он знал, сколько значит для нас, презренных, порабощённых, для нас, отбросов магомира! Добби помнит, что творилось, когда Тот-Кого-Нельзя-Называть был на вершине власти, сэр! С нами, домовыми эльфами, обращались как с недостойными насекомыми, сэр! Конечно, к Добби до сих пор так относятся, сэр, — признал он, промокнув лицо краем наволочки. — Но в основном, сэр, для моего народа

жизнь стала лучше, когда вы одержали победу над Сами-Знаете-Кем. Гарри Поттер выжил, а Тёмный Лорд был повержен, и взошла новая заря, сэр, и Гарри Поттер засиял как луч светоч надежды для тех из нас, кто думал, что чёрные дни никогда не минуют, сэр… А теперь, в Хогвартсе скоро произойдёт ужасное, и, может быть, уже происходит; Добби не может допустить, чтобы Гарри Поттер остался в школе теперь, когда история повторяется, когда Камера Секретов вновь открыта…

Добби замер, поражённый ужасом, схватил с тумбочки Гарри кувшин с водой и со всей силы треснул им себя по голове, свалившись с кровати. Секундой позже, он заполз обратно, — глаза его съехали к переносице, — бормоча:

— Добби плохой, очень плохой…

— Так Камера Секретов *существует*? — прошептал Гарри. — И, ты сказал, она уже *раньше* открывалась? *Скажи* мне, Добби!

Он схватил Добби за костлявое запястье, поскольку эльф опять потянулся к кувшину.

— Но я не магглорождённый, — чем может быть для меня опасна Камера?

— Ах, сэр, не спрашивайте, не спрашивайте ни о чём бедного Добби, — пролепетал эльф, блестя

в темноте огромными глазами. — Тёмные дела затеваются в Хогвартсе, и Гарри Поттеру лучше уехать отсюда, прежде чем случится самое страшное, — уезжайте домой, Гарри Поттер, уезжайте. Гарри Поттеру нельзя вмешиваться, сэр, это слишком опасно…

— Кто это, Добби? — упорствовал Гарри, крепко держа Добби за руку, не давая ему снова побить себя кувшином. — Кто открыл Камеру? Кто открыл её в прошлый раз?

— Добби не может сказать, Добби не может, Добби не должен! — пропищал эльф. — Уезжайте, Гарри Поттер, уезжайте домой!

— Никуда я не поеду! — рассвирепел Гарри. — Моя лучшая подруга — из магловой семьи; она первая пострадает, если Камера и впрямь открыта…

— Гарри Поттер рискует жизнью ради друзей! — простонал Добби в некоем горестном экстазе. — Такой великодушный! Такой отважный! Но он обязан спасти себя, обязан, Гарри Поттер не должен…

Добби внезапно осёкся; его уши затрепетали. Гарри тоже что-то услышал: из коридора донеслись чьи-то шаги.

— Добби должен уйти, — в ужасе выдохнул

эльф. Громкий щелчок, — и Гарри уже сжимал воздух вместо запястья Добби. Он быстро откинулся на кровать, пристально следя за входом в больничное крыло; шаги становились отчётливее.

В следующий миг в палату вошёл, пятясь, Дамблдор, в длинном шерстяном халате и ночном колпаке. Он поддерживал за голову что-то, напоминавшее статую. Тут же появилась и профессор Макгонаголл, нёсшая ноги. Вместе они дотащили статую до ближайшей кровати.

— Позови мадам Помфри, — шёпотом попросил Дамблдор, и профессор Макгонаголл скрылась из виду, торопливо пройдя мимо изножья кровати Гарри. Тот лежал неподвижно, притворяясь спящим. Послышались взволнованные голоса, и в поле зрения снова появилась профессор Макгонаголл в сопровождении мадам Помфри, — та набрасывала кардиган поверх ночной рубашки. Раздался судорожный вдох.

— Что произошло? — шёпотом спросила мадам Помфри у Дамблдора, склоняясь над статуей.

— Ещё одно нападение, — ответил Дамблдор. — Минерва нашла его на лестнице.

— Рядом лежала гроздь винограда, — прибавила профессор Макгонаголл. — Похоже, он улизнул

из спальни, чтобы навестить Поттера.

Желудок у Гарри словно завязали в узел. Медленно, осторожно, он приподнялся на пару дюймов, чтобы взглянуть на статую. На её лицо падал луч лунного света.

Это был Колин Криви. Глаза его были широко раскрыты, руки — вытянуты вперёд, крепко сжимая камеру.

— Обратили в камень? — прошептала мадам Помфри.

— Да, — подтвердила профессор Макгонаголл. — Но мне страшно даже представить… Не пойди тогда Альбус за горячим шоколадом… кто знает, что могло…

Все трое не отводили глаз от Колина. Затем Дамблдор наклонился к нему и высвободил камеру из цепкой хватки мальчика.

— Как думаешь, он успел снять нападавшего? — с надеждой предположила профессор Макгонаголл.

Дамблдор не ответил. Он снял заднюю панель.

— Господи помилуй! — воскликнула мадам Помфри.

Камера задымилась. Гарри, через три кровати, уловил едкий запах горелого пластика.

— Расплавилась, — неверяще проговорила ма-

дам Помфри. — Вся расплавилась…

— Что это *значит*, Альбус? — настойчиво спросила профессор Макгонаголл.

— Это значит, — ответил Дамблдор, — что Камера Секретов действительно открыта вновь.

Мадам Помфри прижала ладонь ко рту. Профессор Макгонаголл уставилась на Дамблдора.

— Но, Альбус… помилуйте… *кто же*?..

— Вопрос не в том, *кто*, — ответил Дамблдор, не спуская глаз с Колина, — вопрос в том, *как*…

И, судя по лицу профессора Макгонаголл, поняла она эти слова не лучше Гарри.

Глава одиннадцатая
ДУЭЛЬНЫЙ КЛУБ

Воскресным утром Гарри обнаружил, что палата залита ослепительным зимним солнцем, а кости восстановлены, хотя рука двигалась с трудом. Он быстро сел в постели и взглянул на кровать Колина, но ту уже отгородили ширмой, за которой Гарри вчера переодевался. Увидев, что пациент проснулся, мадам Помфри, с завтраком на подносе, поспешила к нему и принялась ощупывать и разминать руку и каждый палец.

— Все в порядке, — сообщила она, пока Гарри неуклюже ел кашу левой рукой. — Когда поешь, можешь идти.

Он наспех оделся и помчался в гриффиндорскую башню, в надежде поскорее рассказать Рону с Гермионой про Колина и Добби, но друзей там не оказалось. Гарри решил поискать их, гадая, куда они могли уйти, и слегка обидевшись, что им неинтересно, выросли у него кости или нет.

По пути Гарри наткнулся на вышедшего из библиотеки Перси, — тот пребывал в гораздо лучшем настроении, чем во время их прошлой встречи.

— О, здравствуй, Гарри, — улыбнулся он. — Ты вчера прекрасно сыграл, прекрасно. Гриффиндор теперь лидирует в соревновании за Школьный Кубок — ты заработал пятьдесят баллов!

— Ты, случайно, не видел Рона или Гермиону? — спросил Гарри.

— Случайно не видел, — покачал головой Перси, и его улыбка поблёкла. — Надеюсь, Рон не забрёл опять в *женский туалет*...

Гарри выдавил смешок, дождался, пока Перси свернёт за угол, и направился прямо в туалет Мученицы Мирты. Он не понимал, что там опять понадобилось Рону и Гермионе, но, убедившись, что поблизости не видно ни Филча, ни префектов, толкнул дверь, — из запертой кабинки доносились их голоса.

— Это я, — сообщил он, закрывая за собой дверь. В кабинке что-то бухнуло, раздался всплеск и испуганный вздох; в замочной скважине показался глаз Гермионы.

— *Гарри!* — произнесла она. — Как ты нас напугал — заходи — как твоя рука?

— В норме, — ответил Гарри, протискиваясь в кабинку. На унитаз был водружён старый котёл, и, судя по треску под ободком, Рон с Гермионой развели под ним огонь. Это был конёк Гермионы

— переносные, водонепроницаемые костерки.

— Мы хотели зайти за тобой, но решили заняться Метаморсом, — объяснил Рон, пока Гарри, не без труда, снова запер кабинку. — Подумали, здесь его прятать безопаснее всего.

Гарри завёл было разговор о Колине, но Гермиона его перебила:

— Мы уже знаем, — слышали сегодня утром, как профессор Макгонаголл говорила с профессором Флитвиком. Потому и решили начать поскорее.

— Чем скорее мы вырвем из Малфоя признание, тем лучше, — проворчал Рон. — Знаешь, что я думаю? После матча он просто сорвал своё поганое настроение на Колине.

— И ещё кое-что, — добавил Гарри, наблюдая, как Гермиона разрывает пучки спорыша и бросает в зелье. — Ночью ко мне приходил Добби.

Рон с Гермионой изумлённо уставились на него. Гарри пересказал им всё, что говорил Добби — или не говорил. Они слушали, приоткрыв рты.

— Так Камера Секретов и раньше открывалась? — переспросила Гермиона.

— Всё сходится, — торжествующе подытожил Рон. — Наверняка Люциус Малфой открыл Камеру, когда сам учился здесь, а теперь объяснил дорогому сыночку Драко, как это сделать. Это же

очевидно. Жаль, Добби не сказал тебе, что это за чудовище. Мне просто интересно, как это его до сих пор не заметили.

— Может быть, оно становится невидимым, — предположила Гермиона, подталкивая пиявок ко дну котла. — Или меняет обличье, — обратится, например, доспехами, — я читала про гулей-хамелеонов…

— Поменьше бы ты читала, — заметил Рон, высыпав вслед за пиявками сушёных златоглазок. Он скомкал пустой пакетик из-под них и взглянул на Гарри.

— Так это из-за Добби мы не попали на поезд, и ты сломал руку, — покачал он головой. — Знаешь что, Гарри? Если он не прекратит спасать тебе жизнь, то скоро вконец тебя угробит.

* * *

Новость, что на Колина Криви напали, и теперь он лежит, всё равно что мёртвый, в больничном крыле, к утру понедельника облетела всю школу. Воздух словно загустел от всевозможных слухов и подозрений. Первокурсники теперь передвигались по замку не иначе как тесными кучками, словно были уверены: нападут и на них, отважься они и дальше ходить поодиночке.

Джинни Уисли, сидевшая на чарах рядом с Колином, места себе не находила; Фред с Джорджем старались её как-то развлечь, но Гарри казалось, делали они это совсем неправильно. Близнецы поочерёдно обрастали мехом или нарывами и набрасывались на неё, выскакивая из-за статуй. Угомонились они, лишь когда Перси, разъярившись едва не до потери пульса, пригрозил написать матери и рассказать, что Джинни снятся кошмары.

Между тем среди учеников, втайне от профессоров, началась тотальная распродажа талисманов, амулетов и прочих оберегов. Невилл Лонботтом обзавёлся солидных размеров, дьявольски вонючей зелёной луковицей, заострённым сиреневым кристаллом и полусгнившим хвостом тритона; другие гриффиндорцы, правда, доказывали, что ему ничто не грозит, — он ведь чистокровный, так что вряд ли на него нападут.

— Первым был Филч, — со страхом возражал Невилл. — А всем известно, что я почти что бессиль.

* * *

На второй неделе декабря профессор Макгонаголл, по обыкновению, обошла класс, составляя

список учеников, собиравшихся провести Рождество в Хогвартсе. Гарри, Рон и Гермиона записались; Малфой, как они слышали, тоже оставался — более чем подозрительно. Каникулы были бы идеальной возможностью, попытаться вытянуть его на разговор, приняв Метаморс.

Увы, зелье было готово лишь наполовину. Им по-прежнему не хватало рога двурога и чешуи бумсланга, а раздобыть их можно было только в личных запасах Снейпа. Хотя Гарри скорее бы встретился с легендарным слизеринским монстром, чем попался Снейпу, обшаривая его кабинет.

— Нужно провести отвлекающий манёвр, — воодушевлённо сообщила им Гермиона накануне сдвоенного урока зелий в четверг. — Тогда кто-нибудь из нас проберётся в кабинет Снейпа и заберёт ингредиенты.

Гарри и Рон испуганно посмотрели на неё.

— Красть лучше мне, — продолжала Гермиона будничным тоном. — Вас двоих исключат, если поймают ещё на чём-нибудь, а у меня репутация чистая. Ваша задача — устроить небольшой переполох и отвлечь Снейпа минут на пять.

Гарри слабо улыбнулся. Умышленно устраивать переполох на уроке Снейпа — всё равно что

тыкать в глаз спящего дракона.

Уроки зелий проходили в одном из просторных подземелий. В четверг занятие ничем не отличалось от других. Между деревянными столами с латунными весами и ингредиентами стояли двадцать котлов. В поднимавшихся над ними парах расхаживал Снейп, отпуская язвительные комментарии в адрес гриффиндорцев, а слизеринцы одобрительно хихикали. Малфой, любимчик Снейпа, то и дело швырялся в Гарри и Рона рыбьими глазами, а они знали: ответят тем же — заработают наказание быстрее, чем успеют сказать «нечестно».

Раздувающий раствор вышел у Гарри чересчур жидким, но сегодня на уме у него были вещи поважнее. Он дожидался сигнала Гермионы и даже не особо прислушивался, когда Снейп, задержавшись у его стола, посмеивался над его водянистым зельем. Едва Снейп отвернулся и отошёл, намереваясь отчитать Невилла, Гермиона встретилась с Гарри взглядом и кивнула.

Гарри мгновенно съёжился за котлом, вытащил из кармана взятую у Фреда петарду Филибустера и ткнул в неё палочкой. Петарда зашипела и заискрилась. Понимая, что в запасе у него считанные секунды, Гарри выпрямился и запустил её в

воздух; она попала точно в цель — в котёл Гойла.

Варево Гойла взорвалось, окатив брызгами весь класс. Все закричали; Малфою залило лицо, и нос его начал раздуваться, как воздушный шар; Гойл слепо метался туда-сюда, прижав ладони к глазам, выросшим до размеров суповых тарелок; Снейп пытался восстановить порядок и понять, в чём дело. Пользуясь всей этой суматохой, Гермиона бесшумно выскользнула за дверь.

— Тихо! ТИХО! — рычал Снейп. — Пострадавшие, подойдите сюда за дозой Сдувательного Снадобья, и когда я выясню, кто это сделал…

Гарри с трудом удержался от смеха, глядя, как Малфой торопливо семенит вперёд, сгорбившись под тяжестью носа величиной с небольшую дыню. Пока ещё полкласса ковыляли к столу Снейпа, — кто-то с волочащимися по полу руками, кто-то со вспухшими губами, мешающими говорить, — Гермиона проскользнула обратно в класс; под мантией у неё что-то топорщилось.

Когда все выпили по глотку антидота и всевозможные опухоли исчезли, Снейп подошёл к котлу Гойла и выудил оттуда обгорелый кусок петарды. Воцарилась полная тишина.

— Если я узнаю, кто это бросил, — прошипел Снейп, — я лично позабочусь, чтобы его исклю-

чили.

Гарри изобразил на лице, как он надеялся, выражение крайнего замешательства. Снейп сверлил его взглядом, и колокол, прозвонивший через десять минут, оказался как никогда кстати.

— Он знал, что это я. Видно было, — сказал Гарри Рону с Гермионой, когда они торопливо направлялись в туалет Мученицы Мирты. — Я сразу понял.

Гермиона высыпала новые составляющие в котёл и принялась лихорадочно помешивать.

— Будет готово через две недели, — радостно объявила она

— Снейп ничего не докажет, — заверил его Рон. — Что он может сделать?

— Зная Снейпа, — какую-нибудь гадость, — вздохнул Гарри, пока зелье пенилось и пузырилось.

* * *

Неделей позже Гарри, Рон и Гермиона, идя по Вестибюлю, заметили, что возле стенда с объявлениями толпятся ученики, читая только что вывешенную записку. Шеймас Финниган и Дин Томас взволнованно замахали им.

— Открывается Дуэльный клуб! — объяснил

Шеймас. — Сегодня первое собрание! Дуэльные занятия — очень кстати; могут скоро пригодиться…

— По-твоему, слизеринский монстр станет драться на дуэли? — хмыкнул Рон, но тоже с интересом прочёл объявление.

— Может, и будет что-нибудь полезное, — предположил он, вместе с Гарри и Гермионой направляясь на ужин. — Пойдём?

Гарри и Гермиона были только «за», так что в восемь вечера все трое вернулись в Большой Зал. Столы колледжей исчезли, а возле стены появился золотой помост, освещаемый тысячами парящих в воздухе свечей. Под бархатно-чёрным потолком, похоже, собралась большая часть школы, — все с палочками и взволнованы.

— Интересно, кто нас будет учить? — задумалась Гермиона, пробираясь к помосту сквозь толпу. — Кто-то говорил, Флитвик был в молодости чемпионом по дуэлям, — может быть, он?

— Лишь бы только не… — начал было Гарри, но тут же осёкся со стоном: на помост вышел Гилдерой Локарт, в роскошных одеждах сливового цвета и сопровождаемый не кем иным, как Снейпом, в своей привычной чёрной мантии.

Локарт взмахнул рукой, требуя тишины:

— Подходите ближе, ближе! Всем меня видно? Всем меня слышно? Прекрасно!

Итак, с позволения профессора Дамблдора я организовал этот дуэльный клуб, дабы научить вас обороняться от чего бы то ни было, — как и мне самому приходилось множество раз, — все подробности в моих книгах.

Позвольте представить, мой ассистент — профессор Снейп, — продолжал Локарт, ослепительно улыбнувшись. — Он утверждает, что кое-что понимает в дуэлях, и поэтому любезно согласился помочь мне устроить небольшую демонстрацию, прежде чем мы начнём. Но не беспокойтесь, молодёжь, — после поединка я верну вам зельедела в целости и сохранности!

— Правда, классно будет, если они друг друга прикончат? — шепнул Рон на ухо Гарри.

Снейп кривил верхнюю губу. Гарри не мог взять в толк, почему Локарт по-прежнему улыбается; посмотри так Снейп *на него*, он бы уже бежал отсюда со страшной скоростью.

Локарт и Снейп повернулись лицом друг к другу и поклонились: по крайней мере Локарт поклонился, вращая кистями рук, а Снейп раздражённо дёрнул головой. После чего оба подняли палочки на манер шпаг.

— Как видите, мы держим палочки в общепринятой боевой позиции, — растолковывал Локарт безмолвной толпе. — На счёт «три» произносятся первые заклинания. Смертельных проклятий, разумеется, никто применять не станет.

— Я бы за это не поручился, — пробормотал Гарри, глядя, как Снейп обнажил зубы.

— Раз — два — три…

Оба взмахнули палочками над головой и направили их на противника; Снейп выкрикнул: «*Expelliarmus!*». Вспыхнул ослепительный алый свет; Локарта сбило с ног и отбросило с помоста; он врезался в стену, и, соскользнув по ней, распластался на полу.

Малфой и другие слизеринцы одобрительно засмеялись. Гермиона пританцовывала на цыпочках.

— Он не ушибся? — пропищала она сквозь прижатые ко рту пальцы.

— Да всем плевать! — хором ответили Гарри и Рон.

Локарт, пошатываясь, вставал на ноги. Шляпа его съехала набок, а кудри встали дыбом.

— Что ж, вот вам и демонстрация! — заявил он, нетвердым шагом поднимаясь обратно на помост. — Это были Разоружающие чары, — как

видите, я лишился палочки, — а, спасибо, мисс Браун, — да, неплохая идея — продемонстрировать им это, профессор Снейп, но, — вы уж меня простите, — проще простого было предугадать ваши действия. Пожелай я отразить ваш удар, это было бы более чем элементарно, — однако, я посчитал, ученикам полезно увидеть…

Вид у Снейпа был убийственный. Возможно, это заметил и Локарт, поскольку тут же он произнес:

— Перейдём к практике! Теперь, пожалуй, я разобью вас на пары. Профессор Снейп, не поможете мне?

Они двинулись через толпу, деля учеников на пары; Локарт поставил Невилла против Джастина Финч-Флечли, но Снейп прежде всего направился к Гарри и Рону.

— Пришло время разрушить вашу идиллию, — холодно усмехнулся он. — Уисли, встаньте против Финнигана. Поттер…

Гарри автоматически шагнул к Гермионе.

— А вот и нет, — язвительно улыбнулся Снейп всё с той же холодной усмешкой. — Мистер Малфой, подойдите сюда. Посмотрим, как знаменитый Гарри Поттер сразится с вами. А вы, мисс Грейнджер, — составьте пару мисс Бульстрод.

Малфой, ухмыляясь, с напыщенным видом

зашагал к ним. Позади него протопала слизеринка, живо напомнившая Гарри иллюстрацию из книги «*Каникулы с Каргой*». Она была крупной, квадратной, а ее нижняя челюсть агрессивно выступала вперёд. Гермиона слабо улыбнулась девочке, но никакой реакции не получила.

— Повернитесь лицом к напарнику! — командовал Локарт, вернувшись на помост. — И поклонитесь!

Гарри и Малфой едва заметно кивнули, неотрывно глядя друг на друга.

— Палочки наизготовку! — кричал Локарт. — На счёт «три» попытайтесь заклинанием обезоружить оппонента — *только* обезоружить — нам не нужны несчастные случаи — раз… два… три!

Гарри вскинул палочку, но Малфой начал на счёт «два»: его заклятие оказалось такой силы, что Гарри показалось, будто его огрели по голове сковородкой. Он покачнулся, но, кажется, обошлось без травм, и Гарри, не теряя времени, ткнул палочкой в сторону Малфоя и выкрикнул:

— *Rictusempra!*

Луч серебристого света ударил Малфоя в живот, и он, захрипев, согнулся пополам.

— *Я сказал, только обезоружить!* — обеспокоенно заголосил Локарт поверх голов дуэлянтов, —

Малфой упал на колени; Гарри наслал на него чары Щекотки, и от хохота тот едва мог пошевелиться. Гарри опустил палочку, смутно чувствуя, что несправедливо добивать Малфоя, когда тот лежит на полу, — это было ошибкой; ловя ртом воздух, Малфой указал палочкой на колени Гарри и выдавил: *«Tarantallegra!»* — в следующий миг, ноги Гарри бесконтрольно задёргались в подобии квикстепа.

— Прекратить! Прекратить! — надсаживался Локарт, но тут вмешался Снейп.

— *FiniteIncantatem!* — произнёс он; ноги Гарри прекратили отплясывать, Малфой перестал хохотать, и они смогли оглядеться по сторонам.

Над залом клубился зеленоватый дым. Невилл и Джастин, тяжело дыша, лежали на полу; Рон поддерживал пепельно-серого Шеймаса под руки, извиняясь за всё, что натворила его сломанная палочка; но Гермиона и Милисента Бульстрод по-прежнему сражались; Милисента держала Гермиону в захвате, а та скулила от боли; их палочки за ненадобностью валялись на полу. Гарри бросился к ним и оттащил Милисенту от Гермионы. Задача оказалась нелёгкая: она была много тяжелее него.

— Ох, ох, — причитал Локарт, бегая от одного

дуэлянта к другому и обозревая последствия баталий. — Вставайте, Макмиллан… Осторожнее, мисс Фосетт… Бут, прижмите покрепче, кровь сразу остановится…

— Полагаю, лучше научить вас блокировать недружественные заклятия, — растерянно проговорил Локарт, стоя посреди зала. Он покосился на Снейпа, — тот сверкнул глазами, — и быстро отвёл взгляд. — Давайте выберем добровольцев, — Лонботтом, Финч-Флечли, что думаете?

— Неудачная идея, профессор Локарт, — прервал его Снейп, приблизившись скользящим движением, словно огромный, злобный нетопырь. — Лонботтом способен устроить хаос простейшим заклинанием. Останки Финч-Флечли впору будет отправлять в больничное крыло в спичечном коробке.

И без того розоватое лицо Невилла зарделось еще ярче.

— Как насчёт Малфоя и Поттера? — с кривой усмешкой предложил Снейп.

— Прекрасная мысль! — поддержал Локарт, жестом приглашая Гарри и Малфоя в середину зала; остальные потеснились, освобождая место.

— Так, Гарри, — сказал Локарт. — Когда Драко направит на тебя палочку, выполни *вот такой*

приём.

Он поднял собственную палочку, принялся вырисовывать в воздухе сложный узор и выронил её. Снейп иронически усмехнулся, а Локарт спешно подобрал палочку с пола со словами: «Упс, — похоже моя палочка немного разыгралась».

Снейп приблизился к Малфою, и, наклонившись, прошептал что-то ему на ухо. Тот тоже ухмыльнулся. Гарри нервно взглянул на Локарта и попросил:

— Профессор, не могли бы вы повторить тот защитный приём?

— Испугался? — пробормотал Малфой так, чтобы Локарт его не слышал.

— Не дождёшься, — прошипел Гарри уголком рта.

Локарт весело потрепал Гарри по плечу:

— Просто сделай то, что сделал я, Гарри!

— Что, палочку уронить?

Но Локарт уже не слушал.

— Три — два — один — начали!

Малфой поднял палочку и взревел:

— *Serpensortia!*

Палочка оглушительно выстрелила. Гарри, ошеломлённый, смотрел, как из неё вылетела

длинная чёрная змея, тяжело упала на пол между ними и приподнялась, приготовившись к броску. Кто-то закричал; толпа спешно попятилась.

— Не двигайтесь, Поттер, — лениво протянул Снейп, явно наслаждаясь видом Гарри, который оцепенел, оказавшись лицом к лицу с разъярённой змеёй. — Я её уберу…

— Позвольте мне! — крикнул Локарт. Он помахал палочкой перед змеёй, и раздался громкий хлопок; змея, однако, не исчезла, а взлетела в воздух на десять футов и снова шлёпнулась на пол. Окончательно рассвирепев, яростно шипя, она заскользила к Джастину Финч-Флечли и приподнялась, обнажив клыки, готовая напасть.

Гарри сам не понял, почему так поступил. Он не успел даже осознать, что делает. Он просто почувствовал, как ноги, словно на роликах, понесли его вперёд, и глупейшим образом закричал на змею: «Отстань от него!» И — невероятно, необъяснимо, но — змея послушно улеглась на пол, словно толстый, чёрный садовый шланг, глядя только на Гарри. От испуга Гарри не осталось и следа. Он точно знал, что змея теперь никого не тронет, — хотя не мог объяснить, откуда знал это.

Он, ухмыляясь, поднял взгляд на Джастина, думая увидеть на его лице облегчение, или заме-

шательство, или даже благодарность, — но точно не злость и страх.

— Ты что творишь? — выкрикнул он, и, не успел Гарри и слова вставить, развернулся и выскочил из Большого Зала.

Снейп выступил вперёд, взмахнул палочкой, и змея исчезла, став небольшим облачком чёрного дыма. Снейп тоже смотрел на Гарри как-то странно: это был проницательный, что-то вычисляющий взгляд, и Гарри он не понравился. Краем уха он слышал нёсшееся отовсюду настороженно-зловещее бормотание. Вдруг он почувствовал, как кто-то тянет его сзади за мантию.

— Пошли, — раздался у него над ухом голос Рона. — Давай — пошли…

Рон выволок его из Большого Зала; Гермиона бежала рядом. Когда они подошли к дверям, люди с обеих сторон отпрянули, словно боялись чем-то от него заразиться. Гарри понятия не имел, в чём дело, а Рон с Гермионой объяснять ничего не собирались; только дотащив Гарри до пустой гриффиндорской гостиной, Рон толкнул его в кресло и заговорил:

— Ты трегуб. Почему ты не рассказал нам?

— Кто я? — переспросил Гарри.

— *Трегуб!* Ты говоришь со змеями!

— Знаю, — кивнул Гарри. — В смысле, это только второй раз. Я как-то нечаянно натравил удава в зоопарке на своего кузена, Дадли, — долгая история — но он сказал мне, что никогда не бывал в Бразилии, и я его выпустил, — это случайно вышло, — я тогда ещё не знал, что колдун…

— Удав сказал тебе, что никогда не бывал в Бразилии? — слабым голосом повторил Рон.

— И что? — не понял Гарри. — Уверен, многие здесь могут говорить со змеями.

— Да нет, не могут, — покачал головой Рон. — Это очень редкий дар. Гарри, это плохо.

— Что плохого? — выпалил Гарри, начиная всерьёз злиться. — Да что на вас всех нашло? Если бы я не велел змее оставить Джастина в покое…

— Так ты *это* ей сказал?

— В смысле? Ты же был там, ты слышал меня…

— Я слышал, как ты говорил на трегубом языке, — настаивал Рон. — Змеином языке. Ты мог сказать всё что угодно, — неудивительно, что Джастин запаниковал, казалось, ты подгонял змею к нему или ещё что-то, — знаешь, жутковато это выглядело…

Гарри вытаращился на него.

— Я говорил на другом языке? Но — я этого даже не понял — Как я могу говорить на каком-то

языке, даже не зная, что я могу на нем говорить?

Рон пожал плечами. Вид у них с Гермионой был такой, словно кто-то умер. Гарри же в упор не понимал, что здесь такого ужасного.

— Может, вы объясните мне, что я сделал не так, не дав огромной змее откусить Джастину голову? Какая разница, как я это сделал, раз Джастину теперь не придётся вступать в Безголовое Братство?

— Разница есть, — приглушённо ответила Гермиона, наконец подав голос, — потому что умением говорить со змеями славился Салазар Слизерин. Поэтому символ Слизерина — змея.

У Гарри отпала челюсть.

— Вот именно, — закивал Рон. — И теперь вся школа решит, что ты его прапрапраправнук, или кто там…

— Но это не правда, — возразил Гарри, чувствуя, как нарастает необъяснимая паника.

— Тебе трудно будет это доказать, — отозвалась Гермиона. — Он жил тысячу лет тому назад — почём нам знать, может и правда.

* * *

Ночью Гарри несколько часов пролежал без сна. Сквозь щель между шторами над кроватью

он наблюдал, как ветер гонит первые снежинки мимо башенного окна, и размышлял…

Мог ли он быть потомком Салазара Слизерина? В конце концов, он ничего не знал о семье отца. Дёрсли запрещали ему задавать вопросы о его родственниках-колдунах.

Шёпотом, Гарри попытался сказать что-нибудь на трегубом языке. Ничего не вышло. Похоже, для этого нужно было оказаться лицом к лицу со змеёй.

Но я же в Гриффиндоре, подумал Гарри. *Будь во мне кровь Слизерина, Сортировочная Шляпа не определила бы меня сюда…*

Да, отозвался в голове противный голосок, *только Сортировочная Шляпа хотела отправить тебя в Слизерин, помнишь?*

Гарри повернулся на другой бок. Завтра, на травоведении, он встретит Джастина и объяснит, что отгонял змею, а не натравливал, и что это (сердито подумал он, ударив кулаком по подушке) должно быть ясно любому дураку.

* * *

За ночь, однако, снегопад превратился в такой буран, что последний в триместре урок травоведения пришлось отменить: профессор Саженс

хотела лично надеть на мандрагоры носки и шарфы, — это была весьма сложная процедура, и она не решалась доверить её никому. Тем более что теперь было так важно, чтобы мандрагоры выросли поскорее и вернули к жизни миссис Норрис и Колина Криви.

Гарри сокрушался по этому поводу, сидя в кресле у камина в гриффиндорской гостиной; Рон с Гермионой решили скоротать время за игрой в шахматы.

— Господи, Гарри, — сердито бросила Гермиона, — пешка Рона как раз стащила её рыцаря с коня и отволокла прочь с доски. — Если тебе это так важно, иди и *разыщи* Джастина.

И Гарри вышел из гостиной, раздумывая, где сейчас мог быть Джастин.

В замке было темнее, чем обычно днём, — все окна застила густая пелена серых снежных хлопьев. Поёживаясь, Гарри шёл мимо классных комнат, где проходили другие уроки, и до него долетали обрывки разговоров. Профессор Макгонаголл громко отчитывала кого-то, судя по всему, обратившего друга в барсука. Поборов соблазн заглянуть в класс, Гарри прошагал мимо; ему пришло в голову, что Джастин, возможно, пользуется свободным временем, трудясь над

домашним заданием; так что он решил сперва проверить библиотеку.

В дальнем конце библиотеки, и правда, сидели несколько хуфльпуфцев, у которых сейчас должно была быть травоведение, но заняты они были явно не учёбой. В просветах между книжными полками было видно их склонённые друг к другу головы; похоже, они что-то бурно обсуждали. Он не мог разглядеть, был ли среди них Джастин. Гарри уже шёл к ним, как вдруг до его ушей долетел обрывок их разговора, и он остановился послушать, укрывшись в секции Невидимости.

— В общем, — говорил пухлый мальчик, — я посоветовал Джастину спрятаться в спальне. В смысле, если Поттер наметил его следующей жертвой, ему лучше пока не высовываться. Джастин вообще-то чего-то подобного ожидал, с тех пор, как проболтался Поттеру, что он магглорождённый. *Сказал*, что был записан в Итон. Вряд ли стоит болтать о таких вещах, когда наследник Слизерина разгуливает по школе, как по-вашему?

— Значит, Эрни, ты уверен, что *это* Поттер? — с тревогой уточнила девочка со светлыми хвостиками.

— Ханна, — серьёзно ответил Эрни, — он тре-

губ. Всем известно, что это признак чёрного мага. Вы слышали, чтобы хоть один достойный колдун говорил со змеями? Самого Слизерина называли змееустом.

При этих словах все снова что-то забормотали, а Эрни продолжал:

— Помните, что было написано на стене? «Враги наследника, трепещите». Поттер как-то повздорил с Филчем. И что мы видим — на кошку Филча напали. Этот первокурсник, Колин Криви, рассердил Поттера, — сфотографировал его на квиддичном матче, лежащего в грязи. И вот, пожалуйста — напали и на Криви.

— Но он всегда кажется таким милыми, — неуверенно возразила Ханна, — и ведь это благодаря ему не стало Сам-Знаешь-Кого. Наверняка в нём есть что-то хорошее?

Эрни таинственно понизил голос, хуфльпуфцы склонились ещё ниже, и Гарри подошёл чуть ближе, чтобы расслышать его слова.

— Никто не знает, как он выжил, когда Сами-Знаете-Кто напал на него. Он ведь был только младенцем, когда это случилось. Предполагалось, что его разнесёт на кусочки. Только могущественный чёрный маг уцелел бы после такого проклятия, и, — голос Эрни был уже почти неот-

личим от шёпота, — может быть, *как раз поэтому* Сами-Знаете-Кто пытался убить его. Не хотел *конкуренции* с другим Тёмным Лордом. Хотел бы я знать, какие ещё силы скрывает Поттер?

Тут уж Гарри не выдержал и, громко кашлянув, вышел из-за книжных полок. Увиденное позабавило бы его, не будь он так зол: всех до единого хуфльпуфцев, казалось, парализовал один его вид, а с лица Эрни сбежала краска.

— Привет, — сказал Гарри. — Я ищу Джастина Финч-Флечли.

Худшие страхи хуфльпуфцев подтвердились. Все они в ужасе уставились на Эрни.

— Что — что тебе от него нужно? — дрогнувшим голосом осведомился Эрни.

— Хочу объяснить ему, что на самом деле произошло в Дуэльном клубе.

Эрни закусил побелевшую губу и, глубоко вздохнув, заявил:

— Мы все там были. И сами всё видели.

— Тогда ты заметил, что после моих слов змея отступила?

— Всё, что я видел, — упорствовал Эрни, хоть и дрожал при этом, — это как ты говорил на трегубом языке и науськивал змею на Джастина.

— Не науськивал! — выпалил Гарри, его голос

дрожал от гнева. — Она его даже не *тронула!*

— Ещё чуть-чуть, и тронула бы, — стоял на своём Эрни. — И, скажу тебе, просто на всякий случай, — быстро прибавил он, — можешь проверить мою семью до девятого колена, все они были магами и колдуньями, и кровь у меня не грязнее, чем у любого другого, так что…

— Плевать мне на твою кровь! — рассвирепел Гарри. — С какой стати я должен нападать на магглорождённых?

— Я слышал, ты ненавидишь магглов, с которыми живёшь, — мгновенно ответил Эрни.

— Невозможно жить с Дёрсли и не ненавидеть их при этом, — парировал Гарри. — Посмотрел бы я на тебя на моем месте.

Он развернулся на каблуках и вылетел из библиотеки; мадам Пинс проводила его неодобрительным взглядом, протирая золочёный переплёт тяжёлой книги.

Гарри шагал по коридору, от ярости не замечая, куда идёт. В результате, он врезался в нечто очень большое и твёрдое, и его отбросило на пол.

— А, привет, Хагрид, — сказал Гарри, подняв взгляд.

Лица Хагрида было почти не видно из-за шерстяного, облепленного снегом вязаного шлема,

но его невозможно было ни с кем спутать: исполинская фигура в кротовом пальто загораживала весь коридор. Из необъятных размеров варежки свисал мёртвый петух.

— Как жисть, Гарри? — спросил он, стянув шлем, чтобы можно было говорить. — А ты чой-то не на уроке?

— Отменили, — объяснил Гарри, поднимаясь на ноги. — А ты как тут оказался?

Хагрид поднял повыше безжизненного петуха.

— Второй уж за триместр, — сообщил он. — Толь лисица, толь бука-кровосос, вот мне разрешение директора нужно, чтоб курятник заклятьем оградить.

Он пристально поглядел на Гарри из-под мохнатых запорошенных снегом бровей.

— У тебя точно всё в порядке? Ты какой-то красный весь, расстроенный…

Гарри не мог заставить себя повторить то, что говорили о нём Эрни и другие хуфльпуфцы.

— Всё нормально, — соврал он. — Ну, я лучше пойду, Хагрид, следующим уроком преображение, а мне ещё нужно книги забрать.

Он зашагал дальше, всё ещё вспоминая слова Эрни.

«Джастин вообще-то чего-то подобного ожи-

дал, с тех пор, как проболтался Поттеру, что он магглорождённый...»

Гарри протопал вверх по лестнице и свернул в другой коридор, — здесь было особенно темно; факелы погасил сильный ледяной сквозняк из щели под оконной рамой. Он дошёл уже до середины коридора, и вдруг, споткнувшись обо что-то, растянулся на полу.

Он, обернувшись, прищурился, и желудок у него будто исчез.

На полу лежал Джастин Финч-Флечли, холодный, окоченевший; на его лице застыл шок, пустой взгляд был направлен в потолок. И это было ещё не всё. Рядом с ним находилась другая фигура, и страннее картины Гарри никогда не видел.

Это был Почти Безголовый Ник, но не жемчужно-белый и полупрозрачный, а чёрный, словно закопчёный; лёжа на спине, он неподвижно парил дюймах в шести от пола. Голова его наполовину отошла от шеи, а на лице застыло то же потрясённое выражение, что и у Джастина.

Гарри, часто дыша, поднялся на ноги; сердце в грудной клетке отбивало барабанную дробь. Он начал дико озираться по сторонам и заметил вереницу пауков, удирающих прочь от лежащих

тел. Слышны были только приглушённые голоса учителей из ближайших классов.

Можно убежать отсюда, и никто не узнает, что он был здесь. Но нельзя же просто оставить их здесь… Нужно привести кого-нибудь на помощь… Но поверят ли, что он здесь ни при чём?

Пока он стоял там в панике, дверь рядом с ним с грохотом распахнулась. Из пустой комнаты вылетел полтергейст Брюзг.

— Ага, Поттер-обормоттер! — захихикал Брюзг, пронёсшись мимо Гарри и сбив его очки набок. — Что это мы замышляем? Что мы тут вынюхиваем…

Брюзг замер, не завершив сложное сальто. Повиснув вверх тормашками, полтергейст заметил Джастина и Почти Безголового Ника. Рывком вернувшись в исходное положение, он набрал полную грудь воздуха и, не успел Гарри и рта раскрыть, завопил:

— НАПАДЕНИЕ! НАПАДЕНИЕ! ЕЩЁ ОДНО НАПАДЕНИЕ! НЕ СПАСУТСЯ НИ ЛЮДИ, НИ ДУХИ! СПАСАЙСЯ, КТО МОЖЕТ! НАПАДЕЕЕЕНИЕ!

Бах — бах — бах — двери по всему коридору пооткрывались, и из классов высыпали ученики. На несколько минут поднялся такой переполох, что Джастина едва не раздавили, а внутри Почти

Безголового Ника постоянно кто-нибудь топтался. Гарри буквально пригвоздили к стене, а преподаватели тщетно взывали к дисциплине. Примчалась профессор Макгонаголл, со своим классом, — у одного паренька волосы всё ещё были в чёрно-белую полоску. Она рассекла палочкой воздух, — та при этом издала громкий хлопок, что восстановило тишину, — и велела всем возвращаться в классы. Когда толпа немного рассеялась, появился, тяжело пыхтя, Эрни из Хуфльпуфа.

— *Попался!* — побледнев, заорал он, драматично указывая на Гарри.

— Довольно, Макмиллан! — осадила его профессор Макгонаголл.

Брюзг, теперь ехидно ухмыляясь, маячил у них над головами, взирая на происходящее; он всегда любил хаос и беспорядок. Профессора склонились над Джастином и Почти Безголовым Ником, а Брюзг затянул песню:

— Наш Гарри в ударе! Что ты натворил? Ты кучу детей ради смеха убил!..

— Довольно, Брюзг! — гаркнула профессор Макгонаголл, и Брюзг задом унёсся прочь, показывая Гарри язык.

Джастина понесли в больничное крыло про-

фессор Флитвик и профессор Синистра, преподавательница астрономии, но никто, похоже, не знал, что делать с Почти Безголовым Ником. В конце концов, профессор Макгонаголл сотворила из воздуха огромный веер и вручила его Эрни, с инструкциями, как доставить Ника вверх по лестнице. Эрни замахал веером, и Ник поплыл вперёд, похожий на безмолвный чёрный дирижабль. Гарри и профессор Макгонаголл остались одни.

— Идёмте, Поттер, — скомандовала она.

— Профессор, — сейчас же залепетал Гарри, — клянусь, я не…

— Это не в моей компетенции, Поттер, — отрезала та.

Они молча прошли по коридору, завернули за угол, и неожиданно она остановилась перед массивной, на редкость безобразной каменной горгульей.

— Лимонная шипучка! — сказала профессор. Очевидно, это был пароль, — горгулья вдруг ожила и отскочила в сторону, а стена раздвинулась. Гарри это зрелище не могло не поразить, несмотря на весь ужас перед тем, что его ожидало. За стеной оказалась винтовая лестница, плавно движущаяся вверх, как эскалатор. Гарри и про-

фессор Макгонаголл вступили на лестницу, и он услышал, как за ними сомкнулась глухая стена. Они поднимались всё выше и выше по спирали, так что у Гарри слегка закружилась голова; наконец, он увидел впереди полированную дубовую дверь с латунным молоточком в виде грифона.

Теперь он догадался, куда его привели. Должно быть, здесь живёт Дамблдор.

Глава двенадцатая
МЕТАМОРС

Они сошли с каменной лестницы на самом верху, и профессор Макгонаголл постучала в дверь. Та бесшумно отворилась; они вошли. Профессор Макгонаголл велела Гарри ждать на месте и удалилась, оставив его одного.

Гарри огляделся по сторонам. Одно было ясно: из всех учительских кабинетов, где ему пришлось побывать в этом году, директорский — самый интересный. Не будь Гарри до смерти напуган угрозой вылететь из школы, он бы радовался шансу всё здесь осмотреть.

Это была просторная, красивая круглая комната; всюду слышались какие-то странные звуки. Любопытные серебряные инструменты на тонконогих столиках жужжали и испускали облачка дыма. Стены были увешаны портретами директоров и директрис, — все они безмятежно дремали в своих рамах. Впереди возвышался письменный стол с ножками в форме когтистых лап; а на полке позади стола, — потёртая, потрёпанная — *Сортировочная Шляпа*.

Гарри заколебался. Он предусмотрительно окинул взглядом спящих чародеев и колдуний. Ничего страшного не будет, если он наденет Шляпу ещё раз? Только проверить… только убедиться, что она отправила его в нужный дом…

Он неслышно обошёл письменный стол, снял Шляпу с полки и медленно водрузил на голову. Она оказалась слишком велика и съехала ему на глаза, — так же, как тогда, год назад. В ожидании Гарри уставился на чёрную изнанку Шляпы. Затем над ухом у него раздался тихий голос:

— Все никак не успокоишься, Гарри Поттер?

— Ммм… да, — пробормотал Гарри. — Эмм… простите за беспокойство… я хотел спросить…

— …в нужный ли колледж я тебя отправила, — перебила догадливая Шляпа. — Да… определиться с тобой было не просто. Но я и сейчас держусь того, что сказала тогда, — сердце у Гарри сделало прыжок, — ты бы многого достиг в Слизерине…

В живот Гарри всё сжалось. Он взял Шляпу за кончик и стащил с головы. Она безжизненно повисла в его руке, засаленная и выцветшая. Гарри запихнул её обратно на полку; его тошнило.

— А вот и не правда, — громко заявил он умолкшей Шляпе. Та не шевельнулась. Гарри попятился, следя за ней. Тут за спиной у него

раздался странный клёкот; он резко обернулся.

Всё же он был здесь не один. На золотой жёрдочке возле двери сидела дряхлая на вид птица, напоминавшая недощипанную индейку. Гарри уставился на неё; птица мрачно посмотрела на него, снова заклекотав. Гарри подумалось, что птица явно больна. Взгляд у неё был мутный, и, пока Гарри наблюдал за ней, из хвоста выпала ещё пара перьев.

Гарри едва успел подумать, что для полного счастья ему не хватает, чтобы комнатная птичка Дамблдора умерла, когда они в кабинете одни, как вдруг ту охватили языки пламени.

Гарри потрясённо вскрикнул и, отпрянув, врезался в стол. Он лихорадочно завертел головой в поисках хотя бы стакана воды, но ничего подходящего не было; птица, тем временем, превратилась в огненный шар; испустила громкий вопль; в следующий миг, от неё осталась лишь дымящаяся горстка пепла на полу.

Дверь отворилась. С хмурым видом вошёл Дамблдор.

— Профессор, — выдохнул Гарри. — Ваша птица… я ничего не мог сделать… она вдруг загорелась…

К изумлению Гарри, Дамблдор улыбнулся.

— Давно пора, — ответил он. — Последнее время он совершенно ужасно выглядел; я уже намекал ему не тянуть с этим.

Он хохотнул при виде ошарашенного лица Гарри.

— Фокс — феникс, Гарри. Фениксы сгорают, когда приходит время умереть, и затем возрождаются из пепла. Смотри-ка…

Гарри опустил взгляд и успел увидеть, как крошечный, сморщенный новорождённый птенец высунул голову из горстки золы. Эта птица была так же уродлива, как и сгоревшая.

— Досадно, что ты увидел его в день сожжения, — заметил Дамблдор, усаживаясь за стол. — Большую часть времени он очень красив, в роскошном красно-золотом оперении. Поразительные существа — фениксы. Могут нести невероятно тяжёлый груз, их слёзы обладают целебными свойствами, и ещё, — они очень *преданные* питомцы.

Когда загорелся Фокс, Гарри напрочь забыл, из-за чего оказался здесь, но мигом всё вспомнил, едва Дамблдор устроился за столом, в кресле с высокой спинкой, и устремил на Гарри пронизывающий взор светло-синих глаз.

Но не успел Дамблдор сказать и слова, как дверь

с оглушительным грохотом распахнулась, и в кабинет ворвался Хагрид: в глазах дикий блеск, вязаный шлем болтается на макушке, чёрная шевелюра всклокочена, а в руке по-прежнему мёртвый петух.

— Эт был не Гарри, профессор Дамблдор! — зачастил Хагрид. — Мы с ним тока-тока поговорили, как уж нашли того паренька, у него и *времени-то* не было, сэр…

Дамблдор попытался что-то вставить, но словоизвержение Хагрида было неудержимо; в запале он потрясал петухом, усыпая перьями всё вокруг.

— …не он это, я, ежели надо, в Министерстве Магии чем хошь поклянусь…

— Хагрид, я…

— …вы не того схватили, сэр, я ж знаю, Гарри бы ни в коем разе…

— *Хагрид!* — прикрикнул Дамблдор. — Я и не думаю, что Гарри на кого-то нападал.

— А-а, — бормотнул Хагрид, и петух повис вниз головой. — Ясно. Раз так… снаружи подожду, господин директор.

Он со смущённым видом потопал прочь.

— Вы не думаете, что это я, сэр? — с надеждой повторил Гарри, пока Дамблдор сметал со стола

перья.

— Нет, Гарри, не думаю, — подтвердил Дамблдор, и при этом снова нахмурился. — И всё же я хочу поговорить с тобой.

Гарри, волнуясь, ждал, пока Дамблдор наблюдал за ним, соединив кончики пальцев.

— Я должен спросить тебя, Гарри, есть ли что-то такое, о чем бы ты хотел рассказать мне, — мягко предложил он. — Что угодно.

Гарри не знал, что на это ответить. Он вспомнило Малфое, как тот кричал: «Вы следующие, грязнокровки!», и затем — о Метаморсе, медленно кипевшем в туалете Мученицы Мирты. Пришёл ему на ум и бесплотный голос, что он слышал уже дважды, и слова Рона: *«Слышать голоса — дурной знак, даже в магомире».* Подумал Гарри и про ходящие о нем разговоры, и о собственном страхе, что он как-то связан с Салазаром Слизерином…

— Нет, — ответил Гарри. — Ничего такого нет, профессор…

* * *

После двойного нападения на Джастина и Почти Безголового Ника, всеобщее беспокойство переросло в настоящую панику. Что любопытно, беспокоила всех главным образом участь

Ника. Что могло сотворить такое с призраком? — спрашивали все друг друга; какая сила могла повредить тому, кто уже мёртв? Ученики кинулись бронировать места на поезд, чтобы на Рождество уехать по домам.

— Если и дальше так пойдет, то останемся только мы, — заключил как-то Рон. — Мы, Малфой и Крэбб с Гойлом. Какие весёлые нас ждут каникулы.

Крэбб и Гойл, во всём подражавшие Малфою, тоже решили провести Рождество в замке. Но Гарри был даже рад, что большинство уедет. Ему надоело, что в коридорах от него шарахаются, словно в любую минуту у него отрастут клыки или он начнёт плеваться ядом; надоело бесконечное бормотание, тыканье пальцами и перешёптывания, куда бы он ни пошёл.

Фреду с Джорджем, однако, вся эта ситуация откровенно нравилась. Увидев Гарри, они бросали всё и вышагивали перед ним, крича: «Дорогу наследнику Слизерина, идёт страшно злой колдун **...**».

Перси резко осуждал их поведение.

— Шутки здесь *неуместны*, — холодно заявил он.

— Ой, шёл бы ты с дороги, Перси, — отмахнулся

Фред. — Гарри спешит.

— Да-да, торопится в Камеру Секретов, на чашечку чая со своим клыкастым слугой, — хихикнул Джордж.

Джинни тоже не видела в этом ничего смешного.

— Ой, *перестаньте*, — причитала она всякий раз, когда Фред во всеуслышание интересовался у Гарри, на кого тот планирует напасть в следующий раз; или когда Джордж демонстративно отгонял Гарри большой головкой чеснока.

Гарри не возражал; ему было легче оттого, что хотя бы Фред с Джорджем признавали смехотворной версию о его родстве со Слизерином. Но выходки близнецов, похоже, донельзя раздражали Драко Малфоя, — всякий раз, видя, как они этим занимаются, он даже не трудился скрыть кислую мину.

— Это потому что его так и *подмывает* сказать, что наследник — он, — рассудил Рон. — Вы же знаете, он терпеть не может, когда его в чём-то превосходят, а тут получается, что ему — вся грязная работа, а тебе — слава.

— Недолго ему осталось, — удовлетворённо отозвалась Гермиона. — Метаморс почти готов. Со дня на день узнаем правду.

* * *

Наконец семестр кончился, и тишина, глубокая, как снежный покров вокруг, окутала замок. Гарри находил её скорее умиротворяющей, чем гнетущей, и наслаждался тем, что он сам, Гермиона и семейство Уисли безраздельно царили в гриффиндорской башне. Теперь они могли спокойно, никого не тревожа, играть в «подрывного дурака» и упражняться в дуэльном мастерстве. Фред, Джордж и Джинни, вместо поездки к Биллу в Египет с родителями, каникулы решили провести в Хогвартсе. Перси, не одобрявший их «детские забавы», нечасто появлялся в общей гостиной. Он уже успел с пафосом всем и каждому объявить, что остаётся в школе на Рождество лишь из-за *своего* долга, как префекта, помогать профессорам в это неспокойное время.

Забрезжила рождественская заря, холодная и ослепительно-белая. Гарри и Рона, — в их спальне больше никого не осталось, — в несусветную рань разбудила Гермиона, уже одетая и с подарками для них обоих.

— Просыпайтесь, — возвестила она, отдёргивая шторы на окне.

— Гермиона, тебе сюда нельзя, — заворчал Рон,

от яркого света прикрывая глаза рукой.

— И тебя с Рождеством, — отозвалась та, бросая подарок ему на кровать. — Я уже почти час на ногах, добавляла в зелье златоглазок. Оно готово.

Гарри резко сел, внезапно проснувшись.

— Ты уверена?

— Абсолютно, — подтвердила Гермиона, отодвинув Корыстика и примостившись на краешке постели Рона. — И, если наш план остаётся в силе, то лучшее время — сегодня.

В этот момент в спальню влетела Хедвиг, держа в клюве крошечный пакетик.

— Привет, — обрадовался Гарри, когда она приземлилась у него на кровати. — Мы снова друзья?

Сова любовно куснула его за ухо, — этот подарок оказался намного приятнее содержимого пакетика. Дёрсли прислали ему зубочистку и записку, где просили узнать, не сможет ли он остаться в Хогвартсе и на летние каникулы.

Другие подарки принесли ему гораздо больше радости. Хагрид приготовил целую банку сливочной помадки, которую Гарри решил разогреть у камина, прежде чем есть; Рон преподнёс книгу «*Летая с Пушками*», содержащую немало интересных историй о его любимой квиддичной

команде, а Гермиона подарила роскошное орлиное перо. В последнем свёртке, от миссис Уисли, обнаружился новый джемпер ручной вязки, а также большой сливовый пирог. Её открытку он прочёл с очередным уколом совести, вспомнив о машине мистера Уисли (фордика никто не видел ещё со времени приземления на Дракучую иву), а затем — о школьных правилах, что они с Роном опять собирались нарушить.

* * *

Ни один человек, даже с ужасом думающий о предстоящем приёме Метаморса, не мог не насладиться рождественским пиром в Хогвартсе.

Большой Зал предстал перед ними в роскошном праздничном убранстве. Здесь, как всегда, стояла дюжина припорошенных инеем елей, пышные гирлянды из омелы и остролиста оплетали потолок, откуда тёплыми, сухими хлопьями падал заколдованный снег. Под руководством Дамблдора они спели свои любимые рождественские гимны; голос Хагрида с каждым кубком эггнога становился всё громче. Перси, не заметив, как Фред заколдовал его значок префекта, теперь гласившего: «Префрукт», беспрестанно спрашивал всех, над чем же они смеются. Гарри даже не

повернул головы в сторону Малфоя, осыпавшего его новый джемпер колкими насмешками. Если им повезёт, через пару часов Малфой получит по заслугам.

Едва Гарри и Рон покончили с третьей порцией рождественского пудинга, как Гермиона вытолкала их из Большого Зала на генеральную репетицию вечерней кампании.

— Нам всё ещё нужны частицы тех, в кого мы будем превращаться, — сообщила она обыденным тоном, словно посылая их в супермаркет за стиральным порошком. — Лучше всего, конечно, для этого подходят Крэбб и Гойл; они лучшие друзья Малфоя, им он всё выложит. И, потом, надо как-то гарантировать, что настоящие Крэбб и Гойл не объявятся, пока мы будем расспрашивать Малфоя. У меня всё проработано, — невозмутимо продолжала она, игнорируя ошеломлённые лица Гарри и Рона, и протянула им два шоколадных кекса. — Я впрыснула в них простое усыпляющее снадобье. Вам нужно просто подложить их под нос Крэббу с Гойлом. Вы же знаете, какие они жадные, съедят обязательно. Когда они уснут, вырвите у них по паре волосков и потом заприте в чулане для щёток.

Гарри и Рон недоверчиво переглянулись.

— Гермиона, по-моему…

— Это чревато…

Но глаза Гермионы горели стальным блеском, неотличимым от того, что иногда появлялся у профессора Макгонаголл.

— Зелье не подействует без волос Крэбба и Гойла, — бескомпромиссно заявила она. — Вы хотите поговорить с Малфоем, или как?

— Хорошо-хорошо, — согласился Гарри. — Ну, а ты? У кого волос надёргаешь?

— Уже! — радостно ответила Гермиона, вынимая из кармана и демонстрируя им крошечный пузырёк с одним-единственным волосом. — Помните Милисенту Бульстрод, мы с ней сражались в Дуэльном клубе? Она оставила волос на моей мантии, когда пыталась меня задушить! На Рождество она уехала домой, — так что я просто скажу слизеринцам, что решила вернуться.

Когда Гермиона побежала проверить, как там Метаморс, Рон с обречённым видом повернулся к Гарри.

— Видел когда-нибудь план, где столько всего может пойти наперекосяк?

* * *

Но, к несказанному удивлению Гарри и Рона, первый этап операции прошёл так гладко, как говорила Гермиона. После рождественского полдника они затаились в пустом Вестибюле, поджидая Крэбба и Гойла, — те в одиночестве восседали за слизеринским столом, уминая четвёртую порцию бисквитов со взбитыми сливками. Гарри пристроил шоколадные кексы на стойке перил. Заметив, что Крэбб с Гойлом выходят из Большого зала, Гарри и Рон живо спрятались за доспехи возле парадных дверей.

— Это ж какими надо быть тупицами? — восторженно прошептал Рон, — Крэбб, пихнув Гойла локтём, радостно указал на кексы и тут же схватил. Глупо ухмыляясь, они целиком запихали кексы в безразмерные рты. Несколько секунд оба жадно жевали; на лицах у них был написан триумф. Затем, всё с тем же победоносным видом, они повалились навзничь.

Пока что самым сложным оказалось дотащить Крэбба с Гойлом до чулана. Уложив их среди швабр и вёдер, Гарри выдернул пару щетинок, покрывавших лоб Гойла; Рон между тем вырвал пару волос из макушки Крэбба. Ещё пришлось

снять с них ботинки, — вряд ли их собственная обувь пришлась бы впору ступням Крэбба и Гойла. Затем, поражённые тем, что натворили, оба помчались в туалет Мученицы Мирты.

Густой чёрный дым, валивший из кабинки, где Гермиона мешала в котле зелье, застилал всё вокруг. Прикрывая лица полами мантий, Гарри и Рон тихо постучались в дверь.

— Гермиона?

Щёлкнул замок, и та появилась перед ними, взволнованная, с блестящим от пота лицом. За спиной у неё слышалось бульканье клейкого на вид варева. На туалетном сиденье стояли три стакана.

— Ну как, достали? — на одном дыхании выпалила Гермиона.

Гарри показал ей волосы Гойла.

— Отлично. А я стащила из прачечной мантии, — продолжала она, кивнув на небольшой свёрток. — Крэббу и Гойлу понадобятся размеры побольше.

Все трое заглянули в котёл. Вблизи зелье походило на густую, чёрную, вяло кипящую грязь.

— Уверена, что никаких ошибок нет, — говорила Гермиона, нервно перечитывая замызганную страницу книги «*Наисильнъйшія Зелія*». — Вы-

глядит оно точно так, как описано в книге… у нас будет ровно час, а потом мы снова станем самими собой.

— Теперь что? — прошептал Рон.

— Разольём по стаканам и добавим волосы.

Гермиона черпаком плюхнула в каждый стакан по порции зелья. Затем, дрожащей рукой, она вытряхнула волос Милисенты Бульстрод из пузырька в первый стакан.

Зелье громко зашипело, словно закипающий чайник, и вспенилось. В следующий миг, оно приобрело болезненно-жёлтый цвет.

— Фууу — сущность Милисенты Бульстрод, — бросил Рон, с отвращением глядя на варево. — Спорим, на вкус такая же дрянь.

— Ну, теперь вы, — поторопила Гермиона.

Гарри бросил волосы Гойла во второй стакан, а Рон — волосы Крэбба в третий. Зелье зафырчало и покрылось пеной: варево Гойла стало зелёного цвета соплей, Крэбба — мутно-коричневого.

— Погодите, — остановил Гарри Рона и Гермиону, уже потянувшихся к стаканам. — Всем вместе здесь пить не стоит… Крэбб и Гойл тут просто не поместятся. Да и Милисента Бульстрод — не маленькая пикси.

— Хорошая мысль, — одобрил Рон, отпирая

дверь. — Разойдёмся по разным кабинкам.

Стараясь не расплескать ни капли Метаморса, Гарри скользнул за соседнюю дверь.

— Готовы? — окликнул он их.

— Готовы, — отозвались Рон и Гермиона.

— Раз — два — три…

Зажав нос, Гарри двумя глотками опорожнил стакан. По вкусу зелье напоминало перепревшую капусту.

И сейчас же все его внутренности начали корчиться, словно он проглотил живую змею; Гарри согнулся пополам, борясь с подступающей к горлу тошнотой; обожгло живот, а затем и всё тело до самых кончиков пальцев; кожа словно расплавилась, пузырясь, как горячий воск, — он рухнул на четвереньки; и, прямо у него на глазах, ладони начали расти; ногти расширились; костяшки пальцев стали как головки болтов; плечи болезненно растянулись в ширину; волосы, судя по покалыванию во лбу, переползли ниже, к бровям; мантия на груди лопнула, как обручи на разбухшей бочке; ноги мучительно сдавило в ботинках, — теперь они были малы на четыре размера.

Все кончилось так же внезапно, как и началось. Гарри лежал ничком на холодном каменном

полу, слушая, как Мирта угрюмо булькает в последней кабинке. Не без труда, он сбросил обувь и поднялся на ноги. Вот, значит, каково это — быть Гойлом. Трясущимися руками он стащил с себя старую мантию, теперь на фут не достававшую до лодыжек, надел новую, после чего влез в позаимствованные у Гойла ботинки размером с лодку. Гарри привычно поднял руку, собираясь отбросить со лба волосы, но нащупал лишь поросль коротких, колючих щетинок. Тут он понял, что перед глазами всё расплывается из-за очков, — Гойл, очевидно, в них не нуждался, — он снял их и позвал:

— Эй, вы там живы? — вместо его голоса раздался скрежещущий бас Гойла.

— Ага, — донёсся справа раскатистый рык Крэбба.

Гарри отпер дверь и подошёл к исполосованному трещинами зеркалу. Оттуда на него тупыми, глубоко посаженными глазами уставился Гойл. Гарри почесал ухо. То же проделал Гойл.

Рон вышел из кабинки. Они вытаращились друг на друга. Если не считать бледности и потрясённого вида, Рон был неотличим от Крэбба, — начиная от стрижки «под горшок» и кончая длинными, как у гориллы, руками.

— Шикарно, — пробормотал Рон, встав перед зеркалом и потыкав пальцем в плоский нос Крэбба. — Просто шикарно.

— Пора идти, — напомнил Гарри, ослабив ремешок часов, врезавшийся в толстое запястье Гойла. — Надо ещё узнать, где слизеринская гостиная. Надеюсь только, мы кого-нибудь из них встретим и увяжемся следом…

Рон пристально вглядывался в Гарри и, наконец, сообщил:

— Ты себе не представляешь, до чего странно видеть *думающего* Гойла.

Он постучался к Гермионе.

— Давай, выходи.

Ему ответил тоненький голосок:

— Я — я, пожалуй, не пойду. Идите без меня.

— Гермиона, мы знаем, что Милисента Бульстрод — уродина, никому и в голову не придёт, что это ты…

— Нет — правда — наверное, я не пойду. Вы бегите, не теряйте времени…

Гарри непонимающе уставился на Рона.

— Вот *это* больше похоже на Гойла, — констатировал тот. — Именно так он выглядит, когда учитель его о чём-нибудь спрашивает.

— Гермиона, ты в порядке? — тревожно спро-

сил Гарри.

— Всё нормально — идите уже…

Гарри взглянул на часы. Пять минут из драгоценных шестидесяти уже прошли.

— Встречаемся здесь же, ладно?

Они приоткрыли дверь, проверили, нет ли кого рядом, и вышли из туалета.

— Не размахивай руками, — пробормотал Гарри.

— Что?

— Крэбб ими вообще не шевелит…

— А так?

— Ага, так лучше…

Они спустились по мраморной лестнице. Теперь нужно только найти слизеринца, который вывел бы их к гостиной, но никого не было видно.

— Есть мысли? — шепнул Гарри.

— Слизеринцы всегда идут завтракать оттуда, — Рон кивнул в сторону лестницы, ведущей в подземелья. Не успел он договорить, как оттуда выбежала девушка с длинными, вьющимися волосами.

— Извините, — Рон поспешил к ней. — Мы тут забыли дорогу в нашу гостиную.

— Прошу прощения? — сухо переспросила

та. — В *нашу* гостиную? *Я* — из Рейвенкло.

Девушка удалилась, с подозрением оглядываясь на них.

Гарри и Рон торопливо спустились по каменным ступеням; топот великанских ног Крэбба и Гойла разносился по подземелью гулким эхом. У ребят появилось смутное подозрение, что всё пошло не так, как задумывалось.

Они брели по лабиринту пустых коридоров, уходя всё дальше и дальше вглубь замка и поминутно сверяясь с часами. Через четверть часа, когда они уже почти отчаялись, впереди послышались шаги.

— Ха! — оживился Рон. — Вот и один из них!

Кто-то вышел из комнаты сбоку. Но, подойдя поближе, они снова упали духом. Это оказался не слизеринец, а Перси.

— А ты что здесь делаешь? — удивился Рон.

Перси был возмущён до глубины души.

— А вот это, — отрезал он, — совершенно не ваше дело. Крэбб, кажется?

— Че… а, ну да, — кивнул Рон.

— Отправляйтесь в спальню, — сурово приказал Перси. — В такие времена бродить по школе небезопасно.

— *Ты-то* бродишь, — резонно возразил Рон.

— Я, — Перси расправил плечи, — префект. *Мне* ничто не грозит.

За спиной у Гарри и Рона вдруг раздался знакомый голос. К ним направлялся Драко Малфой, и, впервые в жизни, Гарри был рад его видеть.

— Вот вы где, — протянул он. — Вы, что, всё это время пузо набивали? Я вас повсюду ищу; пошли, покажу кое-что забавное.

Малфой бросил на Перси испепеляющий взгляд.

— А ты что здесь забыл, Уисли? — ухмыльнулся он.

Перси рассвирепел.

— К префекту следует проявлять большее уважение! — вознегодовал он. — Не забывайтесь!

Малфой усмехнулся и жестом велел Гарри и Рону следовать за ним. Гарри уже собирался принести Перси извинения, но вовремя спохватился. Они с Роном зашагали вслед за Малфоем; тот, свернув за угол, снова заговорил:

— Этот Питер Уисли…

— Перси, — машинально поправил Рон.

— Да без разницы, — отмахнулся Малфой. — Я заметил, он тут теперь постоянно маячит. И я даже знаю, на что он рассчитывает. Думает в одиночку поймать наследника Слизерина.

Он насмешливо хохотнул. Гарри и Рон радостно переглянулись.

Малфой остановился перед голой, влажной стеной.

— Какой там пароль? — спросил он.

— Эмм… — промямлил Гарри.

— А, да, — «чистая кровь»! — вспомнил Малфой, не слушая, и вырубленная в стене каменная дверь скользнула в сторону. Малфой уверенно шагнул вперёд; Гарри и Рон последовали за ним.

Слизеринская гостиная оказалась длинным подземельем со стенами из грубого камня и низким потолком, откуда на цепях свисали круглые, зеленоватые лампы. Под каминной полкой, украшенной искусной резьбой, потрескивало пламя; у огня, в креслах с высокими спинками, виднелись силуэты слизеринцев.

— Подождите здесь, — распорядился Малфой, указывая на пару пустых кресел, стоявших чуть в стороне от камина. — Пойду принесу, — отец мне только что прислал…

Любопытствуя, что же такое собирается показать им Малфой, Гарри и Рон присели, стараясь вести себя естественно.

Малфой вернулся минутой позже, держа в руках, кажется, газетную вырезку. Он сунул её

Рону под нос.

— Вот, обхохочетесь, — заявил он.

Глаза Рона расширились от потрясения. Он быстро прочёл вырезку и, издав весьма натянутый смешок, вручил её Гарри.

Это была статья из «*Ежедневного пророка*», и в неё говорилось:

СЛЕДСТВИЕ В МИНИСТЕРСТВЕ МАГИИ

Артур Уисли, глава Ведомства Неправомочной Эксплуатации Предметов Магглового Быта, был сегодня оштрафован на пятьдесят галлеонов за наложение чар на маггловый автомобиль.

М-р Люциус Малфой, член правления Школы Колдовских и Ведьминских Искусств «Хогвартс», где ранее в этом году разбилась упомянутая машина, потребовал сегодня отставки м-ра Уисли.

— Уисли компрометирует Министерство, — заявил м-р Малфой нашему репортёру. — Очевидно, его нельзя допускать к составлению законов, а его смехотворный Акт о защите магглов следует немедленно упразднить.

М-р Уисли никак не прокомментировал

ситуацию, а его жена велела репортёрам убираться, угрожая натравить на них домашнего гуля.

— Ну? — нетерпеливо спросил Малфой, когда Гарри протянул ему вырезку. — Что не смеётесь?

— Ха, ха, — вяло отозвался Гарри.

— Артур Уисли так любит магглов, что должен бы уже сломать палочку и поселиться с ними, — презрительно бросил Малфой. — Посмотришь на всех этих Уисли, так в жизни не подумаешь, что они чистокровные.

Лицо Рона, — или, вернее, Крэбба, — исказилось от ярости.

— Что с тобой, Крэбб? — рявкнул Малфой.

— Живот скрутило, — пробурчал Рон.

— Иди в больничное крыло и дай всем грязнокровкам от меня хорошего пинка, — хмыкнул Малфой. — Знаете, странно, что в «*Пророке*» ничего не пишут об этих нападениях, — задумчиво продолжал он. — Похоже, Дамблдор хочет замять дело. Его уволят, если всё это не прекратится. Отец всегда говорил, Дамблдор — худшее, что могло случиться в Хогвартсе. Он любит грязнокровок. Порядочный директор никогда бы не допустил в школу всю эту шушеру, взять хоть этого Криви.

Малфой принялся щёлкать воображаемой камерой и жёстко, но очень похоже передразнил Колина:

— «Поттер, можно мне твоё фото? Можно мне твой автограф, Поттер? Можно, я вылижу твои ботинки, Поттер?»

Он опустил руки и уставился на Гарри и Рона.

— Да *что* с вами сегодня?

Они запоздало выдавили из себя смех, но Малфой был удовлетворён; вероятно, Крэбб с Гойлом всегда были тяжелы на подъём.

— Святой Поттер, друг грязнокровок, — протянул Малфой. — Вот ещё один — никакого достоинства, иначе не водился бы с этой выскочкой-грязнокровкой, Грейнджер. И все считают *его* наследником Слизерина!

Гарри и Рон ждали, затаив дыхание: Малфой вот-вот признается, что это он, — но тут:

— *Хотел* бы я знать, кто он, — раздражённо проговорил Малфой. — С радостью бы ему помог.

У Рона отпала челюсть, отчего выражение лица Крэбба стало совершенно бессмысленным. К счастью, Малфой ничего не заметил, а Гарри, быстро соображая, спросил:

— Но ты ведь наверняка кого-то подозреваешь…

— Ты ведь знаешь, что нет, Гойл, сколько раз повторять? — разозлился Малфой. — И отец *ничего* не рассказывает о том случае, когда Камеру открыли в прошлый раз. Конечно, это было пятьдесят лет назад, ещё до него, но ему всё известно. Говорит, что тогда всё держалось в большом секрете, — будет подозрительно, если окажется, что я слишком много знаю. А я знаю только одно, — в тот раз, когда открыли Камеру, *погибла* грязнокровка. Интересно, кого убьют в этот раз, — уверен, это только вопрос времени… надеюсь, что Грейнджер, — с удовольствием договорил он.

Рон сжимал исполинские кулаки. Понимая, какой будет провал, если тот сейчас врежет Малфою, Гарри предостерегающе покосился на Рона и продолжал:

— А ты, случайно, не знаешь, — того, кто открыл Камеру в первый раз, поймали?

— А, да… кто бы это ни был, его исключили, — кивнул Малфой. — Сейчас он, наверное, в Азкабане.

— В Азкабане? — озадаченно переспросил Гарри.

— Азкабан, Гойл, *колдовская тюрьма*, — Малфой неверяще взглянул на него. — Ей-богу, соображай ты ещё чуть помедленнее, и жил бы в

обратную сторону.

Он беспокойно поёрзал в кресле и продолжал:

— Отец велит не высовываться и ждать, пока наследник делает за нас всю работу. Он говорит, давно пора вымести из школы всю эту грязь, но самим в ней пачкаться ни к чему. Конечно, ему сейчас своих забот хватает. Вы слышали, Министерство на прошлой неделе устроило обыск у нас в поместье?

Гарри попытался придать физиономии Гойла озабоченный вид.

— Вот-вот. Правда, нашли они немного. У отца хранятся очень ценные артефакты чёрной магии; так удачно, что у нас есть потайная комната под полом гостиной…

— Ага! — выпалил Рон.

Малфой уставился на него. Гарри тоже. Рон вспыхнул. Казалось, даже волосы его покраснели. Нос также медленно удлинялся, — их час истёк, Рон становился самим собой, и, судя по паническому выражению лица, — Гарри тоже.

Оба вскочили на ноги.

— Мы за лекарством для желудка, — пробурчал Рон, и, без дальнейших разговоров, они помчались из слизеринской гостиной, чуть не проломив каменную стену, и ринулись вперёд по коридору,

отчаянно надеясь, что Малфой ничего не заметил. Ступни Гарри уже болтались в гигантских ботинках Гойла; стремительно уменьшаясь, ему пришлось подобрать полы мантии; они взлетели по лестнице в тёмный Вестибюль, — из чулана, где они заперли Крэбба и Гойла, доносились глухие удары. Бросив их обувь возле двери, они в одних носках понеслись вверх по мраморной лестнице и затем — в туалет Мученицы Мирты.

— Всё-таки это было не зря, — выдохнул Рон, закрывая дверь. — Мы так и не узнали, кто устраивает все эти нападения, но я завтра же напишу папе и расскажу, что Малфои прячут под полом гостиной.

Гарри посмотрелся в обшарпанное зеркало. Лицо вернулось в норму. Пока он надевал очки, Рон уже барабанил в дверь кабинки Гермионы.

— Гермиона, выходи, у нас столько новостей…

— Уходите! — пискнула та.

Гарри и Рон переглянулись.

— Что случилось? — не понял Рон. — Ты уже должна стать самой собой, у нас всё в порядке…

Но тут сквозь дверь кабинки выплыла Мученица Мирта. Гарри никогда не видел её такой счастливой.

— Ооооо, что вы сейчас увидите! — воскликну-

ла она. — Просто *кошмар*…

Скрипнула задвижка, и перед ними предстала Гермиона, всхлипывающая, с натянутой на голову мантией.

— В чём дело? — неуверенно спросил Рон. — У тебя остался нос Милисенты?

Гермиона опустила мантию, и Рон чуть не сел в раковину.

Её лицо обросло чёрной шерстью. Глаза пожелтели, а из гривы волос выглядывали длинные, заострённые уши.

— Это был к-кошачий волос! — взвыла она. — У М-Милисенты Бульстрод, д-должно быть, есть кошка! А з-зелье не предназначено для п-превращений в животных!

— Ой-ёй, — пролепетал Рон.

— Тебе придумают *жуткое* прозвище, — радостно сообщила Мирта.

— Без паники, Гермиона, — быстро проговорил Гарри. — Мы отведём тебя в больничное крыло. Мадам Помфри никогда не задаёт лишних вопросов…

Гермиона долго не соглашалась выйти из туалета. Мученица Мирта пролетела вслед за ними, заливаясь хохотом.

— Подожди, пока все узнают, что у тебя и *хвост*

есть!

Глава тринадцатая
ЖУТКО СЕКРЕТНЫЙ ДНЕВНИК

Гермиона осталась в больничном крыле на несколько недель. Когда остальные ученики вернулись с рождественских каникул, школу наводнили слухи об ее исчезновении — все были уверены, что на Гермиону напали. В больничное крыло набилось столько учеников, жаждущих взглянуть на нее хоть одним глазком, что мадам Помфри пришлось достать ширму и загородить кровать Гермионы ширмой, чтобы никто не глазел на ее покрытое шерстью лицо.

Гарри и Рон навещали ее каждый вечер. А когда начался новый семестр, они стали приносить ей все домашние задания.

— Вот вырасти у *меня* усы, я бы отдыхал от учебы, — заметил Рон как-то вечером, вываливая очередную кипу книг на стол Гермионы.

— Не говори глупостей, Рон, нельзя отставать от остальных, — бодро ответила Гермиона.

Она заметно оживилась, ведь шерсть уже сошла у нее с лица, и глаза снова становились карими.

— У вас ничего нового? — добавила она шепотом, чтобы не услышала мадам Помфри.

— Ничего, — мрачно ответил Гарри.

— Я на все сто был *уверен*, что это Малфой, — в который раз повторил Рон.

— Что это там у тебя? — спросил Гарри, указывая на что-то золотистое, торчащее из-под подушки Гермионы.

— Просто открытка с пожеланием выздоровления, — поспешно ответила Гермиона, пытаясь убрать ее из виду, но Рон оказался проворнее. Он вытащил карточку, раскрыл ее и прочитал вслух:

«Мисс Грейенджер, с пожеланиями скорейшего выздоровления от вашего обеспокоенного учителя, профессора Гилдероя Локарта, Кавалера ордена Мерлина Третьей Степени, почетного члена Лиги Защиты от Темных Сил и пятикратного обладателя премии «Ведьминского Еженедельника в конкурсе на Самую Обаятельную Улыбку».

Рон брезгливо посмотрел на Гермиону:

— Ты спишь с *этим* под подушкой?

К счастью, отвечать Гермионе не пришлось, так как зашла мадам Помфри с вечерней порцией лекарств.

— Ну и скользкий тип этот Локарт! — сказал

Рон Гарри, когда они вышли из больничной палаты и направились в гриффиндорскую башню. Снейп задал им столько домашней работы, что Гарри надеялся покончить с ней хотя бы к шестому курсу. Рон как раз жаловался, что не спросил Гермиону, сколько крысиных хвостов добавлять в зелье для роста волос, когда до их ушей донесся разгневанный вопль.

— Это Филч, — пробормотал Гарри, когда они взбежали вверх по лестнице и притаились там, где их не было видно.

— Как думаешь, на кого-то опять напали? — напряженно спросил Рон.

Они стояли, не двигаясь и прислушиваясь к Филчу, который, судя по голосу, был уже на грани истерики.

— *....снова-здорово! Всю ночь драить полы, как будто у меня других дел нет! Ну, всё, это последняя капля, я иду к Дамблдору...*

Его шаги затихли, и стало слышно, как где-то вдалеке хлопнула дверь. Рон и Гарри заглянули за угол. Филч, видимо, занимал свой обычный наблюдательный пост — они опять оказались там, где напали на миссис Норрис. Отчего так разошелся Филч стало ясно с первого взгляда. Огромная лужа залила полкоридора, и вода,

похоже, всё ещё сочилась из-под двери туалета Мученицы Мирты. Теперь, когда Филч больше не орал, они расслышали её причитания, эхом отражавшиеся от стен туалета.

— Что *опять* с ней не так? — спросил Рон.

— Пойдем, посмотрим, — предложил Гарри, и, приподняв мантии, они зашагали по огромной луже к двери с табличкой «НЕ РАБОТАЕТ», и, привычно проигнорировав ее, вошли внутрь.

Мученица Мирта рыдала, если такое вообще возможно, еще громче и сильнее обычного. Она видимо пряталась в своей родной кабинке. В туалете было темно, свечи погасил поток воды, уже пропитавшей стены и пол.

— Что случилось, Мирта? — спросил Гарри.

— Кто здесь? — раздалось печальное бульканье Мирты. — Пришли еще что-нибудь в меня кинуть?

Гарри пробрался к ее кабинке и спросил:

— С чего вдруг мне что-то кидать в тебя?

— *Откуда* мне знать? — воскликнула Мирта, и, выглянув наружу, выплеснула еще воды на и без того мокрый пол. — Я сижу, занимаюсь своими делами, и вдруг кто-то швыряет в меня книжкой. Это, видимо, такие шуточки.

— Но тебе же не будет больно, если в тебя что-

то попадет, — справедливо заметил Гарри. — В смысле, оно же просто пройдет сквозь тебя, разве не так?

Зря он это сказал. Мирта раздулась от злости и взвизгнула:

— Давайте все теперь будем бросаться в Мирту, ведь *она* ничего не чувствует! Десять очков за попадание в живот, пятьдесят — за бросок в голову. Ха-ха-ха! Всем смешно! Кроме меня!

— Так все-таки, кто бросил в тебя книгу? — спросил Гарри.

— Не знаю…Я сидела в трубе, размышляла о смерти, и вдруг она свалилась на меня прямо сквозь голову, — ответила Мирта, глядя на них. — Она где-то там, ее вынесло водой.

Гарри и Рон посмотрели под раковину, куда указывала Мирта. Там лежала маленькая тонкая книжка в потертой черной обложке, мокрая, как и всё вокруг. Гарри уже шагнул, чтобы поднять ее, но Рон неожиданно остановил друга, крепко вцепившись в него.

— Ты чего? — спросил Гарри.

— С ума сошел? — ответил Рон. — Это же может быть опасно.

— *Опасно?* — рассмеялся Гарри. — Да ладно, как она может быть опасной?

— Представь себе, может, — сказал Рон, косо глядя на книгу. — Министерство постоянно конфискует разные книги… Мне папа рассказывал… Так вот там была такая, которая выжигала глаза любому, кто её откроет. А все, кто прочитал «Куплеты Колдуна» до конца жизни разговаривали лимериками. А у одной старой ведьмы из Бата была книга, которую читаешь и *не можешь остановиться*. Так и ходишь, уткнувшись в нее носом, и делаешь все одной рукой. А еще…

— Ладно, я понял, — перебил его Гарри.

Книжка лежала на полу — маленькая, мокрая и ничем не примечательная.

— Ну, вот посмотрим и узнаем — с этими словами он отстранил Рона и подобрал книгу. Гарри сразу понял, что перед ним дневник, причем, судя по выцветшей дате на обложке, полувековой давности. Дрожа от нетерпения, он раскрыл книжку. На первой странице он смог разобрать лишь имя «Т. М. Риддл», написанное расплывшимися чернилами.

— Погоди-ка, — проговорил Рон, который уже осторожно придвинулся к Гарри и заглядывал ему через плечо. — Я знаю это имя… Т. М. Риддл получил награду школы за особые заслуги пятьдесят лет назад.

— А ты откуда знаешь? — удивился Гарри.

— Филч заставлял меня начищать эту самую награду пятьдесят раз кряду, когда оставлял после уроков, — с возмущением вспомнил Рон. — А меня вырвало на нее слизняками. Если бы ты целый час оттирал слизь от чьего-то имени, тоже бы запомнил.

Гарри разлепил мокрые страницы. Они были совершенно пусты. Ни малейшего следа записей, даже «День рождения тетушки Мейбл» или «Дантист в половину четвертого».

— Он не писал здесь, — разочарованно сказал Гарри.

— Интересно, зачем кому-то понадобилось смывать его в унитаз? — удивился Рон.

Гарри открыл заднюю обложку книги и увидел название газетного киоска на Воксхолл-роуд в Лондоне.

— Он, наверное, был из магглов, — задумчиво сказал Гарри, — раз купил дневник на Воксхолл-роуд.

— Ну, а тебе что с того? — ответил Рон и понизил голос. — Пятьдесят очков, если попадешь Мирте в нос.

Но Гарри вместо этого сунул дневник в карман.

* * *

Гермиона вышла из больницы в начале февраля уже без усов, хвоста и шерсти. В первый после возвращения вечер в гриффиндорской башне Гарри показал ей дневник Т. М. Риддла и рассказал, как они с Роном нашли его.

— Оооо, в нем могут скрываться какие-нибудь силы, — загорелась Гермиона, беря в руки дневник и внимательно изучая его.

— Ну, если он что-то и скрывает, то весьма успешно, — сказал Рон. — Может, он стесняется. Не понимаю, почему ты его не выбросишь, Гарри.

— Хотел бы я знать, почему кто-то его *выбросил*, — ответил Гарри. — А еще я был бы не против узнать, за какие-такие особые заслуги Риддл получил награду Хогвартса.

— Да за какие угодно, — пожал плечами Рон. — Может, набрал тридцать С.О.В., а может спас профессора от гигантского спрута или оказал всем услугу и прикончил Мирту.

Но по лицу Гермионы Гарри понял, что она думала о том же, о чем и он.

— Что? — спросил Рон, переводя взгляд с одного на другую.

— Ну, Камеру Секретов уже открывали пятьдесят лет назад, разве не так? — сказал Гарри. — Так говорил Малфой.

— Дааа… — медленно соображал Рон

— А *этому дневнику* пятьдесят лет, — сказала Гермиона, возбужденно барабаня по нему пальцами.

— И что?

— Ох, Рон, проснись, наконец, — не выдержала Гермиона. — Мы знаем, что тот, кто открыл Камеру Секретов, был исключен *пятьдесят лет назад*. Мы знаем, что Т. М. Риддл получил награду за особые заслуги перед школой *пятьдесят лет назад.* А что, если Риддл был награжден за *поимку наследника Слизерина*? Мы наверняка узнаем все из его дневника: где находится где эта Камера, как ее открыть, и что за существо в ней живет. Тот, кто стоит за нападением в этот раз, вряд ли хочет, чтобы об этом стало известно, разве не так?

— *Гениальная* идея, Гермиона, — сказал Рон, — в ней только один недостаток. *В дневнике ничего не написано.*

Но Гермиона уже доставала из сумки палочку.

— Чернила могут быть невидимыми, — прошептала она.

Гермиона трижды стукнула палочкой по книге

и произнесла — *Aparecium!*

Ничего не произошло. Ничуть не обескураженная, Гермиона сунула руку в сумку и достала нечто, напомнившее Гарри и Рону ярко-красный ластик.

— Это выявитель, я купила его на Диагон-аллее, — пояснила она и с силой потерла страницу «Первое января».

— Говорю вам, нечего там искать, — сказал Рон. — Риддл просто получил дневник в подарок на Рождество и не потрудился что-то там написать.

* * *

Гарри не мог объяснить, даже самому себе, почему до сих пор не выбросил дневник. На самом деле, даже *зная,* что дневник пуст, он продолжал брать его в руки и рассеянно листать страницы, словно в нём содержалась история, не дававшая ему покоя. И, хотя Гарри был уверен, что никогда прежде не слышал имени Т. М. Риддла, оно все же что-то значило для него, как если бы Риддл был его почти забытым другом детства. Но это же нелепо, у него не было друзей до Хогвартса, уж об этом Дадли позаботился.

Тем не менее, Гарри решил разузнать поболь-

ше о Риддле, и на следующий день во время перемены отправился в трофейный зал, чтобы рассмотреть его награду. Гарри составили компанию заинтригованная Гермиона и скептически настроенный Рон, сообщивший им, что насмотрелся на экспонаты трофейного зала на всю оставшуюся жизнь.

Отполированный золотой приз Риддла был задвинут в самый угол. На нем не было пояснений, за что вручили награду. («И хорошо, а то он был бы еще больше и я бы до сих пор с ним возился», заметил Рон). Впрочем, они нашли имя Риддла на старинной медали «За Заслуги перед Магией» и в списке бывших старост.

— Он прямо как Перси, — с отвращением сморщил нос Рон, — префект, староста, еще, небось, и отличник по всем предметам.

— Так говоришь, будто это плохо, — слегка обиженно произнесла Гермиона.

* * *

Над Хогвартсом снова робко засветило солнце. Улучшилось и настроение обитателей замка. После Джастина и Почти Безголового Ника больше ни на кого не нападали, и мадам Помфри довольно сообщила, что мандрагоры стали хмурыми и

замкнутыми, а значит уже вышли из детского возраста.

— Как только прыщи пройдут, мы их снова пересадим, — как-то вечером подслушал Гарри, как она мило беседовала с Филчем. — А через некоторое время мы срежем их и приготовим отвар. Вы и не заметите, как миссис Норрис снова будет с вами.

Должно быть, наследник Слизерина уже отчаялся, подумал Гарри. Наверное, становится все опаснее открывать Камеру Секретов, когда вся школа начеку. Может, чудовище, чем бы оно ни было, как раз сейчас намерено впасть в спячку на ближайшие пятьдесят лет…

Эрни Макмиллан из Хуфльпуфа не разделял этих оптимистичных взглядов. Он был по прежнему убежден, что случившееся — дело рук Гарри, что он сам выдал себя в Дуэльном клубе. Да еще и Брюзг продолжал появляться в людных коридорах и напевать «*Подлый Поттер..!*», — теперь еще и с танцевальным сопровождением.

Гилдерой Локарт считал, что прекращение нападений — его заслуга. Гарри подслушал, как он сообщал об этом профессору Макгонаголл, когда гриффиндорцы собирались на урок преображения.

— Я считаю, проблем больше не будет, Минерва, — заявил он, многозначительно постукивая себя по носу и подмигивая. — Думаю, на сей раз, Камера закрылась навсегда. Злоумышленник, должно быть, понял, что его поимка для меня — лишь вопрос времени. Благоразумнее остановиться сейчас, пока я не взялся за него всерьез. А нам всем сейчас нужно встряхнуться. Прогнать воспоминания о прошлом семестре! Не буду раскрывать все карты, но, кажется, я кое-что придумал… — Он снова постучал себя по носу и удалился.

Что имел в виду Локарт, говоря о бодрящей встряске, стало ясно за завтраком четырнадцатого февраля. Гарри мало спал из-за поздней тренировки по квиддичу накануне, и примчался в Большой зал с небольшим опозданием. На мгновение он подумал, что ошибся дверью. Стены были покрыты гигантскими тошнотворно-розовыми цветами. Хуже того, с бледно-голубого потолка сыпались конфетти в форме сердечек. Гарри подошел к столу гриффиндорцев, где сидел Рон, с таким видом, как будто его сейчас вырвет, и неестественно возбужденная Гермиона.

— Что происходит? — спросил у них Гарри, усаживаясь, и стряхивая конфетти с бекона.

Рон указал на учительский стол, от отвращения он не мог вымолвить ни слова. Локарт, под цвет украшений, одетый в тошнотворно-розовую мантию, помахал рукой, прося тишины. Профессора по обе стороны от него сидели с каменными лицами. Со своего места Гарри мог видеть, как подергивается щека профессора Макгонаголл. Снейп выглядел так, словно в него только что влили целый стакан Скелероста.

— С Днем святого Валентина! — провозгласил Локарт. — Хочу поблагодарить приславших мне открытки — уже сорок шесть штук! Я взял на себя смелость организовать для всех вас маленький сюрприз, который на этом не заканчивается!

Локарт хлопнул в ладоши, и в зал из Вестибюля вошла процессия из дюжины мрачных карликов. Но не обыкновенных карликов. Локарт заставил их надеть золотые крылья и снабдил арфами.

— Мои милые купидоны, разносчики открыток! — просиял Локарт. — Сегодня они будут по всей школе доставлять ваши валентинки. И это еще не все! Уверен, что мои коллеги хотели бы внести свой вклад в создание праздничной атмосферы. Почему бы не попросить профессора Снейпа показать, как готовится любовное зелье. И кстати, профессор Флитвик, этот хитрый лис,

сведущ в чарующих чарах больше, чем любой известный мне колдун. Профессор Флитвик закрыл лицо руками. По виду Снейпа было ясно, что в первого же спросившего его про любовное зелье, он запихает яду.

— Умоляю, Гермиона, скажи, что тебя не было среди этих сорока шести! — простонал Рон, когда они вышли из Большого зала и отправились на первый урок. Но Гермионе вдруг срочно понадобилось расписание, затерявшееся где-то в сумке, и она не ответила.

Целый день, к неудовольствию преподавателей, разносчики вторгались на уроки, доставляя валентинки, и после обеда, когда гриффиндорцы поднимались на урок чар, один из карликов догнал Гарри.

— Эй, 'Арри Поттер! — крикнул карлик, с угрожающим видом расталкивая окружающих, чтобы добраться до Гарри. Того же бросило в пот при мысли, что ему вручат валентинку, перед целой толпой первокурсников, среди которых так некстати оказалась и Джинни Уисли, и он попытался сбежать. Карлик, однако, прокладывал себе путь через толпу, колотя собравшихся по ногам, и добрался до Гарри, не успел тот сделать и двух шагов.

— У меня здесь музыкальное поздравление, передать 'Арри Поттеру лично в руки, — возвестил он, с жутким звуком перебирая струны своей арфы.

— Не здесь, — прошипел Гарри и попытался сбежать.

— Стоять! — пробурчал карлик, хватая Гарри за сумку и возвращая того на место.

— Пусти меня, — огрызнулся Гарри, вырываясь.

С громким треском его сумка разорвалась пополам. Учебники, палочка, пергамент и перо выпали на пол; увенчала все это разбившаяся чернильница. Гарри начал судорожно собирать вещи, пока карлик не начал петь и не собрал толпу.

— Что здесь происходит? — раздался ледяной надменный голос Драко Малфоя. Гарри начал лихорадочно пихать все в порванную сумку, отчаянно желая убраться подальше, пока Малфой не услышал его музыкальную валентинку.

— Что за шум? — послышался еще один знакомый голос, и появился Перси Уисли.

Совсем потеряв голову, Гарри попытался бежать, но карлик обхватил его колени и снова повалил на пол.

— Ну вот, — сообщил он, оседлав лодыжки Гарри, — получите свою музыкальную валентинку!

«Глаза зеленее, чем свежая жаба,
Черней шевелюра, чем в классе доска.
Пусть будет со мной
Тот славный герой,
Что Темного Лорда спровадил долой!»

Гарри отдал бы все золото Гринготтса за возможность провалиться сквозь землю. Мужественно пытаясь присоединиться к общему веселью, он поднимался на онемевшие под тяжестью карлика ноги, пока Перси Уисли прилагал все усилия, чтобы разогнать толпу, в которой некоторые просто рыдали от смеха.

— Ну, идите, идите, колокол прозвонил пять минут назад, отправляйтесь в свои классы, — говорил он, как птенцов, прогоняя самых младших. — Это касается *и тебя*, Малфой.

Подняв взгляд, Гарри увидел, как Малфой наклонился и подобрал что-то. Злорадно оскалившись, он демонстрировал находку Крэббу и Гойлу, и тут Гарри понял, что у Малфоя дневник Риддла.

— Верни, — тихо сказал Гарри.

— Интересно, что Поттер там пишет? — спросил

Малфой, очевидно не заметив года на обложке, и решив, что дневник принадлежит самому Гарри. Зеваки притихли. Джинни испуганно переводила взгляд с Гарри на дневник.

— Отдай его, Малфой, — строго приказал Перси.

— Я только взгляну, — насмешливо помахал тот дневником у Гарри перед носом.

Перси завёл свою пластинку: «Как префект школы…», но Гарри потерял терпение. Он вытащил палочку и закричал «*Expelliarmus!*», и так же, как в тот раз, когда Снейп разоружил Локарта, дневник вылетел из рук Малфоя в воздух. Рон с довольной ухмылкой поймал его.

— Гарри, — громко сказал Перси, — в коридорах запрещено колдовать! Мне придется доложить об этом.

Но Гарри было все равно, ведь он одержал победу над Малфоем, пусть это и стоило Гриффиндору пяти очков. Малфой был в бешенстве, и когда Джинни прошла мимо него в класс, он закричал ей вслед:

— Не думаю, что Поттер оценил твоё признание!

Джинни закрыла лицо руками и вбежала в класс. Рыча от злости, Рон тоже выхватил палоч-

ку, но Гарри удержал его. Рону едва ли улыбалось весь урок чар изрыгать слизней.

Уже на уроке Гарри заметил, что с дневником что-то не так. Все остальные его учебники были залиты алыми чернилами, дневник же был девственно чист чист, как и до падения чернильницы. Гарри хотел показать это Рону, но у того опять были проблемы с палочкой — на ее кончике вырастали большие фиолетовые пузыри, и Рон не замечал ничего вокруг.

* * *

В ту ночь Гарри отправился спать раньше всех остальных, отчасти из-за того, что не мог вынести пение Фреда и Джорджа «*Глаза зеленее, чем свежая жаба...*», отчасти потому, что хотел снова изучить дневник Риддла, хоть Рон и считал это пустой тратой времени. Гарри сел на кровать и перелистал пустые страницы, на которых не было и следа алых чернил. Затем он достал из тумбочки новую чернильницу, макнул в нее перо и уронил кляксу на первую страницу.

На секунду чернила на бумаге ярко засветились, а затем словно впитались в бумагу и исчезли. Охваченный возбуждением, Гарри снова намочил перо и написал «Меня зовут Гарри

Поттер».

Эти слова мгновение сияли на странице, а потом тоже пропали без следа. Затем, наконец, что-то произошло.

Его собственные чернила просочились обратно на страницу, превращаясь в слова, которых Гарри не писал.

> «*Здравствуй, Гарри Поттер! Меня зовут Том Риддл. Как мой дневник попал к тебе*?»

Эти слова тоже потускнели и исчезли, но лишь после того как Гарри начал торопливо писать:

> «Кто-то хотел смыть его в туалете».

Сгорая от нетерпения, он стал ждать ответ Риддла.

> «*К счастью, я запечатлел свои воспоминания более долговечным способом, нежели чернилами. Но я всегда знал, что найдутся те, кто не захотят, чтобы дневник был прочитан*».

«Что ты имеешь в виду?», — поспешно написал

Гарри, от волнения забрызгав страницу кляксами.

«Я имею в виду, что в этом дневнике хранятся воспоминания о жутких вещах. Вещах, о которых не говорят. О происшествиях, случившихся в Школе Колдовских и Ведьминских Искусств «Хогвартс».

«Я как раз нахожусь здесь», — быстро написал Гарри. — «Я в Хогвартсе, и здесь происходят жуткие вещи. Ты что-нибудь знаешь о Камере Секретов?».

Его сердце бешено колотилось. Ответ от Риддла последовал почти сразу, его почерк стал неаккуратным, словно он торопился быстрее высказать все, что знал.

«Безусловно, я знаю о Камере Секретов. Когда я был учеником, нам говорили, что это легенда, что ее не существует. Но нас обманывали. На пятом году моего обучения Камера была открыта, и чудовище напало на несколько учеников, один впоследствии умер. Я поймал того, кто открыл Камеру, и его исключили. Но директору, профессору Диппету, было

стыдно признаться, что такое произошло в Хогвартсе, и он запретил мне рассказывать правду. Историю представили так, будто девочка погибла в результате несчастного случая. Мне за мои заслуги вручили прекрасную сверкающую награду с гравировкой и велели держать рот на замке. Но я знал, что это может случиться вновь. Ведь монстр остался жив, а тот, кто мог его освободить, был отпущен на волю».

Гарри чуть не опрокинул чернильницу, торопясь написать ответ.

«Все происходит снова. Уже было три нападения, и неизвестно, кто виновник. Кто это был в прошлый раз?»

«*Я могу показать тебе, если хочешь*», — пришел ответ Риддла. — «*Для этого мне не нужны слова. Я покажу тебе свою память, в ночь, когда я поймал его*».

Гарри заколебался, его перо зависло над страницей. Что Риддл имеет в виду? Как можно показать кому-то свою память? Он нервно взглянул на дверь спальни. Начинало темнеть. Когда он сно-

ва перевел взгляд на дневник, там появились новые слова.

«*Позволь, я покажу*».

Гарри помедлил долю секунды и написал всего две буквы:

«ОК».

Страницы затрепетали, словно подхваченные порывом сильного ветра, и дневник распахнулся на середине июня. С раскрытым ртом Гарри смотрел, как маленький квадратик напротив даты тринадцатое июня превратился в миниатюрный телевизионный экран. Его руки слегка задрожали, он поднял книжку, чтобы поднести поближе маленькое окошко, и, не успев понять, что произошло, покачнулся вперед. Окошко расширилось, и он почувствовал, как отрывается от кровати и летит сквозь открытое отверстие в водоворот красок и теней.

Он почувствовал, как ноги ударились о твердую землю, и встал, дрожа, а размытые очертания вокруг стали четкими.

Он сразу понял, где находится. Эта круглая комната со спящими портретами была кабинетом

Дамблдора, но за столом сидел не он. Тщедушный, морщинистый, почти лысый, если не считать нескольких клочков белых волос, колдун читал письмо при свете свечи. Гарри раньше не видел этого человека.

— Простите, — неуверенно произнес он. — Я не хотел вам мешать…

Но колдун не обратил на него внимания. Он, слегка нахмурившись, продолжил читать. Гарри подошел ближе к его столу и пробормотал:

— Ну, так я пойду?

Колдун все еще не обращал на него внимания. Он, по-видимому, вообще не слышал Гарри. Думая, что старичок, возможно, глуховат, Гарри почти прокричал:

— Простите, что помешал вам, я пойду!

Колдун со вздохом свернул письмо, встал и прошел мимо Гарри, даже не взглянув на него, и принялся завешивать шторы.

Небо за окном было багряно-красным; солнце, должно быть, садилось. Колдун вернулся за стол, сел и, перебирая пальцами, стал смотреть на дверь.

Гарри оглядел кабинет, тут не было феникса Фокса, не было жужжащих серебряных инструментов. Это был тот Хогвартс, каким его знал

Риддл, значит неизвестный колдун — директор, бывший на месте Дамблдора, а он, Гарри, не более чем призрак, невидимый для людей, живших пятьдесят лет назад.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — еле слышно произнес старый колдун.

Вошел юноша, на вид лет шестнадцати, на ходу снимая свою остроконечную шляпу. Серебряный значок префекта сверкал у него на груди. Он был гораздо выше Гарри, но с такими же черными как смоль волосами.

— О, Риддл, — произнес директор.

— Вы хотели меня видеть, профессор Диппет? — с тревожным видом спросил Риддл.

— Присаживайся, — ответил Диппет. — Я только что прочел письмо, которое ты передал мне.

— О, — выдохнул Риддл и сел, крепко сцепив руки.

— Мой милый мальчик, — доброжелательно начал профессор Диппет. — Я не могу позволить тебе остаться в школе на все лето. Ты же наверняка хочешь провести праздники дома?

— Нет, — тут же ответил Риддл. — Я бы предпочел остаться в Хогвартсе, чем вернуться к этим… этим…

— Каникулы ты проводишь в магглов приюте для сирот, не так ли? — с любопытством спросил Диппет.

— Да, сэр, — ответил Риддл, чуть покраснев.

— Ты магглорождённый?

— Полукровка, сэр, — сказал Риддл. — Отец маггл, а мать колдунья.

— И что с твоими родителями?

— Мать умерла сразу после моего рождения, сэр. В приюте мне сказали, что она успела лишь дать мне имя: Том — в честь моего отца, Мерволо — в честь деда.

Диппет сочувственно щелкнул языком.

— Дело в том, Том, — вздохнул он, — мы могли бы пойти тебе навстречу, но в сложившихся обстоятельствах…

— Вы имеете в виду эти нападения, сэр? — спросил Риддл. Сердце Гарри забилось быстрее, и он придвинулся ближе, чтобы ничего не пропустить.

— Именно, — ответил директор. — Дорогой мой, ты понимаешь, как неразумно будет с моей стороны позволить тебе остаться в замке после окончания семестра. Особенно в свете последней трагедии… смерть этой несчастной девочки… Тебе будет спокойнее подальше отсюда, в при-

юте. По правде говоря, в Министерстве Магии и сейчас поговаривают о закрытии школы. А ведь мы даже не имеем представления, где, скажем так, источник этих неприятностей.

Глаза Риддла расширились.

— Сэр, если бы его поймали… Если бы все это прекратилось…

— Что ты имеешь в виду? — сорвался на фальцет Диппет, привстав со своего кресла. — Риддл, ты хочешь сказать, что тебе известно что-то об этих нападениях?

— Нет, сэр, — быстро ответил Риддл.

Но Гарри был уверен, что это такое же «нет», каким он пытался отделаться от Дамблдора.

Диппет с несколько разочарованным видом опустился обратно в кресло.

— Можешь идти, Том.

Риддл соскользнул со стула и с подавленным видом вышел из кабинета. Гарри отправился за ним. Они спустились по движущейся винтовой лестнице в темный коридор прямо за горгульей. Риддл остановился. Гарри тоже встал, наблюдая за ним. Гарри видел, что Риддл о чем-то напряженно думает. Он хмурился и кусал губы. Затем, как будто приняв решение, он заторопился прочь. Гарри бесшумно следовал за ним. Они никого не

встретили, пока не дошли до Вестибюля, где высокий колдун с длинными каштановыми волосами и такой же бородой окликнул Тома с мраморной лестницы.

— Ты что бродишь здесь в такое время, Том?

Гарри в изумлении уставился на колдуна. Это был ни кто иной, как Дамблдор, только на пятьдесят лет моложе.

— Меня вызывали к директору, сэр, — ответил Риддл.

— Ну что ж, теперь скорее в постель, — сказал Дамблдор, глядя на Риддла тем проницательным взглядом, который был так хорошо знаком Гарри. — В эти дни лучше не бродить по коридорам. Не теперь…

Он тяжело вздохнул, пожелал Риддлу спокойной ночи и степенно удалился. Риддл подождал, пока тот исчезнет из вида, и, преследуемый по пятам Гарри, быстро направился вниз по лестнице к подземельям.

Но к разочарованию Гарри, Риддл привел его не к скрытому проходу или секретному тоннелю, а в класс, где проходили уроки зелий со Снейпом. Факелы не горели, и когда Риддл прикрыл дверь, Гарри едва мог разглядеть, как он застыл, словно вкопанный, глядя на коридор снаружи.

Гарри казалось, что они здесь уже целый час. Все, что ему было видно — это фигура Риддла у двери, глядящего через щель, застывшего в ожидании чего-то. И вот, когда Гарри перестал напряженно ждать, и уже захотел вернуться назад в настоящее, за дверью послышалось движение.

Кто-то крался по коридору. Гарри услышал, как некто, кто бы он ни был, миновал подземелье, где они притаились. Риддл бесшумно, словно тень, проскользнул сквозь щель и отправился по следу. Гарри на цыпочках крался за ним, забыв, что его нельзя услышать.

Еще около пяти минут они следовали за звуками шагов, пока Риддл неожиданно не остановился, повернувшись туда, где послышался еще какой-то шум. Гарри услышал, как со скрипом отворилась дверь, и кто-то хриплым шепотом произнес:

— Ну-кась… поди сюды… ну же… залазь в коробку…

В этом голосе было что-то знакомое.

Риддл неожиданно выпрыгнул из-за угла. Гарри тоже сделал несколько шагов и остановился позади него. Ему была видна темная фигура здоровенного парня, склонившегося перед открытой дверью, рядом с ним стояла большая коробка.

— Добрый вечер, Рубеус, — резко произнес Риддл.

Парень захлопнул дверь и поднялся.

— И чего ты тута бродишь, Том?

Риддл подошел ближе.

— Все кончено, — сказал он. — Я собираюсь выдать тебя, Рубеус. Говорят, что Хогвартс закроют, если нападения не прекратятся.

— Чего ты такое..?

— Я не думаю, что ты хотел чьих-то смертей. Но чудовище не превратишь в ручного зверька. Ты, наверное, просто выпустил его поразмяться и…

— Он никого не убивал! — сказал здоровяк, пятясь к закрытой двери. За его спиной Гарри слышал странные шорохи и щелчки.

— Ну же, Рубеус, — сказал Риддл, подбираясь еще ближе. — Завтра приедут родители убитой девочки. Меньшее, что может сделать Хогвартс, это уверить их в том, что существо, убившее их дочь, уничтожено.

— Это не он! — взревел парень, его голос эхом зазвучал в коридоре. — Он бы ни в коем разе..! Он бы сроду так не сделал!

— Отойди, — приказал Риддл, вынимая палочку.

Его заклинание осветило коридор внезапной

вспышкой света. Дверь за здоровяком распахнулась с такой силой, что его отбросило к стене напротив. За дверью оказалось нечто, заставившее Гарри издать пронзительный крик ужаса, который никто не услышал.

Огромное, приземистое, волосатое туловище и беспорядочная мешанина черных ног, множество блестящих глаз и пара острых как бритва клешней — Риддл снова поднял палочку, но было уже поздно. Чудовище, удирая, сбило его с ног, стремительно промчалось по коридору и скрылось из виду. Риддл с трудом поднялся, озираясь в поисках монстра; он поднял палочку, но верзила прыгнул на него, выхватил палочку и отбросил его с криком «НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!»

Все вокруг завертелось, тьма стала непроглядной, Гарри почувствовал, как падает, и с грохотом упал плашмя на свою кровать в спальне Гриффиндора; раскрытый дневник лежал у него на животе.

Не успел он перевести дыхание, как дверь спальни открылась, и вошел Рон.

— Вот ты где, — сказал он.

Гарри сел. Он был весь в поту и дрожал.

— В чем дело? — обеспокоенно глядя на него, спросил Рон.

— Это был Хагрид, Рон. Хагрид открыл Камеру Секретов пятьдесят лет назад.

Глава четырнадцатая
КОРНЕЛИУС ФАДЖ

Гарри, Рон и Гермиона всегда знали, что Хагрид питает нездоровую привязанность к огромным уродливым созданиям. В их первый год в Хогвартсе, он пытался держать дракона в своей маленькой хижине, а уж огромного трехголового пса, по кличке Пушок они ещё долго не забудут. Гарри был уверен, что, если бы, мальчишкой, Хагрид услышал о чудище, скрывающемся где-то в замке, он бы сделал все возможное, чтобы взглянуть на монстра хоть одним глазком. Он бы даже пожалел чудовище, сидящее взаперти в темной клетушке, и уж наверняка выпустил бы того поразмять многочисленные ноги. Гарри легко мог представить, как тринадцатилетний Хагрид пытается надеть на монстра поводок и ошейник. И в то же время он был абсолютно уверен, что Хагрид не хотел никому зла.

Гарри иногда даже жалел, что вляпался в эту историю с дневником Риддла. Рон с Гермионой снова и снова просили его пересказать увиденное. Гарри уже подташнивало и от пересказов, и

от долгих, бессмысленных обсуждений.

— Риддл мог поймать *не того*, — говорила Гермиона. — Может, существовало другое чудовище, нападавшее на людей.

— Ну и сколько их, по-твоему, водится в замке? — вяло поинтересовался Рон.

— Мы же знаем, что Хагрида исключили, — печально констатировал Гарри. — И нападения, должно быть, прекратились после его ухода, иначе Риддл не получил бы свою награду.

Рон подошел к ситуации с другой стороны:

— Риддл прямо как *Перси*. И кто просил его доносить на Хагрида?

— Но чудовище *убило* человека, Рон, — возмутилась Гермиона.

— А Риддлу, если б Хогвартс закрыли, пришлось бы вернуться в маггловый приют для сирот, — сказал Гарри. — Я не виню его за желание остаться здесь.

— Гарри, ты же встретил Хагрида на Скверн-аллее?

— Он покупал средство от плотоядных слизней, — быстро ответил Гарри.

Наступила тишина. После долгой паузы Гермиона нерешительно задала мучавший всех вопрос:

— Думаете, нам стоит пойти и спросить самого Хагрида?

— Это будет забавная встреча, — сказал Рон. — «Привет, Хагрид. Скажи, ты в последнее время не выпускал на волю никого безумного и волосатого?»

В конце концов, они решили ничего не говорить Хагриду, если только не начнутся новые нападения. И, по мере того, как шли спокойные дни, не нарушаемые шепотом бесплотных голосов, им начало казаться, что разговор об исключении Хагрида никогда и не зайдет. Уже прошло почти четыре месяца с тех пор, как Джастин и Почти безголовый Ник превратились в камень. Все решили, что нападавший, кто бы он ни был, исчез навсегда. Брюзгу уже наскучила его песня «*Подлый Поттер...*», Эрни Макмиллан как-то на уроке довольно дружелюбно попросил его передать корзинку с прыгучими поганками. А в марте несколько мандрагор закатили в третьей теплице безумную вечеринку, чем очень порадовали профессора Саженс.

— Когда они начнут лазать друг к другу в горшки, мы и поймем, что они окончательно созрели, — сказала она Гарри. — Тогда мы сможем оживить тех несчастных в больничном крыле.

* * *

Второкурсникам, тем временем, было о чем поразмыслить на пасхальных каникулах. Пришло время выбирать предметы на третий год, к чему Гермиона отнеслась со всей ответственностью.

— Это может повлиять на все наше будущее, — напомнила она Рону и Гарри, пока они изучали списки своих новых предметов, делая в них пометки.

— Я только хочу покончить с зельями, — сказал Гарри.

— Мы не можем, — мрачно сказал Рон, — Все старые предметы остаются. А иначе я бы бросил защиту от темных искусств.

— Но это же такой важный предмет! — поразилась Гермиона.

— Ну, только не с Локартом, — сказал Рон. — С ним я научился лишь тому, что нельзя выпускать пикси.

Невилла Лонботтома забросали письмами все приходящиеся ему родственниками колдуны и ведьмы, и от всех он получал разные советы по выбору предметов. Взволнованный и сбитый с толку, он, с высунутым от усердия языком, изучал список предметов, спрашивая мнения

окружающих — что кажется им более сложным: нумерология или изучение древних рун. Дин Томас, как и Гарри, выросший среди магглов, в конце концов, стал просто с закрытыми глазами тыкать палочкой в список и выбирать предметы, на которые та укажет. Гермиона, ни с кем не советуясь, записалась сразу на все предметы.

Гарри мрачно усмехался про себя, представляя, что бы сказали дядя Вернон и тетя Петуния, вздумай он обсудить с ними свою карьеру колдуна. Не то чтобы ему не с кем было посоветоваться: Перси Уисли жаждал поделиться с ним своим опытом.

— Зависит от того, Гарри, чем ты хочешь заниматься дальше, — сказал он. — Никогда не рано начать думать о будущем, так что я бы порекомендовал гадание. Говорят, что изучение магглов — для дурачков, но лично я считаю, что колдуны должны иметь исчерпывающее представление о немагическом сообществе, особенно, если они планируют работать в тесном контакте с ними — посмотри на моего отца, ему постоянно приходится сталкиваться с магглами по работе. Мой брат Чарли всегда больше любил работать на воздухе, поэтому он занялся уходом за магическими созданиями. Сосредоточься на своих сильных сторонах, Гарри.

Но единственным, в чем Гарри чувствовал себя компетентным был квиддич. В конце концов, он выбрал те же новые предметы, что и Рон, рассчитывая, что даже если и не преуспеет в них, то хотя бы будет с кем поболтать.

* * *

Следующий матч по квиддичу должен был состояться между Гриффиндором и Хуфльпуфом. Прут настаивал на ежедневных тренировках вечером после ужина, так что у Гарри почти не оставалось времени ни на что, кроме квиддича и домашней работы.

К счастью, на тренировках дела пошли лучше, и Гарри уже не так выматывался. Вечером перед субботним матчем, он поднялся в спальню, чтобы положить метлу, чувствуя, что шансы Гриффиндора на победу в Квиддичном Кубке никогда еще не были так велики. Но его радость длилась недолго. На верху лестницы, ведущей в спальни Гриффиндора, Гарри встретил потрясенного Невилла Лонботтома.

— Гарри, я не знаю, кто это сделал. Все уже было так…

Испуганно глядя на Гарри, Невилл открыл дверь. Вещи из сундука Гарри были разбросаны

повсюду. Его плащ, разорванный, валялся на полу. Белье было стянуто с кровати, выдвижной ящик вытащен из тумбочки, его содержимое высыпано на матрас. Гарри, не веря своим глазам, подошел к кровати, наступив на страницы, выпавшие из «Турне с троллями». Не успели они с Невиллом накинуть одеяла обратно на кровать, как в спальню вошли Рон, Дин и Шеймас. Дин громко выругался.

— Гарри, что произошло?

— Понятия не имею, — ответил Гарри.

Рон тем временем изучал разбросанную одежду Гарри. Все карманы были вывернуты.

— Здесь что-то искали, — сказал Рон. — Ничего не пропало?

Гарри начал собирать вещи и кидать их в сундук. И только вернув на место последнюю книгу Локарта, он понял, чего не хватает.

— Дневник Риддла пропал, — понизив голос, сказал он Рону.

— *Что?*

Гарри кивнул головой на дверь спальни, и Рон вышел вслед за ним. Они поспешно спустились обратно в полупустую гриффиндорскую гостиную, и подсели к Гермионе, в одиночестве читавшей книгу «Древние руны для новичков».

Гермиона пришла в ужас от новостей:

— Но ведь только кто-то из Гриффиндора мог взять его, больше никто не знает наш пароль…

— Вот именно, — ответил Гарри.

* * *

Когда они проснулись на следующее утро, на улице ярко светило солнце и дул свежий легкий ветерок.

— Идеальная погода для квиддича! — с энтузиазмом сообщил Прут за столом, раскладывая по тарелкам членов команды яичницу. — Гарри, иди к нам, тебе нужно хорошенько подкрепиться.

Гарри пристально рассматривал собравшихся за столом гриффиндорцев, пытаясь понять, нет ли там нового хозяина дневника. Гермиона настаивала, чтобы Гарри сообщил преподавателям о случившемся, но ему была не по душе эта идея. Пришлось бы рассказать все про дневник, а ведь неизвестно, сколько народу знает о том, почему Хагрида исключили пятьдесят лет назад. Ему не хотелось стать тем, кто опять вытащит эту тёмную историю на поверхность.

Когда друзья ушли из Большого зала собираться на квиддич, у Гарри вдруг появился еще один серьезный повод для беспокойства. Как только

он встал на ступеньку, снова раздался тот голос:

— *На этот раз убить… позволь мне рвать… терзать….*

Гарри громко вскрикнул и Рон с Гермионой от неожиданности отскочили от него.

— Голос, — сказал Гарри, оглядываясь, — я только что снова слышал его… а вы?

Рон с широко раскрытыми глазами покачал головой. Гермиона же хлопнула себя по лбу:

— Гарри, кажется, я кое-что поняла! Мне надо в библиотеку!

И она бросилась вверх по лестнице.

— *Что* она поняла? — спросил Гарри, все еще растерянно глядя по сторонам, пытаясь понять, откуда раздавался голос.

— Уж побольше моего, — покачал головой Рон.

— Но зачем ей понадобилась библиотека?

— У Гермионы такое правило, — ответил Рон, пожимая плечами, — Чего-то не знаешь — иди в библиотеку.

Гарри стоял в нерешительности, пытаясь снова услышать голос, но из Большого зала позади него уже начали выходить, громко болтая, ученики, идущие посмотреть игру.

— Тебе пора, — напомнил Рон. — Уже одиннадцать, сейчас начнется матч.

Гарри помчался наверх в башню Гриффиндора, схватил свой «Нимбус-2000» и присоединился к толпе, заполонившей окрестности замка. Но мысленно он еще был внутри, с невидимым обладателем голоса, и, натягивая алую форму в раздевалке, он успокаивал себя только тем, что сейчас в замке никого нет — все на игре.

Команды вышли на поле под бурные аплодисменты. Оливер Прут облетел вокруг шестов, чтобы размяться перед игрой. Мадам Фьюч выпустила мячи. Хуфльпуфцы, в канареечно-желтой форме, собрались в кучку, обсуждая стратегию игры.

Гарри проверял свою метлу, когда на поле стремительно вышла, почти выбежала профессор Макгонаголл с огромным фиолетовым рупором в руках.

У Гарри упало сердце.

— Матч отменяется, — сообщила в рупор профессор Макгонаголл, обращаясь к переполненному стадиону. Раздались крики и свист. Страшно огорченный Оливер Прут приземлился и, едва успев слезть с метлы, кинулся к профессору Макгонаголл.

— Но профессор! — завопил он. — Мы должны играть… Кубок… *Гриффиндор!*

Профессор Макгонаголл, не обращая на него внимания, продолжила кричать в рупор:

— Все учащиеся должны вернуться в общие гостиные своих домов, где деканы сообщат дальнейшую информацию! И, пожалуйста, поторапливайтесь!

Затем она опустила рупор и жестом подозвала Гарри к себе.

— Поттер, я думаю вам лучше пойти со мной…

Недоумевая от того, в чём его подозревают на этот раз, Гарри увидел, как от недовольной толпы отделился Рон. Он присоединился к ним на пути в замок. К удивлению Гарри, профессор Макгонаголл не возражала.

— Да, Уисли, вам тоже лучше пойти.

Одни ученики, толпящиеся вокруг них, недовольно роптали из-за отмены матча, другие выглядели обеспокоенными. Гарри и Рон вместе с профессором Макгонаголл вернулись обратно в школу и поднялись по лестнице. Но на этот раз их не повели ни в какой кабинет.

— То, что вы увидите, может вас шокировать, — сказала профессор Макгонаголл подозрительно вкрадчивым голосом, когда они подошли к больничному крылу. — Произошло еще одно нападение… *двойное* нападение.

У Гарри все внутри перевернулось. Профессор Макгонаголл открыла дверь, и они с Роном зашли внутрь. Мадам Помфри склонилась над шестикурсницей с длинными вьющимися волосами. Гарри узнал ее, она была из Рейвенкло, они както спрашивали у нее дорогу в общую гостиную Слизерина. А на кровати напротив была –

— *Гермиона*! — охнул Рон.

Гермиона лежала совершенно неподвижно, с открытыми остекленевшими глазами.

— Их нашли у библиотеки, — сказала профессор Макгонаголл. Кто-нибудь из вас может это объяснить? Это обнаружили на полу рядом с ними… — В ее руках было маленькое круглое зеркальце.

Гарри и Рон помотали головами, не отводя глаз от Гермионы.

— Я провожу вас обратно в гриффиндорскую башню, — тяжело вздохнула профессор Макгонаголл. — Мне в любом случае надо сообщить ученикам.

* * *

«Все учащиеся должны возвращаться в общие гостиные своих колледжей до шести часов вечера. После этого времени покидать спальни

запрещено. До классов вас будут провожать преподаватели. Нельзя посещать туалет без сопровождения учителя. Все следующие игры и тренировки по квиддичу будут отложены. Занятия в вечернее время отменяются.

Гриффиндорцы столпились в общей гостиной, молча слушая профессора Макгонаголл. Она свернула пергамент, который читала и сказала каким-то сдавленным голосом:

— Хочу добавить, что я редко бываю так выбита из колеи. Вероятно, школу закроют, если не будет пойман виновник произошедшего. Я настоятельно прошу откликнуться тех, кому что-то известно.

Она неловко выбралась наружу через проход за портретом, и ученики сразу же начали обсуждать услышанное.

— Уже двое гриффиндорцев, если не считать гриффиндорского призрака, одна из Рейвенкло и один из Хуфльпуфа, — начал считать, загибая пальцы, приятель близнецов Уисли — Ли Джордан. — А *никто* из учителей не заметил, что все слизеринцы целы? Разве не ясно, откуда ветер дует? *Наследник* Слизерина, *чудовище* Слизерина — почему бы им просто не выкинуть всех слизеринцев вон? — раззадорился он, получая в ответ

согласные кивки и нестройные аплодисменты.

Перси Уисли сидел в кресле позади Ли, и, на сей раз, похоже, не торопился высказывать свое мнение. Он был бледен и выглядел совершенно ошарашено.

— Перси совсем не в себе, — тихо сказал Гарри Джордж. — Та девчонка из Рейвенкло — Пенелопа Клируотер — тоже префект. Он, видимо, не ожидал, что монстр осмелится нападать на *префектов*.

Но Гарри слушал его вполуха. У него перед глазами все еще стояла Гермиона, лежащая на больничной койке, как каменное изваяние. А если виновного вскоре не поймают, ему придется вернуться к Дёрсли. Том Риддл выдал Хагрида, потому что мог вернуться в маггловый приют, если бы школу закрыли. Теперь Гарри понимал, каково ему было.

— Что нам теперь делать? — тихо сказал Рон Гарри на ухо. — Думаешь, они подозревают Хагрида?

— Мы должны пойти и поговорить с ним, — решил Гарри. — Я не верю, что на этот раз он виновен, но если он выпускал чудовище раньше, то знает как попасть в Камеру Секретов, а это уже кое-что.

— Но Макгонаголл сказала, что, если мы не на уроках, то должны сидеть в башнях.

— Я думаю, — еще тише сказал Гарри, — пришла пора снова воспользоваться старым папиным плащом.

* * *

Гарри досталась от отца всего одна вещь: длинный серебристый плащ-невидимка. Он был их единственный шансом смыться из школы и тайком навестить Хагрида. Гарри с Роном пошли спать как обычно, дождались пока Невилл, Дин и Шеймас закончат обсуждать Камеру Секретов и, наконец, заснут, потом встали, снова оделись и накинули сверху плащ-невидимку.

Пробираться по темным и пустынным коридорам замка было не слишком приятно. Гарри, который уже несколько раз раньше оказывался в ночном замке, никогда не видел его таким оживленным после захода солнца. Преподаватели, префекты и призраки парами патрулировали коридоры, озираясь в поисках чего-нибудь подозрительного. Плащ-невидимка не делал их неслышными, и ребята пережили один довольно напряженный момент, когда Рон ушиб палец на ноге в каком-то метре от поста, где бдил Снейп. К

счастью, тот чихнул именно в тот момент, когда Рон чертыхнулся. Поэтому они почувствовали облегчение, когда наконец добрались до дубовых входных дверей и выбрались наружу.

Ночь была ясной и звездной. Они поспешили к дому Хагрида, где светились окна. Плащ они сняли у самого порога. Через несколько секунд, после того, как они постучали, Хагрид резко распахнул дверь. Прямо им в лицо он направил арбалет, за его спиной надрывался от лая волкодав Клык.

— О, — сказал он, опуская оружие, и глядя на них, — а вы чего эта тут делаете?

— А это зачем? — спросил Гарри, заходя внутрь и показывая на арбалет.

— Ничего, так, — пробормотал Хагрид, — Я тут ждал кой-кого, не берите в голову, садитесь-ка, я чайку сварганю.

Он едва ли соображал, что делает: почти потушил огонь, выплеснув на него воду из чайника, и разбил заварник, неосторожно взмахнув здоровенной ручищей.

— С тобой все в порядке, Хагрид? — спросил Гарри. — Ты слышал про Гермиону?

— Ну да, слыхал, как же, — внезапно дрогнувшим голосом ответил Хагрид.

Продолжая тревожно поглядывать в окна, Ха-

грид налил им большие кружки кипятка (чайные пакетики положить забыл) и как раз накладывал на тарелку большой кусок фруктового пирога, когда в дверь громко постучали.

Хагрид уронил пирог. Гарри и Рон обменялись испуганными взглядами. Набросив плащ, они забрались в угол. Хагрид убедился, что они надежно спрятаны, схватил свой арбалет и снова резко распахнул дверь.

— Добрый вечер, Хагрид.

Это был Дамблдор. Он вошел, с серьезным видом, в сопровождении очень старого на вид человека. Незнакомец был маленького роста, тучный, с всклокоченными седыми волосами и имел весьма озабоченный вид. Он был одет в странный ансамбль: костюм в тонкую полоску, изумрудный галстук, длинный черный плащ и фиолетовые остроносые ботинки. Под мышкой у него был зажат лимонного цвета котелок.

— Это папин начальник! — выдохнул Рон. — Корнелиус Фадж, министр магии.

Гарри толкнул Рона, чтобы тот замолчал.

Хагрид побледнел и взмок. Он рухнул на один из стульев и переводил взгляд с Дамблдора на Фаджа.

— Плохи дела, Хагрид, — резким голосом ска-

зал Фадж. — Совсем плохи. Пришлось приехать. Четыре нападения на магглорожденных. Все зашло слишком далеко. Министерство должно принять меры.

— Да я б ни в коем разе, — проговорил Хагрид, умоляюще глядя на Дамблдора. — Вы ж знаете, ни в коем разе, профессор Дамблдор, сэр…

— Я бы хотел, чтобы вы понимали, Корнелиус, что я полностью доверяю Хагриду, — хмуро взглянул Дамблдор на Фаджа.

— Послушайте, Дамблдор, — замялся Фадж. — Прошлое Хагрида ему явно не на руку. Министерству нужно что-то делать. Школьное правление ждет отчетов.

— И я повторю, Корнелиус, что отъезд Хагрида делу не поможет, — его голубые глаза горели таким огнем, какого Гарри никогда раньше не видел.

— Ну, встаньте на мое место, — проговорил Фадж, теребя свой котелок. — На меня давят со всех сторон. Нужно создать видимость каких-то действий. Если окажется, что Хагрид не виноват — он вернется, и мы забудем об этой истории. Но мне придется его забрать. Я вынужден. Если бы мне не надо было выполнять свою работу…

— Забрать меня? — задрожал Хагрид. — Куда

забрать?

— Недалеко, — ответил Фадж, стараясь не встречаться с Хагридом взглядом. — Это не наказание, Хагрид, скорее мера предосторожности. Если мы кого-то поймаем, вас отпустят со всем почтением.

— Не в Азкабан? — хрипло спросил Хагрид.

Прежде, чем Фадж ответил, в дверь снова постучали. Дамблдор открыл. Теперь пришел черед Гарри получить тычок локтем — он громко ахнул.

Мистер Люциус Малфой, закутанный в длинный черный дорожный плащ, вошел в хижину Хагрида, улыбаясь довольной, леденящей душу улыбкой. Зарычал Клык.

— Фадж уже тут, — одобрил он. — Отлично, отлично.

— А тебе-то чего тут надо? — взорвался Хагрид. — Пшел вон из моего дома!

— Дражайший, прошу, поверьте, что мне не доставляет никакого удовольствия находиться в вашем… эээ… как вы говорите — доме? — процедил Люциус Малфой, насмешливо оглядывая маленькую комнатку. Меня просто вызвали в школу, и я узнал, что директор сейчас здесь.

— И что вы хотели от меня, Люциус? — спросил

Дамблдор. Он говорил вежливо, но глаза его все еще пылали.

— Это, конечно, *ужасно*, Дамблдор, — лениво произнес Малфой, доставая длинный свиток пергамента, — но правление считает, что вам пора оставить пост. Это приказ о временном отстранении от должности, здесь все двенадцать подписей. Боюсь, мы склоняемся к мнению, что вы потеряли хватку. Сколько нападений случилось на данный момент? Еще два… сегодня, не так ли? Если так пойдет и дальше, тут не останется магглорожденных, а мы знаем, какая это будет *трагическая* потеря для школы.

— О, видите ли, Люциус, — встревожился Фадж. — Отстранение Дамблдора….нет, нет…это последнее, что нам сейчас нужно…

— Назначение или снятие с поста директора — вопрос, находящийся в компетенции правления, — спокойно ответил Малфой. — А поскольку Дамблдор не смог прекратить эти нападения…

— Но, Люциус, если *Дамблдор* не смог остановить их, то кто… — спросил Фадж, над верхней губой которого уже выступил пот. — Я имею в виду, *кому* это под силу?.

— Будет видно, — ответил Малфой с неприятной усмешкой. — Но поскольку все двенадцать

членов правления проголосовали…

Хагрид вскочил на ноги, и его косматая черноволосая голова уперлась в потолок.

— И сколько ж ты их стращал и вынуждал, пока они не согласились, а, Малфой? — взревел он.

— Дорогой Хагрид, этот ваш нрав когда-нибудь доведет вас до беды, — сказал Малфой. — Советую не кричать вот так на стражей Азкабана. Им это совсем не понравится.

— Не тронь Дамблдора! — закричал Хагрид, так что волкодав Клык забился в конуру и заскулил. — Заберешь его — и магглорожденным конец! Всех загубят!

— Успокойся, Хагрид, — резко остановил его Дамблдор. Он посмотрел на Люциуса Малфоя:

— Если правление хочет моей отставки, я, конечно, уйду с дороги.

— Но… — заикнулся Фадж.

— *Нет*! — заревел Хагрид.

Дамблдор не отводил своих голубых глаз от серых глаз Люциуса Малфоя.

— Однако, — сказал Дамблдор очень медленно и отчетливо, чтобы никто не пропустил ни слова, — вы увидите, что я только тогда *на самом деле* покину эту школу, когда здесь не останется никого, кто предан мне. Кроме того, в Хогвартсе

тот, кому нужна помощь, всегда ее получит.

На мгновение Гарри показалось, что Дамблдор взглянул в угол, где они прятались.

— Высокие слова, — сказал Малфой, кланяясь. — Мы будем скучать по вашему... эээ... особенному стилю ведения дел, Альбус, и надеемся, что ваш преемник сможет предотвратить...эээ, *убивания.*

Он подошел к двери в комнату, открыл ее и с поклоном выпроводил Дамблдора.

Фадж, в обнимку со своим бестолковым котелком, подождал Хагрида, чтобы выйти вслед за ним, но тот, стоя на месте, сделал глубокий вдох, и четко произнес:

— Если кто захочет чего *выяснить*, так пусть идет за *пауками*. Они выведут куда надо. Вот и все, что я скажу!

Фадж удивленно уставился на него.

— Все, я готов, — сказал Хагрид, натягивая свое кротовое пальто. Но, прежде чем выйти за дверь вслед за Фаджем, он еще раз остановился и громко сказал:

— И кому-то надо кормить Клыка пока меня нет.

Дверь с грохотом захлопнулась, и Рон стянул с себя плащ-невидимку.

— Вот мы влипли, — хрипло сказал он. — Дамблдора нет. Не сегодня-завтра школу закроют. Теперь, когда его нет, жди нападений каждый день.

Клык завыл и начал скрестись в закрытую дверь.

Глава пятнадцатая
АРАГОГ

За стенами замка уже наступило лето; небо и озеро голубели как нежные барвинки; в теплицах вовсю распускались цветы, размером с кочан капусты. Но Гарри чего-то не хватало без Хагрида, который обычно обходил окрестности в компании Клыка. Не легче было и в замке, где дела были совсем плохи.

Гарри с Роном хотели навестить Гермиону, но посетители теперь не допускались в больничное крыло.

— Не стоит больше рисковать, — строго сообщила им мадам Помфри через окошко в двери. — Уж извините, но нападавший может в любой момент вернуться довершить начатое.

С уходом Дамблдора страх овладел всеми еще сильнее; даже солнечные лучи, согревающие стены замка снаружи, как будто отказывались проникать внутрь сквозь окна. В школе едва ли можно было увидеть не хмурое и не взволнованное лицо, а если смех и раздавался в коридорах, то звучал слишком громко и неестественно и тут

же смолкал.

Гарри постоянно повторял про себя последние слова Дамблдора: «*Я только тогда на самом деле покину эту школу, когда здесь не останется никого, кто предан мне. Кроме того, в Хогвартсе тот, кому нужна помощь, всегда ее получит*». Но что он хотел этим сказать? К кому обращаться за помощью, когда все вокруг одинаково растеряны и напуганы?

Фраза Хагрида о пауках была куда понятнее, не считая одной проблемы — в замке, похоже, не осталось ни одного паука, за которым можно было бы проследить. Гарри искал их везде, где только мог. Ему помогал и Рон, правда, без особого энтузиазма. Им, конечно, мешал запрет на одинокие прогулки по замку, ведь теперь они были вынуждены перемещаться с кучкой других гриффиндорцев. Большинство учеников были рады, что из класса в класс их сопровождали преподаватели, но Гарри это изрядно досаждало.

И все же, один человек чувствовал себя как рыба в воде в атмосфере всеобщего страха и подозрительности. Драко Малфой расхаживал по школе с таким видом, как будто его назначили Префектом. Гарри не понимал, чем он так доволен, пока как-то на уроке зелий, через пару

недель после ухода Дамблдора и Хагрида, не сел за Малфоем и нечаянно не подслушал, как он злорадно сообщал Крэббу и Гойлу:

— Я всегда знал, что только отец сможет избавиться от Дамблдора. — сказал он, даже и не пытаясь говорить потише. — Я вам говорил, что, по его мнению, Дамблдор — худший директор за всю историю Хогвартса. Может теперь нам дадут нормального директора. Кого-то, кто не будет пытаться закрыть Камеру Секретов. Макгонаголл долго не продержится, она лишь заместитель…

Снейп проскользнул мимо Гарри, ничего не сказав об отсутствии Гермионы.

— Сэр, — громко произнес Малфой, — Сэр, почему бы вам не занять должность директора?

— Не торопитесь, Малфой, — остановил его Снейп, все же польщено ухмыльнувшись. — Профессор Дамблдор всего лишь временно отстранен по решению членов правления. Я полагаю, что вскоре он вернется к нам.

— Разумеется, — с притворной улыбкой согласился Малфой. — Но я думаю, если бы вам захотелось занять это место, папин голос был бы вам обеспечен. Я скажу отцу, что *вы* здесь лучший учитель, сэр.

Снейп, обходящий класс, ухмыльнулся, к

счастью не обратив внимания на Шеймаса Финнигана, который изображал, словно его тошнит в котел.

— Странно, что грязнокровки еще не пакуют вещички, — продолжил Малфой. — Спорим на пять галеонов, что следующая жертва подохнет. Жаль, что это не Грейнджер.

К счастью зазвонил колокол; услышав последние слова Драко, Рон сорвался с места, но во всеобщей суматохе его попытка добраться до Малфоя осталась незамеченной.

— Пустите меня, — прорычал Рон вцепившимся в него Гарри и Дину. — Мне даже не нужна палочка, я задушу его голыми руками.

— Пошевеливайтесь, я должен отвести вас на травоведение, — прикрикнул Снейп. Все вышли и построились, замыкали колонну Гарри, Дин и все еще пытавшийся вырваться Рон. Отпустить его друзья смогли только за пределами замка, когда Снейп повел всех через огород к теплицам.

Урок травоведения прошел довольно уныло, с ними не было уже двоих: Джастина и Гермионы. Профессор Саженс дала всем задание — обрезать Абиссинскую Съежевницу. Гарри отправился сгрузить охапку сухих стеблей на кучу компоста и столкнулся с Эрни Макмилланом. Эрни сделал

глубокий вдох и очень торжественно произнес:

— Я хочу сказать, Гарри, что сожалею о том, что подозревал тебя. Я знаю, что ты никогда не навредил бы Гермионе Грейнджер, и прости за все, что я наговорил. Все мы в одной лодке, так что…

Он протянул пухлую ладонь, и Гарри пожал ее.

Эрни и его подруга Ханна принялись за ту же Съежевницу, что и Гарри с Роном.

— Этот Драко Малфой, — сказал Эрни Макмиллан, обламывая сухие ветки, — он, кажется, всем очень доволен, правда? Я тут подумал, а может он и есть наследник Слизерина?

— Да ты прямо гений, — проворчал Рон, еще не успевший простить Эрни, в отличие от Гарри.

— А *ты* не думаешь, что это Малфой, Гарри? — спросил Эрни.

— Нет, — сказал Гарри так твердо, что Эрни и Ханна уставились на него в изумлении.

Секундой позже Гарри заметил что-то и стукнул Рона по руке секатором

— Ай! Ты чего?

Гарри показал ему на землю примерно в метре от них, там суетливо сновали несколько больших пауков.

— А, да, — сказал Рон, безуспешно пытаясь изобразить радость. — Но мы ведь не можем пойти за

ними прямо сейчас.

Эрни и Ханна с любопытством прислушивались.

Гарри проследил за убегающими пауками.

— Смотри, они, кажется, направляются в Запретный лес…

Рон еще больше помрачнел.

После травоведения профессор Саженс отвела учеников на урок защиты от темных искусств.

Гарри и Рон отстали от других, чтобы спокойно поговорить, не боясь быть подслушанными.

— Нам придется снова воспользоваться плащом-невидимкой, — сказал Гарри Рону. — Мы можем взять с собой Клыка. Он уже был в Запретном лесу с Хагридом, может чем-нибудь пригодится.

— Точно, — сказал Рон, нервно крутя в руках палочку. — А разве не…разве в лесу не живут оборотни? — добавил он, когда они заняли свои обычные места на галерке в классе Локарта.

Гарри предпочел оставить этот вопрос без ответа и сказал:

— Там есть и хорошие существа: кентавры и единороги, например.

Рон никогда раньше не был в Запретном лесу. А Гарри, попав туда лишь раз, надеялся, что это

больше не повторится.

Локарт ворвался в класс, и все взгляды обратились на него. Учителя в школе выглядели мрачнее, чем всегда, но Локарт демонстрировал обычную жизнерадостность.

— Эй! — воскликнул он с лучезарной улыбкой. — Что за кислые лица?

Все возмущенно переглянулись, но ничего не сказали.

— Разве вы не понимаете? — спросил Локарт, произнося слова очень медленно, словно беседуя с умственно отсталыми. — Опасность миновала. Преступника больше нет.

— Откуда такие сведения? — громко спросил Дин Томас.

— Дорогой юноша, министр магии не мог бы забрать Хагрида, не будучи полностью уверенным в его вине, — сказал Локарт таким тоном, словно объяснял, сколько будет дважды два.

— Как раз таки мог, — еще громче, чем Дин сказал Рон.

— Смею надеяться, что знаю *немного больше* об аресте Хагрида, чем вы, мистер Уисли, — самодовольно заявил Локарт.

Рон начал было возражать, что это вообще-то не так, но прервался на полуслове, когда Гарри

пнул его под столом.

— Нас там не было, помнишь? — пробормотал Гарри.

Но неуместное веселье Локарта, его намеки о том, что он уже давно раскусил Хагрида, его уверенность в том, что опасность позади, так сильно раздражали Гарри, что он мечтал швырнуть «Вечера с Вампирами» прямо в глупую рожу Локарта. Но он ограничился тем, что нацарапал Рону записку: *«Идем сегодня».*

Рон прочитал, сглотнул и посмотрел в сторону пустующего места Гермионы. Это зрелище, похоже, укрепило его решимость, и он кивнул.

В гриффиндорской общей гостиной в эти дни все время было полно народу, потому что после шести часов им больше некуда было податься. Тем для разговоров хватало, так что общая гостиная часто не пустела даже после полуночи.

Сразу после обеда Гарри взял из сундука плащ-невидимку и весь вечер просидел на нем, ожидая пока все разойдутся. Фред и Джордж предложили Рону и Гарри сыграть в «Подрыного дурака», за игрой наблюдала Джинни, с подавленным видом сидевшая в кресле Гермионы. Гарри и Рон специально поддавались, чтобы поскорее закончить игру, но все равно было уже за полночь, когда

Фред, Джордж и Джинни наконец отправились спать.

Гарри и Рон подождали, пока вдалеке не хлопнули двери спален, затем достали плащ, набросили на себя и пробрались в ход за портретом.

Это путешествие по замку тоже оказалось нелегким, приходилось уворачиваться от преподавателей. Наконец, они добрались до Вестибюля, осторожно отодвинули засов на дубовых дверях, стараясь не скрипеть, выскользнули в щелку, и вышли на залитый лунным светом двор.

— А что, если, — вдруг произнес Рон, шагая по черной траве, — мы дойдем до леса, а там и не за кем следить. Те пауки могли идти вовсе не в лес. Они вроде шли куда-то туда, но…

Его полный надежды голос растаял в воздухе.

Они добрались до хижины Хагрида, печальной и безмолвной, без горящего в окнах света. Когда Гарри открыл дверь, из дома выпрыгнул Клык, который при виде них чуть не сошел с ума от радости. Волнуясь, как бы он своим громовым лаем не перебудил всех в замке, они поспешно сунули ему сладкую помадку из жестянки на каминной полке, которая намертво склеила ему челюсти.

Гарри оставил плащ-невидимку на столе Хагрида, ведь в кромешной тьме леса она им уже

не понадобится.

— Давай-ка, Клык, пойдем гулять, — сказал Гарри, похлопав себя по ноге, и счастливый Клык выскочил из дома вслед за ними, бросился к опушке леса и задрал ногу у большого платана.

Гарри достал палочку, пробормотал *«Lumos!»*, и на ее кончике появился крохотный огонек, дающий ровно столько света, чтобы можно было разглядеть тропинку со следами пауков.

— Хорошая идея, — сказал Рон. — Я бы зажег и свою, но ты же знаешь — она может и рвануть или еще чего…

Гарри тронул Рона за плечо, показывая на траву. Два одиноких паука убегали от света палочки в тень деревьев.

— Ладно, — вздохнул Рон, готовясь к худшему, — Я готов, пошли.

И вот, в компании Клыка, скачущего вокруг, обнюхивая корни и опавшие листья, они вошли в лес. Освещая тропинку палочкой Гарри, они шли за размеренно двигающимися пауками. Друзья шли около двадцати минут, молча и пытаясь услышать какие-то звуки, кроме треска веток и шороха листьев. Затем, когда чаща стала такой дремучей, что даже звезд над головой не было видно, и только огонек на палочке Гарри светил-

ся в полной темноте, они увидели, как пауки, за которыми они следовали, сошли с тропинки.

Гарри остановился, пытаясь понять, куда они делись, но всё за пределами маленького пятна света было черным-черно. Он никогда раньше не заходил так далеко в лес. Гарри хорошо помнил, как в прошлый раз, когда он был здесь, Хагрид велел ни за что не сходить с тропинки. Но Хагрид сейчас был далеко, наверное, сидел в камере Азкабана, и ведь еще он велел идти за пауками.

Что-то влажное дотронулось до руки Гарри, и он отскочил, наступив Рону на ногу, но это был лишь нос Клыка.

— Как думаешь, что делать дальше? — спросил Гарри у Рона, чьи глаза он мог едва различить в свете палочки.

— Назад поворачивать уже поздно, — ответил Рон.

И они отправились за шустрыми тенями пауков в гущу леса. Двигаться быстро стало невозможно; путь им преграждали корни деревьев и пни, плохо различимые в окружающей тьме. Гарри чувствовал горячее дыхание Клыка на своей руке. Им не раз приходилось останавливаться, чтобы Гарри мог присесть и отыскать пауков, посветив палочкой.

Они шли еще около получаса, их плащи цеплялись за низко висящие ветки и кусты ежевики. Через некоторое время, они заметили, что земля становится пологой, хотя деревья растут так же густо.

Вдруг Клык разразился таким громким лаем, эхом отразившимся от деревьев, что у Гарри с Роном душа ушла в пятки.

— В чем дело? — громко спросил Рон, крепко вцепившись в локоть Гарри и озираясь в кромешной тьме.

— Там что-то движется, — выдохнул Гарри. — Слушай… Кажется, что-то очень большое.

Они прислушались. Справа, невдалеке от них, что-то большое крушило ветки, прокладывая себе путь через лес.

— О нет, — простонал Рон. — Нет, нет, нет…

— Замолчи, — отчаянно прошипел Гарри. — Оно услышит тебя.

— Услышит *меня*? — воскликнул Рон неожиданно тонким голоском. — Оно уже услышало Клыка.

Темнота как будто давила им на глаза, пока они стояли и испуганно ждали. Послышался странный грохот, и снова все стихло.

— Как думаешь, что оно делает? — спросил

Гарри.

— Наверное, готовится напасть, — ответил Рон.

Они ждали, вздрагивая и боясь пошевелиться.

— Думаешь, оно ушло? — прошептал Гарри.

— Не знаю.

Вдруг справа от них зажегся яркий свет, такой ослепительный, после полной темноты, что им пришлось закрыть глаза руками. Клык взвизгнул и попытался убежать, но застрял в колючем кустарнике, и завизжал еще громче.

— Гарри! — с облегчением воскликнул Рон. — Это же наша машина!

— Что?

— Смотри!

Гарри, на ощупь, спотыкаясь, пошел вслед за Роном к свету, и вдруг они оказались на поляне. Машина мистера Уисли стояла пустая, окруженная кольцом вековых деревьев, под крышей из густых веток, ее фары были включены. Когда Рон, раскрыв от изумления рот, пошел к ней, она медленно двинулась ему навстречу, как большой пес бирюзового цвета, приветствующий хозяина.

— Она все время была тут! — радостно воскликнул Рон, обходя машину кругом. — Глянь на нее, совсем одичала в этом лесу…

Бока машины были поцарапаны и вымазаны в грязи. Ей, видимо, пришлось поблуждать по лесу. Клык, похоже, был совсем не в восторге от происходящего, он так тесно прижался к Гарри, что тот чувствовал, как пес дрожит. Гарри перевел дыхание и сунул волшебную палочку в карман плаща.

— А мы-то думали, что она собирается на нас напасть, — сказал Рон, склонившись над машиной и поглаживая ее. — А я гадал — куда она подевалась?

Гарри бегло осмотрел землю, освещаемую фарами, в поисках других пауков, но все они разбежались от яркого света.

— Мы потеряли след, — сказал он. — Пойдем, поищем их.

Рон молчал и не двигался. Его взгляд был прикован к чему-то на высоте около трех метров над землей, прямо позади Гарри, а лицо побелело от ужаса.

Гарри даже не успел обернуться. Раздался громкий щелчок, и он вдруг почувствовал, как что-то длинное и мохнатое обхватило его за талию и подняло над землей, так что он повис вниз головой. Насмерть перепуганный, пытаясь освободиться, он услышал еще один щелчок и увидел, как ноги

Рона тоже взмыли вверх. Он услышал, как скулит и воет Клык — и в следующее мгновенье пса уже утащили в лес.

Болтаясь вниз головой, Гарри мог видеть, что существо, державшее его, передвигалось на шести огромных, длинных, мохнатых ногах, в двух передних крепко сжимало его, а сверху блестела пара черных клешней. Гарри слышал, что впереди движутся и другие существа, несущие Рона. Они направлялись в самую чащу леса. Гарри слышал, как Клык, громко скуля, борется с третьим чудовищем, но сам он не смог бы произнести ни звука, даже при желании, голос словно покинул его на поляне у машины.

Он не знал, сколько времени провел в лапах чудища, но темнота вдруг рассеялась настолько, что он смог разглядеть, как усыпанная листьями земля кишит пауками. Вытянув шею в сторону, он обнаружил, что они добрались до края широкой долины. Там не росли деревья, так что звезды ярко освещали самую жуткую картину, какую ему доводилось видеть.

Вокруг были пауки. Не крохотные паучки, снующие по опавшим листьям. Пауки размером с ломовую лошадь: восьмиглазые, восьминогие, черные, мохнатые, гигантские. Здоровенный

паук, несущий Гарри, спустился по обрывистому склону к серебристой, куполом натянутой посреди долины паутине, в то время как его сородичи приближались, возбужденно щелкая клешнями при виде добычи.

Паук отпустил Гарри, и мальчик упал на четвереньки. Рядом с ним на землю рухнули Рон и Клык. Пёс больше не скулил и тихонько сжался в комок. Вид Рона отражал все чувства Гарри. Его рот был разинут в беззвучном крике, а глаза вылезали из орбит. До Гарри вдруг дошло, что бросивший его паук что-то говорит. Сложно было понять, что именно, потому что при каждом слове он щелкал клешнями.

— Арагог! — позвал он. — Арагог!

В центре серебристой паутины появился паук, размером с небольшого слона. Черную шерсть на его туловище и ногах уже тронула седина, а глаза на уродливой голове с жуткими челюстями, были молочно-белыми. Он бы слеп.

— Что там? — спросил он, стремительно щелкая клешнями.

— Люди, — клацнул паук, принесший Гарри.

— Это Хагрид? — спросил паук, приближаясь. Его восемь белых глаз беспорядочно блуждали.

— Чужаки, — прощелкал паук, принесший

Рона.

— Так убейте их, — бросил Арагог. — И стоило меня будить…

— Мы друзья Хагрида! — крикнул Гарри. Ему казалось, что сердце выскочило из груди и стучит где-то в горле.

Клац, клац, клац защелкали паучьи клешни по всей долине.

Арагог помедлил.

— Хагрид никогда раньше не присылал к нам людей, — медленно проговорил он.

— Хагрид попал в беду, — отрывисто дыша, сказал Гарри. — Вот почему мы пришли.

— В беду? — переспросил старый паук, и Гарри показалось, что в клацаньи клешней появилось беспокойство. — А зачем он прислал вас?

Гарри хотел было подняться, но передумал, боясь, что ноги не будут держать его. Так что он продолжил говорить сидя, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее.

— В школе все думают, что Хагрид натравливал… эээ… что-то на учеников. Его забрали в Азкабан.

Арагог яростно щелкнул клешнями, тот же звук эхом повторился по всей долине. Это прозвучало почти как аплодисменты, если не учитывать,

что от аплодисментов Гарри никогда не замирал от ужаса.

— Но это же было давно, — раздраженно сказал Арагог. — Уже прошло так много лет. Я хорошо все помню. Поэтому его и выгнали из школы. Они думали, что *я* тот монстр, что обитает в Камере Секретов. Они решили, что Хагрид открыл Камеру и выпустил меня на свободу.

— А вы … вы не были в Камере Секретов? — спросил Гарри, чувствуя как на лбу у него выступил холодный пот.

— Я! — возмутился Арагог, сердито щелкая клешнями. — Я родился не в замке. Я родом из дальних стран. Один путешественник отдал меня Хагриду, когда я был еще яйцом. Хагрид, еще совсем мальчишкой, заботился обо мне, прятал меня в чулане в замке, кормил остатками со стола. Хагрид хороший друг и хороший человек. Когда меня обнаружили и обвинили в смерти девочки, он защитил меня. С тех пор я живу здесь в лесу, и Хагрид все еще навещает меня. Он даже нашел для меня жену, Мосаг, и видишь, как разрослась наша семья. Все благодаря Хагриду.

Гарри собрался с духом и спросил:

— Так вы никогда ни на кого не нападали?

— Никогда, — хрипло ответил старый па-

ук. — Желание убивать — в моей природе, но из уважения к Хагриду, я ни разу не причинил вреда человеку. Тело убитой девочки нашли в туалете. А я не бывал нигде в замке, кроме чулана, где вырос. Мы, пауки, любим тишину и темноту.

— Но раз так…Вы знаете, *кто* убил эту девочку? — спросил Гарри. — Потому что, кем бы он ни был, он вернулся и снова нападает на людей.

Его слова потонули в громких возмущенных щелчках и сердитом шорохе множества длинных ног; со всех сторон к нему подступали большие черные тени.

— То, что живет в замке, — сказал Арагог, — древнее существо, которого мы, пауки, боимся больше всех на свете. Я помню, как попросил Хагрида отпустить меня, когда почувствовал, как эта тварь движется по замку.

— И что же это? — нетерпеливо спросил Гарри.

Снова громкие щелчки, шорох ног, пауки подошли еще ближе.

— Мы не говорим об этом! — рассердился Арагог. — Мы не называем его имя! Я даже Хагриду не говорил, что это за ужасное чудовище, хотя он спрашивал меня много раз.

Гарри не хотел настаивать, особенно при пауках, наступающих со всех сторон. Арагог, похоже,

устал от этих разговоров. Он медленно направился обратно под купол своей паутины, но его сородичи продолжали медленно приближаться вплотную к Гарри и Рону.

— Ну, тогда мы пойдем, — в отчаянии обратился к Арагогу Гарри, слыша, как позади него шуршат листья.

— Пойдете? — сказал Арагог. — Не думаю.

— Но, но…

— Мои сыновья и дочери, повинуясь мне, не трогают Хагрида. Но я не могу лишить их свежего мяса, когда оно само приходит к нам. Прощайте, друзья Хагрида!

Гарри повернулся кругом. В нескольких метрах от него возвышалась сплошная стена пауков, щелкающих клешнями. Их глаза блестели на уродливых черных головах.

Даже дотянись он до палочки, это бы не помогло, потому что пауков было слишком много. Но, как только он попытался встать, чтобы принять смерть достойно, в бою, раздался громкий протяжный звук, и вспыхнул яркий свет.

Машина мистера Уисли с грохотом неслась вниз по склону, ее фары горели, гудок верещал. Она расталкивала в стороны пауков, даже опрокинула нескольких на спины, так что их

длиннющие ноги взвились в воздух. Машина со скрежетом остановилась перед Гарри и Роном, ее дверь распахнулась.

— Хватай Клыка! — закричал Гарри, прыгая на переднее сиденье; Рон обхватил волкодава и бросил повизгивающего пса на заднее сиденье. Дверь с шумом захлопнулась. Рон не нажал на педаль, но машине это было и не нужно, мотор взревел и они помчались прочь, давя пауков, Они взлетели вверх по склону, прочь из долины, и вскоре уже продирались через лес. Ветки хлестали по стеклу, пока машина уверенно прокладывала путь сквозь самые дебри, словно он был ей уже знаком.

Гарри взглянул на Рона. У того рот по-прежнему был разинут, но глаза уже не лезли из орбит.

— Ты в порядке?

Рон смотрел прямо перед собой и все еще не мог говорить.

Когда они прорвались через подлесок, Клык на заднем сиденье громко завыл, и Гарри увидел, как отломилось боковое зеркало, задетое большим дубом.

Спустя десять минут тряски и шума, деревья поредели и снова показалось небо.

Машина остановилась так неожиданно, что

они чуть не вылетели через лобовое стекло. Они были на опушке леса. Клык бросился на стекло, страстно желая выбраться наружу, и когда Гарри открыл дверь, тот, поджав хвост, помчался между деревьев к дому Хагрида. Гарри тоже вышел а, где-то через минуту, Рон смог шевелить руками и вылез вслед за Гарри, по-прежнему напряженно держа застывшую шею и глядя прямо перед собой. Гарри благодарно погладил машину, и она повернула обратно в лес и вскоре исчезла из виду.

Гарри зашел в хижину Хагрида, чтобы забрать плащ-невидимку. Клык трясся под одеялом в своей корзине. Когда Гарри снова вышел, то увидел, что Рона выворачивает наизнанку прямо на тыквенную грядку.

— Следуйте за пауками, — слабо проговорил Рон, вытирая рот рукавом. — Никогда не прощу этого Хагриду. Повезло, что мы вообще остались живы.

— Я уверен, он думал, что Арагог не тронет его друзей, — сказал Гарри.

— Вот в чем проблема Хагрида! — сказал Рон, стукнув по стене хижины. — Он вечно думает, что чудовища не так плохи, как кажется, и смотри, куда его это привело! В камеру Азкаба-

на! — Он не мог сдержать дрожь. — Зачем было отправлять нас туда? Что, хотел бы я знать, мы там выяснили?

— Что Хагрид не открывал Камеру Секретов, — ответил Гарри, набрасывая на Рона плащ и подталкивая его вперед. — Что он не виновен.

Рон громко фыркнул. Видимо, то, что Хагрид держал Арагога в чулане, не совпадало с его представлением о невиновности.

Подойдя к замку, Гарри одернул плащ, чтобы никто не заметил их торчащих ног, и приоткрыл скрипучую дверь. Они осторожно миновали Вестибюль, поднялись по мраморной лестнице, и, затаив дыхание, проскользнули по коридорам, где патрулировали часовые. Наконец, они оказались в безопасности в общей гостиной Гриффиндора, где уже догорел огонь и от дров остался лишь пепел. Они скинули плащ и по извилистой лестнице поднялись в спальню.

Рон рухнул на постель, даже не раздевшись, а Гарри не хотелось спать. Он уселся на край кровати и задумался над тем, что сказал Арагог.

Существо, которое прячется где-то в замке, подумал он — что-то вроде Волдеморта для монстров, даже другие чудовища не называют его по имени. Они с Роном так и не приблизились

к пониманию, что это за существо, или каким образом оно превращает своих жертв в камень. Даже Хагрид не знал, что было в Камере Секретов. Гарри закинул ноги на кровать и прислонился к подушке, наблюдая за луной, светящей через окно башни.

Он не имел представления, что делать дальше. Они зашли в тупик. Риддл поймал не того, наследник Слизерина исчез, и никто не мог сказать, кто открыл Камеру Секретов на сей раз — тот же человек или другой. Спросить было некого. Гарри лежал, все еще думая о словах Арагога.

Он уже засыпал, когда ему пришло на ум то, что могло бы стать их последней надеждой, и он сел, как громом пораженный.

— Рон, — прошептал он в темноту. — Рон!

Рон проснулся, взвизгнув, как Клык, ошалело огляделся по сторонам и увидел Гарри.

— Рон — та девочка, что умерла. Арагог говорил — ее нашли в туалете, — сказал Гарри, не обращая внимания на храп Невилла в углу. — Что если она никогда и не покидала туалет? Что если она еще там?

Рон потер глаза, морщась от лунного света. И тут до него дошло.

— Ты *же* не думаешь… это ведь не *Мученица*

Мирта?

Глава шестнадцатая
КАМЕРА СЕКРЕТОВ

— А ведь Мирта была всего в трех кабинках от нас, когда мы были в том туалете, — с досадой проговорил Рон на следующий день за завтраком, — и можно было просто спросить ее, а теперь…

Поиски пауков были непростым делом, но ускользнуть от учителей и успеть пробраться в женский туалет, еще и расположенный рядом с местом первого нападения, было почти невозможно.

Но на первом уроке преображения произошло нечто, впервые за неделю отвлекшее их от мыслей о Камере Секретов. Спустя десять минут после начала урока, профессор Макгонаголл сообщила, что экзамены начнутся через неделю, первого июня.

— Экзамены? — застонал Шеймас Финниган. — Мы *все равно* будем сдавать экзамены?

Раздался громкий стук — у Невилла Лонботтома, сидящего позади Гарри, выпала из рук волшебная палочка, и одна из ножек его стола

испарилась. Профессор Макгонаголл вернула ножку на место, взмахнув своей палочкой, и с суровым видом повернулась к Шеймасу.

— При сложившихся обстоятельствах мы не закрываем школу только потому, что вы должны учиться, — строго сказала она. — Поэтому экзамены будут проходить как обычно, и, надеюсь, все вы усердно готовитесь.

Усердно готовитесь! Гарри даже не предполагал, что при такой обстановке в замке будут устроены экзамены. Услышав ропот, профессор Макгонаголл еще больше нахмурилась.

— Согласно указаниям профессора Дамблдора, школа должна работать в обычном режиме, — сказала она. — Не думаю, что нужны пояснения — ваши знания, полученные в этом году, должны быть проверены.

Гарри опустил глаза на двух белых кроликов, которых он должен был превратить в тапочки. Чему он научился в этом году? В голову не приходило ничего, что пригодилось бы на экзамене.

Рон выглядел так, словно ему сообщили, что отныне он будет жить в Запретном лесу.

— Ты представляешь, как я буду сдавать экзамен с *этим*? — спросил он Гарри, поднимая свою палочку, которая как раз принялась громко

насвистывать.

* * *

За три дня до первого экзамена, профессор Макгонаголл сделала за завтраком еще одно объявление.

— У меня хорошие новости, — сказала она, и весь Большой зал вместо того, чтобы притихнуть, забурлил.

— Дамблдор возвращается! — раздалось несколько радостных голосов.

— Поймали Наследника Слизерина! — завизжала девочка за столом Рейвенкло.

— Снова начнутся матчи по квиддичу! — возбужденно закричал Прут.

Когда галдеж стих, профессор Макгонаголл продолжила:

— Профессор Саженс сообщила мне, что наконец-то можно срезать мандрагоры. Сегодня мы оживим окаменевших учеников. Как вы понимаете, кто-то может рассказать нам о нападавшем человеке или существе. Хотелось бы верить, что этот ужасный год завершится поимкой злодея.

Зал заполнился радостными возгласами. Гарри посмотрел на стол Слизерина, и, как и следовало ожидать, увидел, что Драко Малфой не присо-

единился к общему ликованию. Зато Рон был счастлив как никогда.

— Теперь уже не важно, что мы не поговорим с Миртой, — сказал он Гарри. — Когда Гермиону оживят, у нее точно будут все ответы. Она, правда, придет в ужас от того, что экзамены через три дня, а она не готова. Пока экзамены не закончатся, лучше ее не оживлять.

В этот момент вошла Джинни Уисли и села рядом с Роном, вид у нее был нервный и напряженный. Гарри заметил, что ее руки, сложенные на коленях, дрожат.

— Что стряслось? — спросил Рон, накладывая себе еще овсянки.

Джинни ничего не ответила, ее взгляд блуждал по столу, а на лице застыло испуганное выражение; она кого-то напоминала Гарри, но он не мог понять кого.

— Ну, говори, — сказал Рон, глядя на нее.

Гарри вдруг понял, на кого сейчас похожа Джинни. Она покачивалась на стуле взад-вперед, совсем как Добби, когда тот собирался раскрыть секретную информацию.

— Мне нужно кое-что вам рассказать, — пробормотала Джинни, стараясь не встречаться взглядом с Гарри.

— Что же? — спросил он.

Джинни выглядела так, будто не могла подыскать нужные слова.

— Ну *что*? — повторил Рон.

Джинни открыла рот, но не произнесла ни звука. Гарри наклонился вперед и тихо сказал, так чтобы его слышали только Рон и Джинни:

— Это касается Камеры Секретов? Ты что-то видела? Кто-то странно себя ведет?

Джинни уже набрала воздуха, но именно в этот момент появился Перси Уисли, усталый и бледный.

— Если ты уже поела, я присяду здесь, Джинни. Я умираю с голоду — только что с дежурства.

Джинни подскочила, словно ее ударило током, бросила на него испуганный взгляд, и убежала. Перси уселся и схватил кружку с центра стола.

— Перси! — сердито сказал Рон. — Она как раз собиралась рассказать нам что-то важное!

Перси поперхнулся глотком чая.

— Что именно? — откашливаясь, спросил он.

— Я спросил ее, не видела ли она что-нибудь странное, и она собиралась сказать…

— О, это не имеет никакого отношения к Камере Секретов, — тут же сказал Перси.

— А ты откуда знаешь? — спросил Рон, подняв

брови.

— Ну, если вам так надо знать, Джинни… э-э… зашла ко мне на днях, когда я… в общем, она увидела, как я делаю кое-что, и я… э-э… попросил ее никому об этом не рассказывать. По правде говоря, я думал, что она сдержит слово. Но это пустяки, правда, я бы…

Гарри никогда не видел, чтобы Перси чувствовал себя так неловко.

— И что же ты делал, Перси? — улыбнулся Рон. — Давай, расскажи, мы не будем смеяться.

Перси не ответил на его улыбку.

— Передай-ка мне те рогалики, Гарри, я проголодался.

* * *

Гарри, знал, что уже завтра тайна раскроется и без их участия, но не хотел упустить возможность поговорить с Миртой, если удастся. И, к его радости, такая возможность представилась утром, когда Гилдерой Локарт отводил их на историю магии. Локарт, постоянно твердивший, что опасность позади, (хотя его заверения тут же опровергали), теперь был искренне убежден, что обеспечивать безопасность учеников — неблагодарное занятие. Его волосы не сияли, как обычно;

похоже он провел на ногах большую часть ночи, патрулируя четвертый этаж.

— Помяните мои слова, — сказал он, пропуская учеников за угол. — Первое, что скажут те несчастные Окаменевшие, будет: *«Это был Хагрид»*. Честно говоря, меня удивляет, что профессор Макгонаголл считает все эти меры безопасности необходимыми.

— Я согласен с вами, сэр, — произнес Гарри, заставив Рона выронить книги от удивления.

— Спасибо, Гарри, — благосклонно обратился к нему Локарт, пока они пропускали вперед длинную колонну хуфльпуфцев. — Ведь нам, преподавателям, хватает забот и без сопровождения учеников из класса в класс и патрулирования по ночам.

— Точно, — подхватил Рон. — Почему бы вам не оставить нас здесь, сэр, тут осталось пройти всего-то один коридор.

— Знаешь, Уисли, думаю так я и поступлю, — сказал Локарт. — Мне действительно надо идти готовиться к следующему уроку.

С этими словами он поторопился прочь.

— Готовиться к уроку, — усмехнулся Рон ему вслед. — Кудри побежал накручивать.

Пропустив вперед остальных гриффиндорцев,

Гарри и Рон бросились вниз к боковому проходу и затем поспешили к туалету Мученицы Мирты. Но не успели они поздравить друг друга с блестяще проведенной операцией, как раздался голос:

— Поттер! Уисли! Что это вы делаете?

Это была профессор Макгонаголл и ее губы были сжаты в тонкую, почти невидимую ниточку.

— Мы… мы…, — запинаясь, пробормотал Рон, — мы собирались пойти…посмотреть на…

— Гермиону, — сказал Гарри. Рон и профессор Макгонаголл дружно уставились на него.

— Мы ее уже сто лет не видели, профессор, — Гарри шагнул вперед, успев наступить Рону на ногу. — Мы просто хотели пробраться в больничное крыло и сказать ей, что мандрагоры уже почти готовы, чтобы она не волновалась.

Профессор Макгонаголл все еще смотрела на него, и на мгновение, Гарри решил, что сейчас разразится буря, но она заговорила странным хриплым голосом:

— Разумеется, — сказала она, и Гарри с изумлением увидел, как в уголке ее глаза блеснула слеза. — Конечно, я понимаю, как тяжело пришлось друзьям тех, кого…Я все понимаю. Конечно, Поттер, вы можете навестить Гермиону. Я сообщу профессору Биннсу, где вы. Скажите мадам Пом-

фри, что я вам разрешила.

Гарри и Рон отправились прочь, с трудом веря, что удалось избежать наказания. Повернув за угол, они ясно услышали, как профессор Макгонаголл шмыгает носом.

— Это твоё лучшее вранье! — с жаром воскликнул Рон.

Теперь им ничего другого не оставалось, кроме как идти в больничное крыло и сообщить мадам Помфри, что профессор Макгонаголл разрешила им навестить Гермиону.

Мадам Помфри впустила их с явной неохотой.

— Говорить с Окаменевшим человеком *бессмысленно,* — сказала она. Гарри и Рону пришлось признать ее правоту, когда они присели напротив Гермионы. Было очевидно, что она даже не подозревает, что пришли посетители, и с таким же успехом они могли бы просить не волноваться тумбочку у её кровати.

— Интересно, она видела нападавшего? — спросил Рон, грустно глядя на неподвижное лицо Гермионы. — Ведь если он подбирался ко всем незаметно, мы никогда не узнаем…

Но Гарри не смотрел на лицо Гермионы. Его больше интересовала ее правая рука. Крепко сжатая, она лежала поверх одеяла, и, наклонившись

ближе, Гарри увидел клочок бумаги, зажатый в кулаке.

Убедившись, что мадам Помфри нет поблизости, он показал свою находку Рону.

— Попробуй достать его, — прошептал Рон, двигая свой стул так, чтобы закрыть Гарри от глаз мадам Помфри.

Это оказалось непросто. Бумажка была зажата в руке Гермионы так крепко, что Гарри казалось, что она вот-вот порвется.

Пока Рон следил за обстановкой, Гарри тянул и крутил бумажку, и, наконец, после нескольких, полных напряжения минут, достал ее. Это была страница, вырванная из очень старой библиотечной книги. Гарри нетерпеливо развернул ее, Рон придвинулся поближе, чтобы тоже прочесть.

«Из всех ужасных тварей и чудовищ, что бродят по земле, нет более удивительного и беспощадного, чем василиск, которого также именуют Змеиным королём. Это змей, который может достигать огромных размеров, и жить сотни лет, он появляется на свет из куриного яйца, высиженного жабой. Удивительно то, как он убивает своих жертв. Кроме

страшных ядовитых клыков, василиск обладает смертоносным взглядом, и каждый, кого коснется сияние его глаз, тут же погибает. Пауки скрываются при появлении василиска — он их заклятый враг. А сам василиск избегает лишь петушиного крика, смертельного для него».

Ниже было написано одно слово, Гарри узнал почерк Гермионы: «*Трубы*».

Гарри осенило:

— Рон, — выдохнул он, — вот и ответ. Чудовище в Камере — василиск, огромный змей. Вот почему мне повсюду слышался голос, который больше никто не слышал. Ведь я понимаю трегубый язык…

Гарри оглядел кровати вокруг.

— Василиск убивает людей взглядом. Но никто не умер, потому что не смотрел прямо ему в глаза. Колин видел его через объектив камеры, василиск сжег в ней всю пленку, а Колин просто окаменел. Джастин… он, должно быть, посмотрел на василиска сквозь Почти Безголового Ника. Ник попал прямо под взгляд василиска, но он же не мог *снова* умереть. А рядом с Гермионой и той девушкой-префектом из Рейвенкло нашли

зеркало. Гермиона уже догадалась, что чудовище — василиск. Держу пари, она предупредила первого же встречного, что заглядывать за угол нужно подставив зеркальце. Та девочка достала зеркало и…

Рон слушал, раскрыв рот.

— А миссис Норрис? — взволнованно прошептал он.

Гарри задумался, вспоминая картину происшедшего в Хеллоуин.

— Вода, — медленно проговорил он, — она текла из-под двери туалета Мученицы Мирты. Миссис Норрис наверняка видела только отражение.

Гарри еще раз торопливо просмотрел листок. Чем дольше он читал, тем больше смысла обретал текст.

— *«Василиск избегает лишь петушиного крика, смертельного для него»*, — прочел он вслух. — Петухов Хагрида убили! Наследник Слизерина не хотел, чтобы в окрестностях замка водились петухи, после того, как Камеру открыли! «*Пауки скрываются при появлении василиска»* — все сходится!

— Но как василиск попал в замок? — спросил Рон. — Огромный жуткий змей… Кто — то должен

был его видеть…

Гарри же показал на слово, нацарапанное Гермионой внизу страницы.

— Трубы… — произнес он. — Трубы… Рон, он живет в канализации. Голос, который я слышал, доносился из-за стен.

Рон вдруг схватил Гарри за руку.

— Вход в Камеру Секретов! — хрипло воскликнул он. — Что если он в туалете? Что если он…

— *В туалете Мученицы Мирты*, — закончил Гарри.

Они сидели, сильно взволнованные, еще не полностью поверив в то, что узнали.

— Значит, — сказал Гарри, в школе есть еще Трегуб, кроме меня. С его помощью они управляют василиском.

— И что мы будем делать? — спросил Рон, его глаза сверкали. — Пойдем к Макгонаголл?

— Пошли в учительскую, — вскочил Гарри. — Она будет там уже через десять минут, скоро перемена.

Они сбежали вниз по лестнице. Чтобы никто не увидел их болтающимися по коридору, Гарри с Роном направились прямиком в учительскую. Это было просторное помещение, обшитое панелями и уставленное креслами из темного дерева.

Мальчики меряли шагами комнату, слишком взволнованные, чтобы сидеть.

Но колокол на перемену так и не прозвонил.

Вместо него по коридору эхом прокатился усиленный с помощью магии голос профессора Макгонаголл.

> *«Всем ученикам немедленно вернуться в свои спальни. Всем преподавателям собраться в учительской. Пожалуйста, поспешите».*

Гарри обернулся и посмотрел на Рона.

— Ведь это же не очередное нападение? Неужели снова!

— И что нам делать? — в панике спросил Рон. — Идти к себе?

— Нет, — ответил Гарри, озираясь по сторонам. Слева стоял неказистый шкаф, в котором висела одежда учителей. — Сюда. Послушаем, о чем они будут говорить. А потом сможем рассказать, что мы узнали.

Они залезли внутрь, прислушиваясь к топоту у себя над головой, и вот дверь учительской с грохотом распахнулась.

Сидя среди пыльных плащей, они смотрели, как комната заполняется преподавателями. Одни

были озадачены, другие ужасно перепуганы. И вот вошла профессор Макгонаголл.

— Произошло то, чего мы боялись, — в полной тишине раздался ее голос. — Чудовище забрало ученицу. Прямо в Камеру.

Профессор Флитвик взвизгнул. Профессор Саженс в ужасе прикрыла рот рукой. Снейп крепко сжал спинку стула и спросил:

— Вы уверены?

— Наследник Слизерина, — сказала белая как мел профессор Макгонаголл, — оставил еще одно сообщение, прямо под первым: *«Ее скелет останется в Камере навеки»*.

Профессор Флитвик разразился слезами.

— Кто же это? — спросила, не выдержав напряжения, рухнувшая в кресло мадам Фьюч. — Кто эта ученица?

— Джинни Уисли, — произнесла профессор Макгонаголл.

Гарри почувствовал, как Рон, стоявший рядом с ним, молча сполз вниз по стенке шкафа.

— Мы должны завтра же отправить всех учеников по домам, — сказала профессор Макгонаголл. — Хогвартсу пришел конец. Профессор Дамблдор всегда говорил…

Дверь учительской снова с грохотом распахну-

лась. Гарри даже на секунду посетило безумное предположение, что это Дамблдор. Но это был сияющий Локарт.

— Я жутко извиняюсь, задремал на минутку, что я пропустил?

Он не заметил, что остальные преподаватели смотрели на него с плохо скрываемой ненавистью. Снейп вышел вперед.

— Вот и он, — сказал профессор зельеделия, — он нам и нужен. Чудовище схватило девочку, Локарт, и утащило ее в Камеру. Настал ваш звездный час.

Локарт побелел.

— И в самом деле, Гилдерой, — поддержала Снейпа профессор Саженс. — Разве вы вчера не рассказывали, что всегда знали, где находится вход в Камеру Секретов?

— Я… я, да, — бессвязно пробормотал Локарт.

— Да, разве вы не говорили мне, что точно знаете, что там внутри? — пропищал профессор Флитвик.

— Р-разве? Что-то не припомню…

— Я хорошо помню, как вы сокрушались, что не расправились с монстром до того, как Хагрида арестовали, — сказал Снейп. — Не вы ли говорили, что все делалось неверно, и стоило с самого

начала предоставить вам все полномочия?

Локарт оглянулся на каменные лица коллег.

— Я… я же никогда… вы, наверное, неправильно меня поняли.

— Теперь мы вверяем это дело вам, Гилдерой, — сказала профессор Макгонаголл. — Сейчас самое время. Мы позаботимся, чтобы никто не мешал вам. Вы сможете встретиться с чудовищем один на один. Наконец, вам предоставляется свобода действий.

Локарт в отчаянье оглянулся вокруг, но никто не спешил ему на помощь. С него сошел весь лоск. Его губы тряслись, и без своей обычной сияющей улыбки он выглядел жалким и беспомощным.

— От-тлично. Я… я буду у себя в кабинете, мне надо… подготовиться.

Пробормотав это, он выскочил из учительской.

— Чудесно, — сказала профессор Макгонаголл, гневно раздув ноздри, — хоть от этого избавились, не будет путаться под ногами. Деканы колледжей должны сообщить о случившемся своим ученикам. Скажите им, что завтра же, первым делом, Хогвартс-Экспресс доставит их домой. Остальные, проверьте, пожалуйста, что все ученики в своих спальнях.

Учителя поднялись со своих мест и разошлись.

Это был, наверное, худший день в жизни Гарри. Он, Рон, Фред и Джордж сидели в углу общей гостиной Гриффиндора, и молчали, потому что не могли даже говорить друг с другом. Перси не было с ними. Он отправил сову мистеру и миссис Уисли, а потом заперся в спальне.

Никогда еще вечер не тянулся так долго, и никогда в гриффиндорской башне не было так многолюдно и так тихо. Когда солнце почти зашло, Фред с Джорджем, пошли спать, не в силах и дальше сидеть без дела.

— Она что-то знала, Гарри, — заговорил Рон, впервые с тех пор, как они выбрались из шкафа в учительской. — Вот почему ее забрали. Это была вовсе не какая-то ерунда про Перси. Она узнала что-то о Камере Секретов, — Рон яростно потёр глаза. — Дело именно в этом, ведь она же была чистокровкой.

Гарри смотрел, как ярко-красное солнце опускается за горизонт. Ему никогда еще не было так плохо. Если бы он хоть что-нибудь мог сделать. Что угодно.

— Гарри, — сказал Рон, — как думаешь, есть хоть один шанс, что она не… ну ты понял…?

Гарри не знал, что ответить. Он не представлял, как Джинни могла до сих пор оставаться в

живых.

— Знаешь что, — сказал Рон, — нам надо пойти к Локарту. Расскажем ему, что знаем. Он собирается войти в Камеру. Мы можем рассказать ему, где она находится, и что в ней обитает василиск.

Гарри не мог придумать ничего лучше, а что-то делать было надо, поэтому он согласился. Все вокруг так горевали и переживали за семейство Уисли, что никто не попытался остановить их, когда они встали, прошли через зал и выбрались в проход за портретом.

Гарри и Рон отправились в кабинет Локарта, а вокруг тем временем уже стемнело. В кабинете, похоже, кипела работа. Они услышали шум, скрежет и быстрые шаги.

Гарри постучал, и внутри неожиданно воцарилась тишина. Дверь приоткрылась, и в крохотной щёлочке показался глаз Локарта.

— О… мистер Поттер… мистер Уисли… — сказал он, приоткрывая дверь чуть шире. — Я сейчас немного занят, если только вы ненадолго…

— Профессор, у нас есть кое-что для вас, — сказал Гарри. — Эти сведения могут вам помочь.

— Ах… да… это не так уж… — судя по лицу Локарта, насколько можно было разглядеть через щелку, он чувствовал себя весьма неловко. —

Ладно, хорошо…

Он открыл дверь и впустил Гарри и Рона.

Кабинет был почти пуст. На полу стояли два больших раскрытых сундука, в один из них были наспех свалены плащи: нефритовый, лиловый, темно-синий; в другой как-попало сгружены книги. Коробки, стоящие на столе, были наполнены фотографиями, снятыми со стен.

— Вы куда-то собираетесь? — спросил Гарри.

— Ммм, да, — ответил Локарт, срывая с двери плакат со своим изображением в полный рост и скручивая его в трубочку, — Срочный вызов… ничего не поделаешь… придется ехать.

— А как же моя сестра? — отрывисто спросил Рон.

— Это, конечно, очень печальная ситуация, — сказал Локарт, перекладывая содержимое ящиков комода в сумку и стараясь не встречаться с мальчиками взглядом. — Я соболезную вам больше чем, кто бы то ни было.

— Но вы же преподаете защиту от темных искусств! — сказал Гарри. — Вы не можете уехать сейчас, когда темные силы разгуливают на свободе!

— Ну… должен сказать, когда я соглашался на эту работу, — пробормотал Локарт, пихая носки

в сундук с одеждой, — ничто не предвещало что здесь будет…

— То есть вы просто *сбегаете*? — не веря своим ушам, спросил Гарри. — После всего, что писали в своих книгах?

— Книги могут вводить в заблуждение, — мягко сказал Локарт.

— Но вы же написали их! — закричал Гарри.

— Мой дорогой, — выпрямившись, нахмурился Локарт, — Будьте же реалистом. Я бы не продал и половины своих книг, если бы люди думали, что *не я* совершил все, что в них написано. Никто не захочет читать книгу уродливого армянского старикашки-колдуна, даже если он спас деревню от оборотней. Он бы ужасно смотрелся на обложке, у него же нет никакого вкуса. А у ведьмы, изгнавшей банши из Бандона, растет бородка. Так что, не принимайте все так близко к сердцу.

— Так вы просто приписали себе чужие подвиги? — недоверчиво спросил Гарри.

— О, Поттер, — сказал Локарт, нетерпеливо тряхнув головой, — все не так просто. Мне тоже пришлось потрудиться. Я разыскивал этих людей, расспрашивал их в подробностях о том, что они сделали. Потом я накладывал на них заклятье забвения, и они забывали о своих подвигах.

Заклятье забвения удалось мне на славу. Я проделал большую работу, Гарри, а не только раздавал автографы и фотографировался с поклонницами. Хочешь славы — приготовься к тяжелому труду.

Локарт с грохотом опустил крышки и запер сундуки.

— Так, — произнес он, — кажется, ничего не забыл. Осталось только одно.

Он вытащил палочку и направил на Гарри и Рона.

— Мне очень жаль, ребятки, но придется наложить на вас заклятье забвения. Не хочу, чтобы вы разболтали мои секреты. Ведь тогда я не смогу больше продать ни одной книжки…

Гарри достал палочку как раз вовремя. Не успел Локарт поднять свою, как Гарри закричал: *«Expelliarmus!»*

Локарт отлетел назад и рухнул позади своих сундуков. Его палочка взлетела в воздух, Рон поймал ее и выбросил в окно.

— Не стоило позволять профессору Снейпу обучать нас этому, — яростно сказал Гарри, отпихивая ногой сундук. Локарт смотрел на него снизу вверх, еще более жалкий, чем раньше. Гарри все еще направлял на него палочку.

— Чего вы от меня хотите? — слабым голосом

спросил Локарт. — Я не знаю, где находится Камера Секретов. Я ничего не могу поделать.

— Считайте, что вам повезло, — сказал Гарри, целясь в Локарта палочкой и вынуждая того встать. — Мы знаем *где* она, и *что* в ней. Пойдемте.

Вместе в Локартом они вышли из кабинета, спустились вниз по ближайшей лестнице, и отправились по темному коридору, где на стене мерцали послания, к туалету Мученицы Мирты.

У двери они пропустили Локарта вперед. Гарри удовлетворенно отметил, что тот трясется мелкой дрожью.

Мученица Мирта сидела на бачке в дальней кабинке.

— А, это ты, — сказала она, увидев Гарри, — чего тебе на этот раз надо?

— Узнать, как ты умерла, — сказал Гарри.

Выражение лица Мирты тут же изменилось, словно ей давно не задавали таких лестных вопросов.

— О, это было так ужасно, — протянула она, смакуя каждое слово. — Все произошло именно на этом месте. Я умерла прямо в этой кабинке, помню как сейчас. Я спряталась, потому что Оливия Хорнби обзывала меня очкастой. Дверь была

закрыта, я сидела и плакала, а потом услышала, как кто-то вошел и сказал что — то странное, кажется на другом языке. Но я заметила, что говорит *мальчик*. Поэтому я открыла дверь и вышла, чтобы попросить его уйти в свой туалет, а потом, — Мирта торжественно выпятила грудь и просияла, — я *умерла!*

— Как? — спросил Гарри.

— Понятия не имею, — прошептала Мирта. — Я только помню огромные желтые глаза. Все мое тело словно застыло, а потом я почувствовала, как куда-то уплываю… — она мечтательно посмотрела на Гарри. А потом я вернулась, чтобы преследовать Оливию Хорнби. Ей пришлось пожалеть, что обзывала меня очкастой.

— Где именно ты видела те глаза? — спросил Гарри.

— Где-то там, — указала Мирта в сторону раковины напротив.

Гарри и Рон подошли к раковине. Локарт держался в стороне, с застывшим на лице выражением ужаса.

Раковина казалась совершенно обычной. Они обследовали каждый сантиметр внутри и снаружи нее и трубы под ней. А потом Гарри что-то нашел: на боку одного из медных кранов была

нацарапана маленькая змейка.

— Он никогда не работал, — живо заметила Мирта, когда Гарри попытался повернуть кран.

— Гарри, — сказал Рон, — скажи что-нибудь на трегубом языке.

— Но, — Гарри задумался — раньше он говорил на трегубом языке только с живыми змеями. — Гарри впился взглядом в изображение на кране, пытаясь представить себе, что это настоящая змея.

— Откройся, — приказал он.

Гарри взглянул на Рона, тот покачал головой и сказал:

— Английский.

Гарри снова перевел взгляд на змею, пытаясь убедить себя, что она настоящая. Когда он повернул голову, в дрожащем свете свечей ему показалось, что змея шевельнулась.

— Откройся, — повторил он.

Но услышал не эти слова, а странное шипение, и тут кран засиял ярким белым светом, и начал вращаться. Мгновение спустя раковина начала двигаться и вдруг просто исчезла, обнажив большое отверстие, в которое мог бы пролезть человек.

Гарри услышал, как Рон судорожно глотнул

воздух, и снова посмотрел вниз. Он принял решение.

— Я спускаюсь, — сказал он.

Гарри не мог остаться теперь, когда они нашли вход в Камеру, и пока оставалась хотя бы крошечная, призрачная надежда, что Джинни может быть жива.

— Я с тобой, — сказал Рон.

Возникла пауза.

— Ну, похоже, я вам больше не нужен, — сказал Локарт с тенью своей обычной улыбки на лице, — Я, наверное…

Он взялся за дверную ручку, но Гарри и Рон направили на него свои палочки.

— Вы можете пойти первым, — сердито сказал Рон.

Обезоруженный, белый как мел Локарт приблизился к отверстию.

— Мальчики, — выдавил он из себя слабым голосом, — мальчики, ну какой в этом смысл?

Гарри ткнул его палочкой в спину. Локарт опустил ноги в трубу.

— Я правда не думаю… — начал он, но тут Рон подтолкнул его, и тот соскользнул в отверстие. Гарри тут же последовал за ним. Он медленно спустился в отверстие и разжал руки. В полной

темноте он летел словно по бесконечной скользкой горке. По сторонам виднелись ответвления других труб, но их труба была самая большая, она извивалась и поворачивалась, направляясь отвесно вниз. Гарри понял, что они были уже под школой и даже глубже подземелий. Сзади он слышал шум, с которым Рон преодолевал повороты.

А потом, когда он уже начал волноваться, что будет, когда они упадут на землю, труба приняла горизонтальное направление. Гарри с хлюпающим звуком, как пробка вылетел из трубы и приземлился на сырой пол мрачного каменного тоннеля, достаточно высокого, чтобы стоять в полный рост. Неподалеку на ноги поднимался Локарт, весь в слизи, белый как привидение. Гарри встал в стороне и дождался, пока из трубы со свистом не вылетел Рон.

— Мы, наверное, в километрах под школой, — сказал Гарри, и его голос эхом отразился от стен тоннеля.

— Видимо, под озером, — сказал Рон, покосившись на темные, покрытые слизью стены.

Все трое подняли головы и вгляделись в тьму над головой.

«Lumos!» — пробормотал Гарри, и его палочка засветилась.

— Пойдёмте, — позвал он Рона и Локарта, и они пошли, шлепая по мокрому полу.

В тоннеле было так темно, что они видели не дальше вытянутой руки. Их тени на стене казались исполинами в свете палочки. Они осторожно двигались вперед.

— Не забудьте, — напомнил Гарри, — почувствуете движение — сразу закрывайте глаза.

Но в тоннеле было тихо, как в могиле, и первым неожиданным звуком, который они услышали, стал громкий хруст, с которым Рон наступил на крысиный череп. Гарри опустил палочку пониже, чтобы осмотреть пол, и увидел, что тот усыпан маленькими звериными косточками. Стараясь не представлять себе, в каком виде они могут обнаружить Джинни, Гарри пошел вперед, сворачивая в изгиб тоннеля.

— Гарри, там что-то есть, — хрипло сказал Рон, хватая Гарри за плечо.

Они застыли на месте, вглядываясь в темноту. Гарри мог разглядеть лишь очертания чего-то огромного и изогнутого. Оно лежало прямо посреди тоннеля и не двигалось.

— Может оно спит? — выдохнул он, оборачиваясь к спутникам. Локарт зажал глаза руками. Гарри повернулся назад, снова посмотреть на то,

что там лежало. Его сердце билось так быстро, что даже болело.

Очень медленно, почти с закрытыми глазами, Гарри продвигался вперед, держа палочку высоко.

Свет упал на гигантскую змеиную чешую — яркого, ядовито-зеленого цвета, пустую, скрученную на полу тоннеля. Существо, сбросившее ее, должно быть по меньшей мере двадцати футов в длину.

— Чтоб мне провалиться! — слабо проговорил Рон.

За ними послышалось какое-то движение. Гилдерой Локарт рухнул на колени.

— Поднимайтесь, — резко сказал Рон, направляя на него палочку.

Локарт поднялся на ноги и вдруг кинулся на Рона, повалив его на землю.

Гарри бросился вперед, но было уже поздно. Локарт, тяжело дыша, выпрямился и, держа палочку Рона в руке, ослепил их своей излюбленной улыбкой.

— На этом наши приключения заканчиваются, ребятки, — сказал он. — Я возьму кусочек этой кожи в школу, скажу, что подоспел слишком поздно, чтобы спасти девчонку, а вы оба *печальным*

образом потеряли рассудок при виде ее искалеченного тела. Попрощайтесь со своей памятью!

Он поднял палочку Рона, замотанную чаролентой, и выкрикнул: *«Obliviate!»*

Палочка взорвалась с силой небольшой бомбы. Гарри закрыл руками голову и побежал, оскальзываясь на кольцах змеиной кожи, пытаясь увернуться от падающих на пол кусков рушащегося потолка. Секундой позже, он уже стоял в одиночестве и смотрел на сплошную стену из камней.

— Рон! — закричал он. — Рон, ты цел?

— Я здесь, — раздался глухой голос Рона из-за груды камней. — Я в порядке, а этот гад нет, ему врезало палочкой.

Послышался глухой удар и громкое «ай!». Рон, кажется, не сдержался и отвесил Локарту хороший пинок.

— И что дальше? — раздался безнадежный голос Рона. — Мы не можем пробраться через стену, это займет целую вечность.

Гарри взглянул вверх, на потолок. На нем появились огромные трещины. Он никогда до этого не разбивал с помощью магии такой кусок скалы, и сейчас было не лучшее время пробовать — тоннель мог обрушиться.

Из-за груды камней раздался еще один удар и еще одно «ай!». Они попусту теряли время, Джинни уже несколько часов была в Камере Секретов. Гарри знал, что остается лишь одно.

— Жди здесь, — сказал он Рону. — Будьте здесь с Локартом. Если я не вернусь через час…

Повисло многозначительное молчание.

— Я попробую убрать камни, чтобы ты мог вернуться обратно, — сказал Рон, пытаясь создать видимость спокойствия, — Чтобы ты мог… Чтобы ты мог выбраться. И, Гарри…

— Скоро увидимся, — сказал Гарри, пытаясь придать немного уверенности своему дрожащему голосу.

Обойдя змеиную чешую, он в одиночестве отправился в путь.

Шум, с которым Рон разбирал завалы скоро стих. Туннель снова и снова поворачивал. Каждый нерв Гарри был напряжен до предела. Он и хотел, чтобы туннель подошел к концу, и жутко боялся встретиться лицом к лицу с тем, что там находится. И, наконец, очередной раз повернув за угол, он увидел массивную стену, с высеченными на ней переплетенными змеями, в глазницах у которых сверкали крупные изумруды.

Гарри подошел ближе, в горле у него совсем пе-

ресохло. Ему не нужно было воображать, что эти змеи настоящие; их глаза смотрели как живые.

Гарри понял, что надо делать. Он прочистил горло, и изумрудные глаза словно подмигнули.

— Откройся, — тихо прошипел мальчик низким голосом.

Змеи разделились, так как стена раскололась надвое, половинки плавно скользнули в стороны и исчезли из виду, и Гарри, дрожа всем телом, вошел внутрь.

Глава семнадцатая
НАСЛЕДНИК СЛИЗЕРИНА

Гарри стоял у входа в длинный слабо освещенный зал. Потолок, который скрывался где-то в темноте, поддерживали вздымающиеся ввысь каменные колонны с выгравированными змеями. Они отбрасывали длинные черные тени в странной зеленоватой мгле, наполняющей воздух.

Сердце Гарри выпрыгивало из груди, он стоял и прислушивался к зловещей тишине. Может, василиск притаился в темном углу за колонной? И где же Джинни?

Он вынул палочку и двинулся вперед между колонн, увитых змеями. Его осторожные шаги громким эхом отражались от скрытых в тени стен. Гарри прищурился, готовый при малейшем движении крепко зажмуриться. Пустые глазницы каменных змей, казалось, наблюдали за ним. Несколько раз ему мерещилось какое-то движение, и все внутри него сжималось от страха. И вот, достигнув последней пары колонн, он увидел стоящую напротив задней стены статую, достающую высотой до самого потолка.

Гарри пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на огромную голову наверху. Лицо древнего старика чем-то напоминало морду обезьяны. Длинная тонкая борода спускалась по складкам каменного плаща прямо к огромным серым ступням, стоящим на гладком полу. А между ногами, лицом вниз, лежала крохотная фигурка с огненно-рыжими волосами, одетая в черную мантию.

— *Джинни!* — пробормотал Гарри, бросился к ней и рухнул на колени. — Джинни… только бы ты была жива… Пожалуйста, будь жива…

Он отшвырнул палочку, схватил Джинни за плечи и перевернул. Ее лицо было белым и холодным как мрамор, но глаза были закрыты, значит, она не окаменела. Но тогда она…

— Джинни, умоляю, очнись! — отчаянно пробормотал Гарри, тряся ее за плечи. Но голова девочки безжизненно моталась из стороны в сторону.

— Она не проснется, — произнес тихий голос.

Гарри вздрогнул и обернулся.

Высокий, черноволосый юноша стоял, прислонившись к ближайшей колонне, и наблюдал за ним. Его очертания были странно размыты, словно Гарри смотрел на него сквозь запотевшее стекло. Но сомнений быть не могло.

— Том? *Том Риддл*?

Риддл кивнул, не сводя глаз с Гарри.

— Почему ты сказал, что она не проснется? — в отчаянье спросил Гарри. — Она же не … она не…?

— Она пока жива, — сказал Риддл. — Но это ненадолго.

Гарри изумленно посмотрел на него. Том Риддл учился в Хогвартсе пятьдесят лет назад, но он все же стоял здесь, окруженный странным смутным сиянием, на вид ему было не больше шестнадцати лет.

— Ты призрак? — неуверенно спросил Гарри.

— Воспоминание, — спокойно ответил Риддл, — Хранившееся в дневнике пятьдесят лет.

Он указал на пол рядом с гигантскими ногами статуи. Там лежал открытый маленький черный дневник, который Гарри нашел в уборной Мученицы Мирты. На мгновение Гарри удивился — как он туда попал, но сейчас у него были более важные проблемы.

— Ты должен помочь мне, Том, — сказал Гарри, снова поднимая голову Джинни. — Надо выбираться отсюда, здесь Василиск… Не знаю где он, но он может появиться в любой момент. Пожалуйста, помоги мне…

Риддл не пошевелился. Гарри, обливаясь потом, ухитрился приподнять Джинни и пытался подобрать палочку. Но та куда-то исчезла.

— Ты не видел…?

Он поднял взгляд. Риддл все еще наблюдал за Гарри и крутил в длинных пальцах его палочку.

— Спасибо, — сказал Гарри, протягивая руку.

Риддл улыбнулся уголком рта. Он продолжал смотреть на Гарри и лениво вертеть в руках палочку.

— Слушай, — повторил Гарри нетерпеливо, его колени подгибались от тяжести Джинни, — *нам надо идти!* Если василиск придет…

— Он не придет, пока я не позову, — спокойно сказал Риддл.

Гарри опустил Джинни обратно на пол, не в силах больше держать ее.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Отдай мою палочку, она может понадобиться.

Улыбка Риддла стала шире, и он сказал:

— Она тебе не понадобится.

Гарри уставился на него.

— Что значит не понадо…?

— Я долго ждал этого момента, Гарри Поттер, — сказал Риддл, — возможности увидеть тебя, поговорить с тобой.

— Послушай, — сказал Гарри, теряя терпение, — ты, похоже, не понимаешь. Мы в *Камере Секретов* — поговорим потом.

— Мы поговорим сейчас, — сказал Риддл, все еще широко улыбаясь и засовывая палочку Гарри в карман.

Гарри недоуменно посмотрел на него. Происходило что-то странное.

— Почему Джинни в таком состоянии? Что с ней произошло? — медленно спросил он.

— О, интересный вопрос, — любезно ответил Риддл. — Это долгая история. Полагаю, настоящая причина состояния Джинни Уисли в том, что она раскрыла сердце и поведала свои секреты невидимому незнакомцу.

— О чем ты говоришь? — спросил Гарри.

— Дневник, — сказал Риддл. — Мой дневник. Малышка Джинни писала в нем месяцами, посвящая меня во все свои ничтожные заботы и проблемы: как ее *дразнят* братья, как ей пришлось идти в школу со старыми учебниками и формой, как..., — глаза Риддла сверкнули, — как она и не смела мечтать о том, что прекрасный, знаменитый, великий Гарри Поттер заинтересуется ей...

Все время пока Риддл говорил, он не сводил

глаз с лица Гарри. Он практически пожирал Гарри взглядом.

— Ужасно *утомительно* выслушивать о дурацких ничтожных проблемах одиннадцатилетней девчонки, — продолжил он. — Но я запасся терпением. Я отвечал ей и был чутким и добрым. Джинни просто *влюбилась* в меня. *«Никто никогда не понимал меня так как ты, Том… Я так рада, что могу делиться с тобой в этом дневнике… Как будто у меня есть друг, которого можно носить с собой в кармане…»*

Риддл рассмеялся тонким ледяным смехом, совершенно не сочетавшимся с его внешним видом. От этого смеха у Гарри побежали мурашки.

— Честно признаться, Гарри, я всегда умел очаровывать нужных людей. Так что Джинни открыла мне всю душу, и я счел эту душу подходящей. Я крепчал, питаясь ее потаенными страхами, ее секретами. Я стал сильным, гораздо сильнее, чем крошка Уисли. Достаточно сильным, чтобы вкладывать ей в голову свои тайны, потихоньку перенося *мою* душу *в нее*.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гарри пересохшим ртом.

— Ты все еще не понял, Гарри Поттер? — мягко сказал Риддл. — Джинни Уисли открыла Каме-

ру Секретов. Она душила школьных петухов и оставляла устрашающие послания на стенах. Она натравила змея Слизерина на четверых грязнокровок и кошку бессиля.

— Нет, — прошептал Гарри.

— Да, — спокойно сказал Риддл. — Конечно, вначале она *не осознавала,* что делает. Это было так забавно. Хотел бы я, чтобы ты прочитал ее записи в дневнике, чем дальше, чем интереснее они становились. — *Дорогой Том,* — начал он цитировать, глядя в шокированное лицо Гарри, — *Кажется, у меня провалы в памяти. На моей мантии петушиные перья, и я не знаю, откуда они взялись. Я не помню, что делала в Хеллоуин, а тем вечером напали на кошку, и почему-то я запачкана краской. Дорогой Том, Перси все говорит, что я бледная и сама не своя. Думаю, он подозревает меня… сегодня было еще одно нападение, а я не знаю, где была. Том, что мне делать? Кажется, я схожу с ума… думаю, это я тот преступник, Том!*

Гарри сжал кулаки, его ногти впились глубоко в ладони.

— Глупышке Джинни понадобилось так много времени, чтобы перестать доверяться своему дневнику, — сказал Риддл. — Но, в конце концов,

она стала что-то подозревать и попыталась избавиться от него. Тогда-то и появился *ты*, Гарри. Ты нашел его, и это невероятно обрадовало меня. Его мог подобрать кто угодно, но нашел именно ты — тот, с кем я больше всего жаждал встретиться…

— Но почему ты хотел встретиться со мной? — спросил Гарри. Его трясло от злости и пришлось сделать над собой усилие, чтобы говорить спокойно.

— Видишь ли, Джинни рассказала мне все о тебе, Гарри, — проговорил Риддл, — всю твою *невероятную* историю. — Его взгляд обратился к шраму в виде молнии на лбу Гарри, и выражение его лица стало еще более жадным. — Я знал, что надо разузнать побольше о тебе, поговорить с тобой, встретиться, если удастся. Так что я решил завоевать твое доверие и показать, как я поймал этого болвана Хагрида.

— Хагрид мой друг, — сказал Гарри, уже не сдерживая дрожь в голосе. — А ты специально подставил его, разве не так? Я думал, ты ошибся, но…

Риддл снова рассмеялся тоненьким голосом.

— Мое слово против слова Хагрида, Гарри. Представь, как все выглядело для старика Армандо Диппета. С одной стороны Том Риддл — бед-

ный, но выдающийся, сирота, но такой *храбрец*, школьный префект, образцовый ученик. С другой стороны — здоровый неуклюжий Хагрид, который попадает в передряги каждую неделю, пытается вырастить щенков оборотня у себя под кроватью и сбегает в Запретный Лес побороться с троллями. Но, признаюсь, даже я удивился, как безупречно сработал план. Я думал, *хоть кто-то* сообразит, что Хагрид не может быть Наследником Слизерина. У *меня* ушло целых пять лет, чтобы разузнать все, что можно о Камере Секретов, найти где потайной ход…как будто у Хагрида хватило бы на это мозгов или сил.

Только преподаватель преображения, Дамблдор, верил в невиновность Хагрида. Он убедил Диппета оставить Хагрида и выучить его на лесничего. Думаю, Дамблдор мог догадаться. Он никогда не любил меня так, как другие преподаватели…

— Держу пари, Дамблдор видел тебя насквозь, — проговорил Гарри, стиснув зубы.

— Да, он, конечно, начал ходить за мной по пятам, после исключения Хагрида, — беспечно сказал Риддл. — Я знал, что будет небезопасно вновь открывать Камеру, пока я в школе. Но я не хотел, чтобы все те долгие годы, что я искал ее, прошли

впустую. Я решил скрыться за страницами дневника, запечатав себя шестнадцатилетнего в его страницах, так чтобы однажды мне удалось провести по своим стопам кого-то еще и завершить благородное дело Салазара Слизерина.

— Но ты не завершил его, — торжествующе сказал Гарри. — Никто не погиб на этот раз, даже кошка. Через пару часов Живая вода из мандрагор будет готова, и все, кто окаменел, будут вылечены.

— Разве я еще не сказал тебе, — спокойно сказал Риддл, — что убийства грязнокровок мне больше не интересны? Вот уже много месяцев моя цель — *ты*.

Гарри уставился на него.

— Вообрази, как я был зол, когда в очередной раз мой дневник открыл не ты, а Джинни. Она увидела у тебя дневник и запаниковала. Что если ты узнаешь, как он действует, и я раскрою тебе все ее тайны? А если я, хуже того, расскажу тебе, кто задушил петухов? Так что глупая невоспитанная девчонка дождалась, пока в вашей спальне никого не будет, и выкрала дневник. Но я знал, что делать. Мне было ясно, что ты напал на след Наследника Слизерина. Из рассказов Джинни, я понял, что ты будешь идти до конца, пока не

разрешишь тайну, особенно если нападут на одного из твоих друзей. А еще Джинни рассказала — вся школа болтает о том, что ты говоришь на трегубном…

Так что я приказал девчонке оставить на стене прощальное послание, спуститься сюда и ждать. Она так сопротивлялась и рыдала, что мне все это *наскучило*. Но в ней больше не осталось жизненных сил: она слишком много вложила в дневник, в меня. Достаточно, чтобы я, наконец, смог покинуть эти страницы. Я ждал тебя, с тех пор как мы оказались здесь. Я знал, что ты придешь. У меня к тебе много вопросов, Гарри Поттер.

— Каких, например? — яростно прошипел Гарри, все еще сжимая кулаки.

— Например, — с милой улыбкой проговорил Риддл, — как смог ребенок, не наделенный выдающимися магическими способностями, одержать верх над величайшим колдуном всех времен? Как смог *ты* отделаться лишь шрамом, тогда как Волдеморт лишился всех своих сил?

В его глазах загорелся странный красный огонь.

— Почему тебя волнует, как я выжил? — медленно спросил Гарри. — Волдеморт же появился после тебя.

— Волдеморт, — мягко промолвил Риддл, — мое прошлое, настоящее и будущее, Гарри Поттер…

Он достал из кармана палочку Гарри и в воздухе написал ею три светящихся слова:

Я — ТОМ МЕРВОЛО РИДДЛ

Затем он взмахнул палочкой, и буквы поменялись местами:

ИМЯ — ЛОРД ВОЛДЕМОРТ

— Видишь? — прошептал он. — Я уже использовал это имя в Хогвартсе, знали его, конечно, только мои близкие друзья. Ты же не думаешь, что я собирался вечно носить имя этого презренного маггла, моего отца. Я, в чьих венах течет кровь самого Салазара Слизерина, моего родственника по материнской линии. Чтобы я сохранил имя заурядного мерзкого маггла, который отказался от меня еще до моего рождения, лишь потому, что он узнал, что его жена ведьма? Нет, Гарри. Я создал себе новое имя. Имя, которое, я точно знал — колдуны по всему миру будут бояться произнести, когда я стану величайшим волшебником в мире.

Гарри казалось, что его голова сейчас взорвется. Он ошеломленно смотрел на Риддла, на этого

мальчика-сироту, с виду такого беззащитного, который вырос, чтобы убить родителей Гарри и многих других… Наконец, он сделал над собой усилие и проговорил:

— Ты не… — выдавил он тихим, полным ненависти голосом.

— Не что? — выпалил Риддл.

— Не величайший в мире волшебник, — сказал Гарри, задыхаясь. — Не хочу тебя расстраивать, но величайший в мире колдун — Альбус Дамблдор. Все это знают. Даже в расцвете сил, ты и не пытался захватить Хогвартс. Дамблдор видел тебя насквозь, когда ты еще был в школе, и, где бы ты сейчас не скрывался, ты все еще боишься его.

Улыбка сползла с лица Риддла, его исказила уродливая гримаса.

— Один лишь мой *образ* смог прогнать Дамблдора прочь из замка, — прошипел он.

— Он не так далеко, как ты думаешь, — ответил Гарри.

Гарри притворялся, пытаясь запугать Риддла; на самом деле, он далеко не был уверен в своих словах.

Риддл открыл было рот, но замер.

Откуда-то послышалась музыка. Риддл обернулся и осмотрел пустую Камеру. Музыка

становилась громче. Она был такой странной, неземной, берущей за душу, что у Гарри волосы встали дыбом, а сердце, словно заполнило всю грудь. Затем, когда мелодия достигла такой высоты, что Гарри почувствовал, как звуки вибрируют внутри его тела, на вершине ближайшей колонны вспыхнуло пламя.

Появилась алая птица размером с лебедя, ее песнь поднималась под своды потолка. У птицы был сверкающий золотой хвост, длинный, как у павлина, и блестящие золотые когти, в которых она сжимала рваный сверток.

Секундой позже птица устремилась к Гарри. Она бросила свою потрепанную ношу к его ногам и взгромоздилась мальчику на плечо. Когда она сложила свои огромные крылья, Гарри увидел, что у нее длинный острый золотой клюв и черные глазки бусинки.

Птица замолчала. Она замерла, прижавшись теплым боком к щеке Гарри и пристально глядя на Риддла.

— Это же феникс, — произнес Риддл, приглядываясь к птице.

— *Фокс?* — выдохнул Гарри, и почувствовал, как птица легонько сжала его плечо когтями.

— А *это,* — сказал Риддл, глядя на потрепан-

ный сверток, который принес Фокс, — старушка Сортировочная Шляпа.

Так оно и было. Вся в заплатках, грязная и потертая Шляпа лежала у ног Гарри.

Риддл снова принялся смеяться. Он так хохотал, что его смех заполнил всю Камеру, словно смеялись сразу десять Риддлов.

— Вот что Дамблдор прислал своему защитнику! Певчую птичку и старую шляпу! Ты теперь полон храбрости, Гарри Поттер? Теперь ты чувствуешь себя в безопасности?

Гарри не ответил. Может он и не знал, чем пригодятся Фокс или Сортировочная Шляпа, но теперь он был не одинок и с возрастающей уверенностью ждал, пока Риддл перестанет смеяться.

— Ну, перейдем к делу, Гарри, — сказал Риддл, все еще улыбаясь во весь рот. Мы встречались дважды в твоем *прошлом*, в моем*будущем*. И дважды я не смог тебя убить. *Как ты выжил?* Расскажи мне все в подробностях. Чем дольше ты будешь говорить, — мягко добавил он, — тем дольше останешься в живых.

Гарри торопливо взвешивал шансы. У Риддла была палочка, у него Фокс и Сортировочная Шляпа, но от них вряд ли будет толк в бою. Дело плохо.

Но чем дольше Риддл стоит здесь, тем меньше жизни остается в Джинни…и тут Гарри заметил, что очертания Риддла становятся более ясными и четкими. Если ему и суждено было сразиться с Риддлом, то чем раньше, тем лучше.

— Никто не знает, почему ты потерял силы, когда напал на меня, — отрывисто сказал Гарри. — И я не знаю. Но я знаю, почему ты не смог *убить* меня. Моя мама погибла, чтобы спасти меня. Моя обычная *магглорожденная* мама, — добавил он, дрожа от сдерживаемого гнева. — Она не дала тебе убить меня. Я видел тебя настоящего в прошлом году. Ты едва живая развалина. Вот что с тобой сделали твои силы. Тебе приходится скрываться, ты мерзок и отвратителен.

Риддл скривился, но натянул на лицо жуткую улыбку.

— Так значит, твоя мать умерла, чтобы спасти тебя. Это мощное обратное заклинание. Теперь ясно, что в тебе нет ничего особенного. Мне было любопытно, ведь мы чем-то похожи, Гарри Поттер. Даже ты должен был это заметить. Полукровки, сироты, росшие среди магглов, наверное, мы единственные трегубы в Хогвартсе после самого Слизерина. Мы даже *внешне* чем-то схожи. Но, тем не менее, спастись от меня тебе удалось

по чистой случайности. Я узнал все, что хотел.

Гарри напряженно ждал, когда Риддл поднимет палочку, но тот только шире улыбнулся своей кривой ухмылкой.

— Нет, Гарри, я хочу преподать тебе небольшой урок. Давай померяемся силами. Лорд Волдеморт, наследник Слизерина и знаменитый Гарри Поттер, с лучшим оружием от Дамблдора.

Он с усмешкой взглянул на Фокса и Сортировочную Шляпу и отошел. Скованный ужасом Гарри смотрел, как Риддл остановился между высокими колоннами и посмотрел на каменное лицо Слизерина, скрытое высоко во тьме. Риддл широко разинул рот и зашипел — но Гарри понял его.

— *Ответь мне, Слизерин, величайший из Хогвартской четверки!*

Гарри повернулся, чтобы посмотреть на статую, Фокс качнулся у него на плече.

Гигантское лицо Слизерина дрогнуло. Оцепенев от ужаса, Гарри смотрел, как статуя открывает рот все шире и шире, обнажая огромную черную дыру, в которой что-то шевелится. Что-то стремилось наружу из темных глубин.

Гарри стал пятиться назад, пока не наткнулся на стену. Он крепко зажмурился и почувствовал щекой прикосновение крыла взлетающего Фокса.

Гарри хотел крикнуть: «Не оставляй меня!», но что мог поделать феникс с Королем Змей?

Что-то гигантское ударилось о каменный пол Камеры, Гарри почувствовал, как земля задрожала. Он знал, что происходит — он все чувствовал, словно видел своими глазами, как гигантский змей выползает изо рта Слизерина. Затем он услышал шипение Риддла:

— *Убей его!*

Василиск направился к Гарри. Мальчик слышал, как мощное змеиное тело грузно передвигается по пыльному полу. Гарри, бросился бежать с закрытыми глазами, вытянув перед собой руки и нащупывая дорогу. Риддл лишь смеялся над ним…

Гарри споткнулся. Он больно ударился о камень и почувствовал во рту вкус крови. Змей был почти в двух шагах от него, Гарри слышал его приближение.

Вдруг прямо над ним с громким свистом пролетело что-то тяжелое, задев мальчика так, что он впечатался в стену. Готовый к тому, что клыки сейчас вонзятся в его тело, он услышал еще более яростное шипение — что-то бешено колотило по колоннам.

Гарри не смог удержаться и приоткрыл глаза,

чтобы украдкой взглянуть, что происходит.

Огромный змей, яркого, ядовито-зеленого цвета, толщиной со ствол дуба, поднял свое тело высоко в воздух и мотал огромной круглой головой между колоннами. Гарри дрожал от страха, готовый тут же закрыть глаза, если змей повернется к нему, и тут он увидел, что отвлекло василиска. Фокс кружил у него над головой, а змей пытался ухватить его, клацая длинными, острыми как меч клыками.

Фокс бросился вниз. Его длинный золотой клюв исчез из виду, и вдруг фонтан темной крови брызнул на пол. Змеиный хвост заметался, чуть не задев Гарри, и не успел тот закрыть глаза, как змей повернулся. Гарри посмотрел прямо на него, и увидел, что феникс пронзил клювом его огромные выпуклые желтые глаза; кровь струилась на пол, а змей бился в конвульсиях.

— *Нет!* — услышал Гарри вопль Риддла, — *Оставь в покое птицу! Оставь птицу! Мальчишка прямо за тобой! Ты же можешь почуять его! Убей его!*

Ослепленный змей в замешательстве пошевелился, он все еще был смертельно опасен. Фокс кружил у него над головой, насвистывая свою неземную песню, то и дело вонзая клюв в чешуй-

чатую голову змея, а кровь так и продолжала литься из раненых глаз.

— На помощь, на помощь, — в отчаянье бормотал Гарри, — кто-нибудь, хоть кто-нибудь!

Змеиный хвост снова хлестнул по полу. Гарри пригнулся. Что-то мягкое ударило его по лицу. Василиск подбросил Сортировочную Шляпу прямо ему в руки. Гарри схватил ее — Шляпа была его последней надеждой, больше у него ничего не осталось. Гарри натянул ее на голову и бросился на пол, уклоняясь от хвоста василиска, снова пронесшегося над ним.

— *Помоги мне… помоги мне*, — молил Гарри, крепко зажмурившись под шляпой. — *Прошу, помоги мне…*

Шляпа не ответила ему. Вместо этого она съежилась, словно сжатая невидимой рукой.

Что-то твердое и тяжелое так стукнуло Гарри по голове, что он чуть не потерял сознание, из глаз посыпались искры. Он потянул за макушку шляпы, чтобы её снять, и изнутри выпало что-то длинное и твердое.

Из шляпы появился сверкающий серебряный меч, с рукояткой, украшенной рубинами размером с яйцо.

— *Убей мальчишку! Оставь птицу! Мальчишка*

за тобой — почуй его!

Гарри поднялся на ноги, готовый ко всему.

Василиск наклонил голову, его тело извивалось, натыкаясь на колонны, и вот он повернулся к Гарри. Мальчик увидел огромные окровавленные глазницы, широко разинутую пасть, готовую проглотить его целиком, унизанную клыками, длинными как его меч, сверкающими, ядовитыми…

Змей слепо кинулся вперед. Гарри увернулся, и василиск ударился о стену Камеры. Змей снова бросился, и его раздвоенный язык задел бок Гарри. Мальчик поднял меч, крепко держа его обеими руками.

Василиск снова сделал бросок, и на этот раз достиг цели. Гарри всем своим весом налег на меч и по самую рукоятку вонзил его в змеиную пасть.

Но как только теплая кровь полилась по его рукам, Гарри почувствовал жгучую боль выше локтя. Один длинный отравленный клык вонзался все глубже и глубже ему в руку и откололся, когда змея, накренившись, упала на пол и забилась в конвульсиях.

Гарри сполз вниз по стене. Он схватил клык, испускающий яд в его тело, и вырвал его из руки. Но он понимал, что уже слишком поздно. От раны

медленно распространялась жгучая боль. Гарри сидел, глядя, как его собственная кровь пропитывает плащ, глаза его застилал туман. Камера исчезала в вихре тусклого света.

Какое-то алое пятно промелькнуло у него перед глазами, и Гарри услышал рядом с собой тихое клацанье когтей.

— Фокс, — хрипло проговорил Гарри, — ты был великолепен, Фокс …

Он почувствовал, как птица положила свою прекрасную голову прямо на то место, где в него вонзился змеиный клык.

Послышались звуки шагов, эхом отражавшиеся от стен, и вот перед ним появилась темная тень.

— Ты покойник, Гарри Поттер, — раздался над ним голос Риддла. — Покойник. Даже птичке Дамблдора это понятно. Видишь, что он делает, Поттер? Он плачет.

Гарри моргнул. Голова Фокса то и дело расплывалась перед его глазами. Мутные перламутровые слезы катились по гладким перьям птицы.

— Я буду сидеть здесь и смотреть, как ты умираешь. Можешь не торопиться, у меня полно времени.

Гарри словно проваливался в сон. Все вокруг кружилось.

— Вот как встречает свой конец знаменитый Гарри Поттер, — послышался издалека голос Риддла. — Один, в Камере Секретов, покинутый товарищами, и, наконец, побежденный Темным Лордом, которому имел глупость сопротивляться. Скоро ты встретишься со своей мамашей-грязнокровкой. Она выгадала для тебя двенадцать лет жизни, но Лорд Волдеморт все равно настиг тебя, как и должно было случиться…

Гарри подумал, что если он и умирает, то смерть не такая уж страшная штука. Даже боль уже прошла…

Но умирал ли он? Вместо того, чтобы раствориться в темноте, очертания Камеры снова становились четче. Гарри тряхнул головой и увидел Фокса. Его голова все еще лежала у Гарри на руке. Перламутровые слезы сверкали вокруг раны — но самой раны уже не было.

— Пошла прочь, птица, — неожиданно произнес Риддл. — Прочь от него. Я сказал *прочь*!

Гарри поднял голову. Риддл целился его палочкой в Фокса. Раздался взрыв, похожий на выстрел и Фокс взвился ввысь красно-золотым вихрем.

— Слезы Феникса… — тихо пробормотал Риддл, глядя на руку Гарри. — Конечно же… они обладают целебной силой … я и забыл…

Он посмотрел Гарри в лицо.

— Но это не важно. Так даже лучше. Ты и я, Гарри Поттер… лишь ты и я…

Он поднял палочку.

Но тут, взмахивая крыльями, у них надо головами снова появился Фокс, и бросил что-то Гарри на колени. Это был *дневник*.

На долю секунды Гарри и, все еще поднимавший палочку Риддл замерли, глядя на него. Потом, даже не размышляя, словно всегда знал, что делать, Гарри поднял с пола клык Василиска и вонзил его прямо в середину дневника.

Раздался дикий, пронзительный, протяжный крик. Чернила хлынули из дневника, переливаясь через руки Гарри прямо на пол. Риддл корчился, извивался, метался с воплями, и вдруг…

Он исчез. Палочка Гарри со стуком упала на пол и воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерными звуками: *кап, кап, кап* — из дневника все еще сочились чернила. Яд василиска прожег в нем дыру.

Дрожа всем телом, Гарри поднялся. У него все еще кружилась голова, словно он проделал долгий путь с помощью вьюжного пороха. Гарри осторожно подобрал свою палочку и Сортировочную Шляпу, и с трудом вытащил сверкающий

меч из глотки Василиска.

Вдруг из дальнего конца Камеры раздался слабый стон. Джинни зашевелилась. Гарри бросился к ней, а она поднялась и села. С ошеломленным видом Джинни перевела взгляд с огромного туловища мертвого василиска на Гарри в пропитанном кровью плаще и на дневник в его руке. Она вздрогнула, судорожно глотнула воздух и разразилась рыданиями.

— Гарри, о Гарри, я хотела сказать тебе з-за завтраком, но *не м-могла* при Перси. Это была *я,* Гарри, но клянусь я… я н-не хотела, Риддл заставил меня, он влез мне в г-голову…а как же ты убил ту…ту штуку? И где… где Риддл? Последнее, что я п-помню — как он выходит из дневника.

— Все в порядке, — сказал Гарри, поднимая дневник и показывая Джинни дыру, проделанную клыком. — Риддлу конец. Смотри — и ему и василиску! Давай, Джинни, пора выбираться отсюда.

— Меня теперь исключат, — рыдала Джинни, пока Гарри неловко помогал ей подняться. — Я так ждала, когда же попаду в Хогвартс, еще с тех пор, как Билл пошел учиться, а т-теперь мне придется уйти — *и что же с-скажут мама с папой*?

Фокс ждал их, кружа у входа в Камеру. Гарри

подтолкнул Джинни, они перешагнули через неподвижное тело мертвого василиска, прошли сквозь тьму, где эхом раздавались их шаги, и вернулись обратно в тоннель. Гарри услышал, как каменные двери закрылись за ними с тихим шипением.

Через несколько минут ходьбы по темному тоннелю Гарри услышал отдаленный звук медленно перемещаемой скалы.

— Рон! — закричал Гарри, прибавляя шаг. — Джинни в порядке! Она со мной!

Он услышал сдавленный возглас Рона, и, свернув в следующий поворот, они увидели его нетерпеливое лицо, глазеющее на них сквозь широкую дыру, которую он смог ему удалось проделать в завале.

— *Джинни!* — Рон высунул руку сквозь дыру в скале, чтобы помочь Джинни забраться внутрь. — Неужели ты жива! Что случилось?

Рон попытался обнять ее, но Джинни, всхлипывая, отстранилась.

— С тобой все в порядке, Джинни, — ликовал Рон. — Все уже позади… а кстати, откуда взялась та птица?

Фокс вылетел из дыры следом за Джинни.

— От Дамблдора, — ответил Гарри, протискива-

ясь сквозь отверстие.

— А *меч* у тебя откуда? — вытаращился Рон на сверкающее оружие в руках у Гарри.

— Расскажу, когда выберемся отсюда, — сказал Гарри, глянув на Джинни.

— Но…

— Позже, — быстро сказал Гарри. Ему не хотелось сейчас рассказывать Рону, кто открыл Камеру, не при Джинни. — А где Локарт?

— Там, — усмехнулся Рон и мотнул головой в сторону туннеля, ведущего к трубе. — Вот только он совсем плох. Сам посмотри.

Следуя за Фоксом, чьи алые крылья нежно мерцали золотистым светом, освещая путь во тьме, ребята добрались до входа в трубу. Там сидел Гилдерой Локарт, тихонько напевая что-то себе под нос.

— У него провал в памяти, — сказал Рон. — Заклятье забвения вернулась к нему и поразила его вместо нас. Он понятия не имеет кто он, кто мы, и где он находится. Я сказал ему идти и ждать здесь, чтобы он себе не навредил.

Локарт добродушно взглянул на них.

— Привет, — сказал он. — Жутковатое местечко, правда? Вы здесь живете?

— Нет, — ответил Рон, поднимая брови и огля-

дываясь на Гарри.

Гарри нагнулся и заглянул в длинную темную трубу.

— Ты не думал, как мы будем выбираться отсюда? — спросил он Рона.

Тот помотал головой, но вдруг перед Гарри возник феникс Фокс, трепеща крыльями и мерцая глазами. Он помахивал длинным золотым хвостом. Гарри растерянно посмотрел на птицу.

— Кажется, он хочет, чтобы ты схватился за него, — в недоумении произнес Рон. — Но ты же слишком тяжелый, чтобы он смог тебя поднять.

— Фокс не обычная птица, — сказал Гарри. Он быстро обернулся к остальным. — Будем держаться друг за друга. Джинни, бери за руку Рона. Профессор Локарт…

— Это он вас имеет в виду, — бросил Рон Локарту.

— Берите Джинни за другую руку.

Гарри заткнул за пояс меч и Сортировочную Шляпу. Рон взялся сзади за его плащ. Гарри протянул руку и схватил почему-то горячие перья на хвосте Фокса.

Странная легкость распространилась по его телу, и через секунду они уже со свистом неслись вверх по трубе. Гарри слышал, как Локарт, бол-

тающийся под ним, восклицает: «Потрясающе! Потрясающе! Это просто волшебство!»

Холодный ветер трепал волосы Гарри, но полет, не успев надоесть ему, уже закончился, и все четверо оказались на мокром полу в туалете Мученицы Мирты. Пока Локарт поправлял сбившуюся шляпу, раковина, скрывавшая трубу, вернулась на место.

Мирта выпучилась на них.

— Ты живой, — с недоумением произнесла она, глядя на Гарри.

— Не стоит так расстраиваться, — мрачно ответил он, стирая пятна крови и слизи с очков.

— Ну… я просто думала… Если бы ты умер, я бы пригласила тебя в свой туалет, — сказала Мирта, покрываясь серебристым румянцем.

— Хм, — пробормотал Рон, когда они вышли в пустынный коридор. — Гарри, кажется Мирта на тебя *запала*. Джинни, у тебя появилась конкурентка!

Но Джинни все еще беззвучно плакала.

— Куда теперь? — спросил Рон, обеспокоенно глядя на Джинни. Гарри показал ему.

Фокс повел их, освещая золотым сиянием коридор. Они следовали за фениксом и, спустя несколько мгновений, обнаружили, что стоят

перед кабинетом профессора Макгонаголл.

Гарри постучал и открыл дверь.

Глава восемнадцатая
ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ДОББИ

Когда Гарри, Рон, Джинни и Локарт, с ног до головы покрытые грязью, слизью, (а Гарри даже кровью) появились в дверном проеме, на мгновение воцарилась тишина. Затем раздался вопль:

— *Джинни!*

Кричала миссис Уисли, чьи рыдания у камина, они прервали своим появлением. Она вскочила на ноги, за ней мистер Уисли, и они вместе кинулись к дочери. Гарри же смотрел не на них. Сияющий от радости профессор Дамблдор стоял у камина рядом с профессором Макгонаголл, глубоко всхлипывающей, держась за грудь. Фокс со свистом пронесся мимо Гарри и уселся Дамблдору на плечо, а Гарри и Рон, не успев опомниться, оказались в крепких объятьях миссис Уисли.

— Вы спасли ее! Спасли! Но *как* вам это удалось?

— Думаю, всем нам интересно это узнать, — слабо проговорила профессор Макгонаголл.

Миссис Уисли выпустила Гарри. Он на мгновение растерялся, но затем подошел к столу и

выложил Сортировочную Шляпу, украшенный рубинами меч и то, что осталось от дневника Риддла.

Потом он стал рассказывать обо всем, что случилось. Почти четверть часа Гарри говорил в полнейшей тишине. Он рассказал о том, как слышал бесплотный голос, и как Гермиона узнала, что это был Василиск в трубах; как они с Роном ходили в лес за пауками и Арагог рассказал им, где погибла последняя жертва Василиска; как он догадался, что жертвой была Мученица Мирта, и что вход в Камеру Секретов может быть в ее туалете…

— Ясно, — вставила профессор Макгонаголл, когда он сделал паузу, — вы нашли вход, попутно, надо сказать, нарушив сотню школьных правил, но *каким же образом* вам удалось выбраться оттуда живыми, Поттер?

Гарри, уже охрипший от долгой речи, рассказал им, как вовремя подоспел Фокс с Сортировочной Шляпой, в которой был меч. Но затем он запнулся. До сих пор он избегал упоминать о дневнике Риддла и Джинни, которая стояла, склонив голову на плечо миссис Уисли, и все еще тихо плакала. А что если ее исключат? Гарри лихорадочно размышлял. Дневник Риддла больше не действует…

Как они докажут, что именно дневник заставил ее совершить все это?

Гарри невольно взглянул на Дамблдора. Тот чуть улыбался, сверкая глазами из-под очков-полумесяцев.

— А *меня* больше интересует, — мягко сказал Дамблдор, — как смог Лорд Волдеморт заколдовать Джинни, в то время как, согласно моим источникам, он должен скрываться в лесах Албании.

Счастливое облегчение охватило Гарри и разлилось теплом по его телу.

— Ч-что? — потрясенно спросил мистер Уисли. — *Сами-Знаете-Кто*? З-заколдовал *Джинни*? Но Джинни же не…ее не…так ведь?

— Это был дневник, — поспешно сказал Гарри, беря со стола книгу и показывая ее Дамблдору. — Риддл писал его в шестнадцать лет.

Дамблдор взял дневник у Гарри и, опустив длинный крючковатый нос, внимательно всмотрелся в обугленные сырые страницы

— Блестяще, — негромко произнес он, — Риддл, без сомнений, был одним из самых выдающихся учеников за всю историю Хогвартса.

Дамблдор повернулся к совершенно ошарашенной чете Уисли.

— Мало кто знает, что Лорда Волдеморта когда-то звали Том Риддл. Я сам учил его в Хогвартсе пятьдесят лет назад. Он исчез, закончив школу… путешествовал по дальним странам… он так глубоко погрузился в темные искусства, связавшись с самыми дурными колдунами, и проделал с собой так много опасных магических превращений, что, когда вновь появился, как Лорд Волдеморт, в нем вряд ли осталось что-то от Тома Риддла. Едва ли кто-нибудь мог связать Лорда Волдеморта с симпатичным умным юношей, который когда-то был здесь старостой.

— Но Джинни, — сказал мистер Уисли, — какое….какое *он* имеет отношение к нашей *Джинни*?

— Его д-дневник, — всхлипывая, проговорила Джинни. — Я п-писала в нем весь г-год, а он от-отвечал мне.

— Джинни! — ошарашенно произнес мистер Уисли. — Я что *ничему* тебя не научил? Что я всегда тебе говорил? Никогда не доверяй ничему разумному, *если не очевидно, каким образом оно мыслит.* Почему ты не показала дневник мне или маме? Такой подозрительный предмет был *очевидно* полон темной магии.

— Я н-не знала, — всхлипнула Джинни. — Я на-

шла его в одной из книг, которые купила мама. Я д-думала кто-то просто оставил его там и забыл…

— Мисс Уисли нужно сейчас же пойти в больничное крыло, — решительно прервал их Дамблдор. — Она прошла через тяжелое испытание. Никакого наказания не будет. Лорд Волдеморт обводил вокруг пальца куда более мудрых и опытных волшебников, чем она.

Дамблдор шагнул и открыл дверь.

— Тебе полагается постель и, возможно, большая чашка горячего шоколада. Меня это всегда бодрит, — добавил он, добродушно подмигивая девочке. — Мадам Помфри еще не спит. Она делает Живую воду из мандрагор. Жертвы василиска должны вернуться к жизни с минуты на минуту.

— Значит Гермиона в порядке! — обрадовался Рон.

— Непоправимого ущерба им не нанесли, — сказал Дамблдор.

Миссис Уисли увела Джинни, мистер Уисли, все еще глубоко потрясенный, вышел вслед за ними.

— Знаете, Минерва, — задумчиво сообщил Дамблдор профессору Макгонаголл, — Думаю, все мы заслужили хорошую *пирушку*. Не могли бы вы оповестить поваров?

— Разумеется, — твердо сказала профессор

Макгонаголл. — Я оставлю вас разбираться с Поттером и Уисли?

— Конечно, — ответил Дамблдор.

Она вышла. и Гарри с Роном растерянно посмотрели на Дамблдора. Что имела в виду профессор Макгонаголл, говоря *разбираться* с ними? Их же не должны…*не должны же* наказать?

— Помнится, я говорил вам обоим, что исключу вас, если вы снова нарушите школьные правила, — сказал Дамблдор.

Рон в ужасе раскрыл рот.

— И вот отличный пример того, что даже лучшие из нас иногда должны брать свои слова обратно, — продолжил Дамблдор с улыбкой. — Вы оба получите Специальные награды за Заслуги перед школой и…, дайте-ка подумать, пожалуй, еще по двести очков для Гриффиндора каждому.

Рон покраснел, как цветы Локарта на День Святого Валентина, и захлопнул рот.

— Но кое-кто молчит о своей роли в этом опасном путешествии, — добавил Дамблдор. — Гилдерой, к чему такая скромность?

Гарри опомнился. Он совершенно забыл про Локарта. Он обернулся и увидел, что тот стоит в углу комнаты, все еще рассеянно улыбаясь. Когда Дамблдор обратился к нему, Локарт оглянулся,

чтобы посмотреть с кем тот разговаривает.

— Профессор Дамблдор, — быстро сказал Рон, — кое-что случилось в Камере Секретов. Профессор Локарт…

— Я профессор? — спросил Локарт с удивлением. — Вот это да. От меня, наверное, было мало толку?

— Он пытался наложить заклятье Забвения, но палочка сработала в обратную сторону, — тихонько объяснил Рон Дамблдору.

— Надо же, — сказал Дамблдор и покачал головой, его длинные серебристые усы задрожали. — Поражен собственным оружием, Гилдерой!

— Оружием? — пробормотал Локарт. — У меня нет оружия. Зато у этого мальчика есть, — указал он на Гарри. — Он дал его вам.

— Вы не могли бы отвести и профессора Локарта в больничное крыло? — попросил Дамблдор Рона. — Я бы хотел сказать Гарри еще несколько слов.

Локарт неторопливо проследовал к выходу. Рон, закрывая дверь, бросил любопытный взгляд на Дамблдора и Гарри.

Дамблдор направился к креслу возле камина.

— Присаживайся, — сказал он, и Гарри сел, безотчетно волнуясь.

— Прежде всего, я хочу поблагодарить тебя Гарри, — сказал Дамблдор, снова подмигивая. Ты, должно быть, проявил истинную преданность мне, там внизу в Камере, иначе Фокс не прилетел бы к тебе.

Он погладил феникса, спустившегося ему на колени. Гарри смущенно улыбнулся под взглядом Дамблдора.

— Итак, ты встретил Тома Риддла, — задумчиво произнес Дамблдор. — Думаю, ты его интересовал *больше всего…*

Вдруг у Гарри вырвалось то, что не давало ему покоя.

— Профессор Дамблдор…Риддл сказал, что я такой же, как он. Он сказал, что между нами есть странное сходство…

— Он *так сказал*? — сказал Дамблдор, спокойно глядя на Гарри из-под густых серебристых бровей. — И что ты думаешь об этом?

— Не думаю, что я такой же, как он! — воскликнул Гарри, громче, чем рассчитывал. — Я имею в виду, я… я же *в Гриффиндоре*, я…

Но он замолчал, ему в голову пришло сомнение.

— Профессор, — продолжил он вскоре, — Сортировочная Шляпа сказала мне, что я бы… я бы

пришелся к месту в Слизерине. Все какое-то время считали, что я Наследник Слизерина… потому что я говорю на трегубом…

— Ты можешь говорить на трегубом, Гарри, — мягко сказал Дамблдор, — потому что Лорд Волдеморт, последний оставшийся на земле потомок Салазара Слизерина, может говорить на трегубом. Если я прав, он передал часть своих сил тебе в ту ночь, когда оставил тебе этот шрам. Уверен, что он не рассчитывал на это…

— Волдеморт вложил *в меня* частицу себя? — как громом пораженный проговорил Гарри.

— Похоже на то.

— Значит я *должен* был попасть в Слизерин, — сказал Гарри, в отчаянье глядя в лицо Дамблдору. — Сортировочная Шляпа увидела во мне способности, нужные в Слизерине способности, и…

— Отправила тебя в Гриффиндор, — спокойно сказал Дамблдор. — Послушай, Гарри. Тебе достались многие качества, которые Салазар Слизерин ценил в своих лучших учениках. Его собственный редкий дар, — трегубый язык… находчивость… упорство… некоторое пренебрежение правилами, — добавил он, снова шевельнув усами. — Но Сортировочная Шляпа все же отправила тебя в

Гриффиндор. Ты знаешь, почему так произошло. Подумай.

— Она отправила меня в Гриффиндор только потому, — убитым голосом произнес Гарри, — что я попросил не отправлять меня в Слизерин…

— *Вот именно,* — снова просиял Дамблдор. — Вот что *отличает* тебя от Тома Риддла. Наш выбор, Гарри, определяет кто мы такие, куда больше, чем наши способности.

Ошеломленный Гарри замер в кресле.

— Если тебе нужны доказательства того, что ты по праву находишься в Гриффиндоре, думаю тебе надо познакомиться поближе вот с *этим*.

Дамблдор достал со стола профессора Макгонаголл испачканный в крови серебряный меч и передал его Гарри.

Гарри вяло перевернул оружие, рубины засияли в пламени огня. И вдруг он увидел имя, выгравированное прямо под рукоятью.

Годрик Гриффиндор.

— Только настоящий гриффиндорец мог вынуть его из Шляпы, Гарри, — просто сказал Дамблдор.

Минуту они молчали. Затем Дамблдор выдвинул один из ящиков стола профессора Макгонаголл, достав перо и чернильницу.

— Тебе сейчас нужно поесть и поспать, Гарри.

Спускайся на праздник, а я напишу в Азкабан — надо вернуть нашего лесничего. А еще мне надо набросать объявление для «Ежедневного пророка», — задумчиво произнес он. — Нам понадобится новый преподаватель защиты от темных искусств. Они тут долго не задерживаются, правда?

Гарри поднялся и направился к выходу. Но не успел он взяться за ручку, как дверь распахнулась с такой силой, что отскочила обратно, ударившись о стену.

За дверью стоял взбешенный Люциус Малфой. Из-за него выглядывал сжавшийся в комок, весь перевязанный бинтами Добби.

— Добрый вечер, Люциус, — приветливо произнес Дамблдор.

Мистер Малфой почти сбил Гарри с ног, ворвавшись в комнату. Добби суетливо семенил за ним, припав к подолу его плаща, с выражением смиренного страха на лице.

— Итак! — сказал Люциус Малфой, остановив свой холодный взгляд на Дамблдоре. — Вы отстранены членами правления, но все же считаете возможным вернуться в Хогвартс.

— Видите ли, Люциус, — сказал Дамблдор с безмятежной улыбкой, — остальные одиннадцать

членов правления связывались со мной сегодня. Сказать по правде, на меня обрушился просто совопад. Они услышали, что убита дочь Артура Уисли и тут же попросили меня вернуться. Члены правления решили, что я все же лучше всего справляюсь с этой должностью. Они также поведали мне очень странные истории. Некоторым из них, показалось, что вы угрожали проклятием их семьям, если они не проголосуют за мое отстранение.

Мистер Малфой стал еще бледнее обычного, но его глаза все еще гневно сужались.

— Ну и удалось ли вам остановить нападения? — ощерился он. — Вы поймали нападавшего?

— Да, — с улыбкой ответил Дамблдор.

— *Ну и*? — резко сказал Малфой. — Кто же это?

— Тот же, кто и в прошлый раз, Люциус, — сказал Дамблдор, — Но сейчас Лорд Волдеморт действовал чужими руками, через дневник.

Он поднял маленькую черную книжку с большой дырой посередине, поднеся ее ближе к мистеру Малфою. Гарри же смотрел на Добби.

Эльф вел себя странно. Его огромные глаза многозначительно впились в Гарри, он указывал на дневник и затем на мистера Малфоя, а потом со

всей силы бил себя кулаком по голове.

— Понятно, — медленно сказал мистер Малфой Дамблдору.

— Хитрый план, — спокойно произнес Дамблдор, глядя Малфою прямо в глаза. — Ведь если бы Гарри, — мистер Малфой быстро бросил на Гарри цепкий взгляд, — и Рон не обнаружили эту книгу, всю вину возложили бы на Джинни Уисли. Никто не смог бы доказать, что она действовала не по свой воле…

Мистер Малфой промолчал. Его лицо стало похоже на маску.

— И представьте себе, — продолжил Дамблдор, — что было бы дальше. Уисли — одна из самых известных чистокровных семей. Подумайте, как бы повлияла на Артура Уисли и на его Акт о защите магглов, история с его дочкой, совершавшей нападения и убивавшей маггло-рожденных. Нам повезло, что дневник нашелся, и воспоминания Риддла уничтожили. Кто знает, что за последствия ждали бы нас в противном случае…

Мистер Малфой сделал над собой усилие и заговорил.

— Действительно, повезло, — натянуто произнес он.

А Добби за его спиной продолжал показывать на дневник, затем на Люциуса Малфоя и бить себя по голове.

И вдруг Гарри осенило. Он кивнул Добби, и тот вернулся в угол, на сей раз выкручивая себе уши в качестве наказания.

— А вы не хотели бы узнать, как этот дневник попал к Джинни, мистер Малфой? — спросил Гарри.

Люциус Малфой повернулся к нему.

— Откуда мне знать, где эта глупая девчонка его раздобыла? — сказал он.

— Оттуда, что это вы дали его ей, — сказал Гарри. — Во «Флорише и Блоттсе». Вы взяли ее старый учебник по преображениям и вложили в него дневник, не так ли?

Он увидел, как Малфой сжал и разжал свои белые пальцы.

— Докажи, — прошипел он.

— О, этого никто не сможет сделать, — с улыбкой сказал Дамблдор Гарри. — Не теперь, когда Риддла больше нет в книге. Но с другой стороны мой вам совет, Люциус, не стоит больше раздавать старые школьные вещи Лорда Волдеморта. Если еще какие-то из них попадут в руки невинных людей, Артур Уисли, например, точно

поймет, что тут не обошлось без вас…

Люциус Малфой на мгновение замер, и Гарри совершенно точно увидел, как его правая рука дернулась, чтобы достать палочку. Но вместо этого он повернулся к своему домовому эльфу:

— Добби, мы уходим!

Он рванул на себя дверь и пинком отправил поспешившего к нему эльфа в дверной проем. Они слышали, как эльф повизгивал от боли, пока они с хозяином удалялись по коридору. Гарри на минуту задумался, и вдруг понял что делать.

— Профессор Дамблдор, — торопливо спросил он, — пожалуйста, можно мне вернуть этот дневник мистеру Малфою?

— Конечно, Гарри, — спокойно ответил Дамблдор. — Но поспеши, нас ждут на празднике.

Гарри схватил дневник и вылетел из кабинета. Он услышал, как стоны Добби затихают за углом. Торопливо размышляя, сработает ли то, что он задумал, Гарри снял ботинок, стянул с ноги грязный вонючий носок, засунул в него дневник и бросился по темному коридору.

Он догнал Малфоя и Добби у лестницы.

— Мистер Малфой, — резко затормозил он, ловя воздух ртом, — у меня есть кое-что для вас.

С этими словами он сунул свой вонючий носок

прямо в руки Люциуса Малфоя.

— Что за…

Мистер Малфой сорвал носок с дневника, отбросил его в сторону и перевел злобный взгляд с испорченной книги на Гарри.

— Однажды тебя ждет такой же печальный конец, как и твоих родителей, Гарри Поттер, — тихо сказал он. — Эти тупицы тоже вечно совали всюду свой нос.

Он развернулся и пошел прочь.

— Ко мне, Добби. Я сказал *ко мне*!

Но Добби не двигался. Он держал отвратительный вонючий носок Гарри, так словно это было бесценное сокровище.

— Хозяин дал Добби носок, — изумленно произнес эльф. — Хозяин дал его Добби.

— Что? — выплюнул мистер Малфой. — Что ты там несешь?

— Добби дали носок, — все еще не веря своим глазам, произнес эльф. — Хозяин бросил его, а Добби поймал, и Добби…Добби *свободен*.

Люциус Малфой застыл на месте, уставившись на эльфа. Затем он рванулся к Гарри.

— Ты увел моего слугу, мальчишка!

Но Добби заверещал:

— Не троньте Гарри Поттера!

Затем раздалось громкое «Бам!» и мистер Малфой опрокинулся на спину. Он кубарем покатился по лестнице, перелетая сразу через три ступеньки, и бесформенным кулем шлепнулся на лестничную площадку ниже этажом. Малфой поднялся на ноги с побагровевшим лицом и вытащил палочку, но Добби угрожающе поднял палец.

— А теперь уходите, — свирепо сказал он, указывая на мистера Малфоя. — Не прикасайтесь больше к Гарри Поттеру. Уходите.

Люциусу Малфою ничего другого не оставалось. Последний раз метнув на них уничтожающий взгляд, он обернулся плащом и исчез из виду.

— Гарри Поттер освободил Добби! — пронзительно взвизгнул эльф, преданно глядя на Гарри. Луна, светящая сквозь окно, отражалась в его выпуклых глазах. — Гарри Поттер освободил Добби!

— Это меньшее, что я мог сделать для тебя, — сказал Гарри с улыбкой. — Пообещай только больше не спасать мне жизнь.

Коричневое безобразное лицо эльфа вдруг озарила широкая сияющая улыбка.

— У меня есть только один вопрос, Добби, — сказал Гарри эльфу, дрожащими руками натягивающему носок. — Ты же говорил, что все это не

касается Того-Кого-Нельзя-Называть, помнишь. И…

— Это же была подсказка, — вытаращил глаза Добби, так, словно это было совершенно очевидно. — Добби давал вам подсказку. Темного Лорда ведь можно было спокойно называть, пока он не сменил имя, ведь так?

— Пожалуй, — вяло согласился Гарри. — Ну, мне пора. Там праздник, и моя подруга Гермиона, должно быть, пришла в себя.

Добби обхватил Гарри за талию и стиснул в объятьях.

— Гарри Поттер еще более великий, чем думал Добби! — всхлипнул он. — Прощай, Гарри Поттер!

И с громким хлопком он растворился в воздухе.

* * *

Гарри и раньше бывал на хогвартских праздниках, но на таком еще никогда. Все были в пижамах, и веселье продолжалось всю ночь. Гарри даже не знал, что его больше обрадовало — Гермиона, выбежавшая к нему с криком: «Ты справился! Ты справился!», или Джастин, поспешивший к нему от хуфльпуфского стола, чтобы

обменяться рукопожатиями и извиниться за свои подозрения, или Хагрид, подоспевший к половине четвертого утра, и так крепко хлопнувший их по плечам, что они уткнулись носом прямо в тарелки с закусками, или их с Роном четыреста очков, обеспечившие Гриффиндору победу и Школьный Кубок второй год подряд, или профессор Макгонаголл, объявившая, что экзамены решили отменить («О *нет!*» — ахнула Гермиона), или профессор Дамблдор, сообщивший, что профессор Локарт, к сожалению, не сможет вернуться на следующий год, поскольку вынужден будет восстанавливать свою память. К радостным возгласам, приветствующим эту новость, присоединились и некоторые преподаватели.

— Какая жалость, — сказал Рон, хватая пончик с джемом, — Он только начал мне нравиться.

* * *

Остаток летнего семестра замок был окутан сияющим солнечным светом. Хогвартс входил в привычную колею лишь с двумя небольшими изменениями: занятия по защите от темных искусств отменили («Ну, мы достаточно в этом попрактиковались», — сказал Рон недовольной Гермионе) и Люциуса Малфоя уволили с должно-

сти члена школьного правления. Драко больше не расхаживал по школе с таким видом, будто он здесь хозяин. Напротив, он выглядел мрачным и оскорбленным. Что касается Джинни Уисли — она снова была совершенно счастлива.

Очень скоро настало время отправляться домой на «Хогвартс-Экспрессе». Гарри, Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Джинни разместились в одном купе. Они постарались с толком потратить последние часы перед каникулами, когда еще можно было колдовать. Они играли в «Подрывного дурака», запустили последние оставшиеся у Фреда с Джорджем фейерверки д-ра Филибустера и попрактиковались в разоружении друг друга с помощью магии. У Гарри это уже отлично получалось.

Они уже почти прибыли на Кингс-Кросс, как Гарри кое о чем вспомнил:

— Джинни, а за чем ты застукала Перси, когда он попросил тебя никому не рассказывать?

— А, ты об этом, — хихикнула Джинни, — Ну, у Перси появилась *девушка.*

Джордж уронил стопку книг прямо Фреду на голову.

— *Что??*

— Это та префект из Рейвенкло — Пенелопа

Клируотер, — сказала Джинни. — Это ей он писал все прошлое лето. Весь год в школе они тайком встречались. И я как-то застала их, когда они целовались в пустом классе. Перси был так огорчен, когда на нее, ну… напали. Вы же не станете дразнить его, правда? — разволновалась Джинни.

— И думать не посмеем, — ухмыльнулся Фред, с таким видом, словно ему преподнесли подарок на день рожденья.

— Определенно не станем, — подавил смешок Джордж.

«Хогвартс-Экспресс» замедлил ход и остановился.

Гарри, достав перо и кусок пергамента, повернулся к Рону и Гермионе.

— Это называется номер телефона, — дважды нацарапал он на пергаменте цифры, и, свернув лист пополам, отдал его Рону. — Прошлым летом я рассказал твоему отцу, как пользоваться телефоном, он тебя научит. Звони мне. Я не переживу, если два месяца придется общаться только с Дадли…

— Твои тетя и дядя, наверняка, будут гордиться тобой, да? — спросила Гермиона, когда они сошли с поезда и влились в толпу, направлявшуюся к зачарованному барьеру. — Когда они узнают о

том, что ты совершил в этом году.

— Гордиться? — переспросил Гарри. — Да ты с ума сошла? Столько раз быть на волосок от смерти и выжить? Да они будут в ярости…

И все вместе они прошли сквозь барьер обратно в мир магглов.

[Конец второй книги]

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

Merzkapiksi anuotvali — Peskipiksi pesternomi — «отстань от меня, дрянная пикси». В отличие от других заклинаний, представляющих собой немного исковерканные латинские слова, это фонетически совпадает с английским «Pesky pixie, pester not me» — «мерзская пикси, отстань от меня». Роулинг этим даёт понять, что Локарт на самом деле не знал, какое заклинание применить, и просто использовал набор слов. Мы пошли тем же путём, и перевели заклинание, которое и заклинанием не является: «Мерзкая пикси, а ну, отвали».

Бандон — Bandon — город в Ирландии.

Банши — banshee — привидение-плакальщица (в шотландском и ирландском фольклоре); опекает какую-либо семью и предвещает душераздирающими воплями смерть кого-либо из её членов.

Бессиль — squib — от английского ничтожество, полный нуль; тот, кто в магии полный швах, одним словом.

Боргин и Потрошивер — Borgin and Burkes

— Обе фамилии несут аллюзии к известным европейским злодеям: Borgin — к Борджиа, семейству флорентийской знати, многие члены которого прославились своей жестокостью, а Burkes — к ирландскому убийце Уильяму Бёрку (его фамилия даже перешла в разряд нарицательных — to burke «душить»).

Гилдерой Локарт — Gilderoy Lockhart — имя было решено оставить нетронутым (транслитировать), так как, по словам автора, она назвала так персонажа в честь легендарного разбойника, т. е. это не составное, вымышленное, а обыкновенное имя собственное. Фамилию Lockhart категорически не следует переводить, поскольку это старый, известный и очень уважаемый шотландский клан.

Гуль — ghoul — мифическое существо и фольклорный персонаж, оборотень, представительнежитив арабской, персидской итюркской мифологии. Обычно изображается как существо с отвратительной внешностью и ослиными копытами, которые не исчезают при любых превращениях

Домовой эльф — house elf — по характеру очень похож на brownie в английском фольклоре — добрый домовой; ночью выполняет работу

за своих подопечных, фермеров. Однако они не выносят благодарности за свой труд и, если предложить им вознаграждение (а особенно одежду), обижаются и уходят — или остаются и мстят, наводя страшный беспорядок.

Итон — Eton — одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных средних школ; находится в Итоне; учащиеся — в основном выходцы из аристократических семей; многие премьер-министры Великобритании — бывшие воспитанники этой школы; плата за обучение очень высокая.

Камера Секретов — the Chamber of Secrets — слово chamber было переведено как камера, так как Роулинг использует слово chamber в его устаревшем значении «комната, камера, место где *заключена* какая-то тайна». Камера наполненная секретами. Об этой Камере ничего неизвестно, ни где она находится, ни какого она размера, неизвестно, существует ли она вообще. Слово камера родственно словам камора, комната, закрытое пространство под землёй. От перевода слова как комната пришлось отказаться, так как Роулинг отдельно называет камеру комнатой (room), и как следствие, автор подразумевает, что по легендам эта камера размером с комнату

или чулан для мётел. Но это не комната. Также до предпоследней главы ничего не известно о её размере, и герои предполагают, что она размером с чудовище, то есть не слишком большая.

Кельпи — kelpie — в шотландской низшей мифологии — водяной дух, обитающий во многих реках и озёрах. Большей частью кельпи враждебны людям. Являются они чаще всего в облике пасущегося у воды коня, подставляющего путнику спину и затем увлекающего его в воду. Всем своим видом кельпи как бы приглашает прохожего сесть на себя, а когда тот поддается на уловку, прыгает вместе с седоком в реку. Человек мгновенно вымокает до нитки и, что вероятнее, тонет, а кельпи исчезает, причем его исчезновение сопровождается грохотом и ослепительной вспышкой. Но порой, когда кельпи чем-то рассержен, он разрывает свою жертву на куски и пожирает. Следы кельпи легко узнать — копыта у него поставлены задом наперед. Кельпи способен растягиваться в длину на сколько угодно, а человек к его телу как будто прилипает. С помощью волшебной уздечки кельпи можно на какое-то время приручить, но когда действие чар закончится, он станет ещё опаснее.

Майорка — Majorca — остров в Средиземном

море, принадлежащий Испании. Очень популярный курорт.

Метаморс — Polyjuice Potion — зелье, превращающее человека в того, чьи части тела были в напиток добавлены. Polyjuice potion дословно переводится как зелье со всевозможными оттенками вкусов, некое морс-зелье. При переводе данного термина было решено совместить слова «метаморфозма» и «морс».

Мундунгус Флетчер — Mundungus Fletcher — имя Mundungus чересчур говорящее для обычной транслитерации, поскольку, вероятно, образовано от словосочетания «munch dung», т. е. дословно — «чавкать навозом». Весьма точное и предельно краткое описание личности Флетчера. Однако мы решили при адаптации имени опираться не на ассоциации с навозом, а просто на указание на определённую омерзительность персонажа.

Оборотень из Ваггa-Ваггa — Wagga Wagga Werewolf — Ваггa-Ваггa — городишко в австралийской провинции Новый Южный Уэльс. Рядом с ним также находится посёлок Lockhart.

Оттери-Сент-Кечпоул — Ottery St. Catchpole — бессмысленное словосочетание, однако очень похожее на реальные названия английских деревушек. Ottery образовано от otter “выдра», так

что можно перевести как «Выдратня, Выдрино»; «Сент» («святой») здесь означает церковь, вокруг которой деревня, скорее всего, и образовалась, имени святого Кечпоула. Полностью можно перевести как нечто «Святокечпоульское Выдрино».

Пастушья запеканка — Shepherd's pie — необыкновенно популярное в Британии блюдо, по сути, даже не являющееся пирогом: оно состоит из мелко нарезанного мяса или фарша, покрытого картофельным пюре и запеченного на противне без использования даже малейшего кусочка теста. Издревле в простонародье англичане готовили этот пирог из мяса, оставшегося после воскресного ужина. Мясо предварительно крошили или перемалывали, затем помещали его в форму для выпечки, а сверху покрывали слоем картофельного пюре, предварительно замешанного на молоке, масле и яйцах.

Странник — Errol — кличка Errol, по всей видимости, образована от «err» [з:] (англ.) — странствовать, блуждать, сбиваться с пути. Тем страннее выглядит вариант из официального перевода — Стрелка.

Том Мерволо Риддл — Tom Marvolo Riddle — marvel «чудо», riddle «загадка».

Трегуб — Parselmouth — parcel, как рассказыва-

ла Роулинг, раньше так называлась «заячья губа», дефект ротовой полости, при котором верхняя губа (а иногда и часть нёба) расщеплены. В русском языке также существует народный термин для данного явления, который и был использован в переводе. Mouth «рот».

Трегубый язык — Parseltounge — язык, на котором разговаривает человек с заячьей губой.

Уагадугу — Ouagadugou — столица Буркина-Фасо.

Феникс Фокс — Phoenix Fawkes — феникс по имени Фокс. Fawkes от имени Guy Fawkes Гая Фокса (дословно Чучело Фокса), наиболее активного участника «Порохового заговора»; его чучело сжигается 5-го ноября — в годовщину раскрытия заговора

Эггног — eggnog — напиток на основе взбитых яиц с добавлением молока, коньяка или рома, сахара, специй; подаётся горячим или холодным

* * *

Text copyright Ó 1998 **J.K.Rowling**

Authorized Russian translation Ó 2002 **Rosman-Press**

Перевод copyright Ó 2011 **Luthien**(1-12), 2013 **Юлия Кузнецова** (13–18),

под ред. **Namelfiks**,
корректор. **Mishkanorushka** (1-12), **Ю. Кузнецова** (1-18)

Данный перевод не является официальным и авторизованным. Его создатель работает на добровольной основе и не извлекает из проекта никакой материальной выгоды.

*** * ***

Особая благодарность первого переводчика — редактору, критику, первому читателю и вдохновителю проекта Namelfiks *за его неоценимую поддержку.*

Особая благодарность второго переводчика — читателям, которым пришлось по душе наше скромное творение.

А также нашему корректору Mishkanorushka, *чьи ценные комментарии сделали этот перевод одним из самых точных и полных. Особая благодарность редактора — первому переводчику, за то, что решила продолжить перевод над второй книгой, несмотря на все трудности с первой; второму переводчику за неоценимую помощь, что помогла закончить перевод. Также особая благодарность* Alone Coder,*без чьих ценных идей перевод*

не стал таким полноценным, атмосферным.

Перевод выполнен с британского издания книги

«HARRY POTTER AND THE CHAMBER OF SECRETS».

Обложка взята из британского deluxe-издания

Версия от 10.11.13